
ОБЩЕПОЛЕЗНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ
САМООБРАЗОВАНІЯ
БУТМИ.
РАЗВИТІЕ КОНСТИТУЦІИ
И ПОЛИТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ВЪ АНГЛІИ.
ИСТОРІЯ.
ФИЛОСОФІЯ
ФИЗІОЛОГІЯ
АСТРОНОМІЯ
КУЛЬТУРА
ГЕОЛОГІЯ.
ФИЗИКА.
ИСКУССТВО.
ПОЛИТИКА
ЭКОНОМ. НАУКИ
ИЗДАНІЕ
М.В. КЛЮКИНА

Засодимскій. П. „Легенды“. Цѣна 60 коп.
Толстой. Л. Н. Сказки и были. Ц. 5 к.
Засодимскій. П. „Грѣхъ“. Романъ. Цѣна 1 р.
Баранцевичъ. „Весеннія сказки“. Цѣна 35 к.
Дрожжинъ. С. Д. „Стихотворенія“. Цѣна 1 р.
Кудашевъ. В. А. „О сбереженіи почвенной влаги при обработкѣ озимыхъ полей“. Изд. 3-е, испр. и доп. Ц. 80 к.
Коринфскій. „Пѣсни сердца“. Стихотв. Цѣна 1 р.
„На память о П. И. Чайковскомъ“.
Статьи **Г. А. Ларош**а и **Н. Ф. Кашкина**. Съ портрет. Ц. 60 к.
Кожевниковъ. В. А. Безплодный трудъ, „Не-дѣланіе“ или дѣло? Изд. 2-е. Цѣна 20 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Сибирскіе разсказы. Ц. 1 р.
Друммондъ, Генри. Прогрессъ и эволюція человѣка. Переводъ съ англійск. Н. А. Иванцова. Ц. 2 р. 25 к.
Шелли. Сочин. Пер. К. Бальмонта. 4 вып. Ц. 50 к.
Козыревъ, М. Днемъ и ночью. (Типы Замоскворѣчья). Изд. 2-е. Ц. 30 к.
Гельдъ, А. Фабрика и ремесло. Перев. Спасскаго Ц. 25 к.
Гоппе-Зейдлеръ. Физіологическая химія. Перев. Булыгинскаго. М. 1878—82 гг. 3 т. Ц. вмѣсто 6—50=1—25.
Баранцевичъ, К. Родныя картинки. 17 разсказовъ. Ц. 1 р.
его-же. Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. Юмористическій сборникъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
Потапенко, И. Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р.
его-же. Одинъ. Романъ. Ц. 2 р.
Сергѣенко, П. Богиня Діана. Повѣсти и разск. Ц. 1 р.
Кругловъ, А. Не герои. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. 1-й). Изд. 2-е. Ц. 1 р.
его-же. На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. 2-й). Изд. 2-е. Ц. 1 р.
Арсеній, Г. Капризъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
М. Альбовъ и К. Баранцевичъ. Вавилонская башня. Романъ въ 2-хъ част. Съ 20 рис. Ц. 2 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Весеннія грозы. Романъ въ 3-хъ. частяхъ. Ц. 1 р. 50 к.
Толстой, Л. Смерть Ивана Ильича. Ц. 15 к.
его-же. Хозяинъ и работникъ. Ц. 5 к. и 25 к.
его-же. Плоды просвѣщенія. Ц. 25 к.
его-же. Произведенія самыхъ послѣднихъ лѣтъ, не вошедшія ни въ XIII т. изд. 1891 г., ни въ XIV т. изд. 1895 г. Ц. 60 к.
его-же. Всѣ произведенія, вошедшія въ XIV т. изд. 1895. Изд. 2-е съ дополненіемъ. Ц. 60 к.
Серао, М. Прощай, любовь! Романъ. Пер. съ итал. Ц. 60 к.
Зудерманъ. Свадьба Іоланты. Со вступительнымъ этюдомъ о Зудерманѣ Георга Брандеса. Ц. 40 к.
Коппе, Ф. Добровольная смерть. Ц. 40 к.

Л 42/142

ОБЩЕПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ
изданіе М. В. КЛЮКИНА.

Бутми.

РАЗВИТІЕ КОНСТИТУЦІИ

И

ПОЛИТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ АНГЛІИ.

Часть I. Англія отъ XI до XVI вѣка.
Часть II. Англія въ XVI и XVIII вѣкѣ.
Часть III. Промышленная и аграрная революція и олигархическое правленіе въ XVIII вѣкѣ.

Переводъ съ французскаго М. КАРОВА.

№ 11.

МОСКВА.
Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина,
Моховая, д. Бенкендорфъ.
1897.

Дозволено цензурою. Москва 16 октября 1896 года.

Типографія Елизаветы Гербекъ, 2-я Мѣщанская, домъ № 26.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Англія отъ XI до XVI вѣка.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изслѣдованія послѣдняго времени бросили новый свѣтъ на происхожденіе и на первоначальное развитіе политическихъ учрежденій въ Англіи. Освѣщеніе одной стороны вопроса, сдѣланное г. Гизо, нимало не поблѣднѣло. Послѣ великаго историка взглядъ не сталъ правильнѣе, но онъ проникъ дальше и глубже: раскрылась болѣе широкая перспектива цѣлаго, болѣе полная картина подробностей. Я хотѣлъ бы познакомить французскую публику съ главными выводами, которые установлены болѣе рельефно новѣйшими изслѣдованіями или подтверждены новыми данными.

Современная Англія въ политическомъ отношеніи сложилась въ главныхъ своихъ чертахъ въ промежуткѣ отъ XI до XIV вѣка. Характеръ и взаимныя отношенія этихъ основныхъ чертъ окончательно опредѣлились въ эпоху Тюдоровъ. Съ XI вѣка происходилъ какъ бы непрерывный ростъ сильнаго организма, завершившійся полнымъ развитіемъ, свойственнымъ зрѣлому возрасту. Фазисы

этой первой эволюціи, если сравнить ихъ съ соотвѣтствующей эволюціей во Франціи, представляютъ не мало поучительнаго.

*Авторы, труды которыхъ обновили эту часть исторіи, пользовались достовѣрными документами, пересмотрѣли безчисленное множество подлинныхъ текстовъ. Это преимущество незамѣнимо. Политическій мыслитель, почерпающій изъ источника, уже прошедшаго черезъ ихъ руки, долженъ быть очень остороженъ въ своихъ разногласіяхъ и очень сдержанъ въ своихъ возраженіяхъ. Однако ученые, какъ и всѣ люди, имѣютъ свои страсти и свои предразсудки, политическіе или національные, не говоря уже объ ихъ спеціальной склонности бросать широкую и проторенную историческую тропу своихъ предшественниковъ и переходить на болѣе узкую тропинку, которую они открыли собственными усиліями, и по которой они пошли первые, одни или въ небольшомъ числѣ. Наблюдатели, не имѣющіе тѣхъ же личныхъ причинъ предпочитать тотъ или другой путь, не всегда находятъ достаточныя основанія для такой перемѣны пути. Фриманъ, напримѣръ, относитъ происхожденіе quasi-республиканской монархіи, составляющей его политическій идеалъ *), къ самой глубокой древности. Гнейстъ охотно приписываетъ германскому вліянію все, что представляется образцовымъ въ англійскихъ учрежденіяхъ. Огюстенъ Тьерри преувеличилъ степень и продолжительность отчужденія*

---

*) Freeman. Developpement de la constitution anglaise ch. III).

между побѣдителями и побѣжденными; онъ преувеличилъ поэтому значеніе нормандскаго вліянія. Фрименъ и Гнейстъ не менѣе уклоняются въ противоположную сторону отъ средняго пути. Оба они проводятъ мысль, что современная англійская нація есть англосаксонская нація, возвратившая себѣ перевѣсъ надъ завоевателями; они полагаютъ, что свободное правленіе, эволюцію котораго мы можемъ прослѣдить уже въ историческій періодъ, не только ведетъ свое туманное начало, но и выливается въ болѣе или менѣе опредѣленную форму еще до нормандскаго завоеванія, и что этотъ типъ проявляется въ чертахъ грубыхъ и рѣзкихъ, но твердыхъ и ясныхъ среди древнихъ германскихъ общинъ.

Воображенію нравятся эти перспективы, такъ какъ онѣ расширяютъ передъ нимъ горизонтъ. Я вовсе не желаю пренебрегать ими. Состояніе общества въ древнюю эпоху можетъ быть очень поучительнымъ въ политическомъ отношеніи, если въ немъ искать только общія черты нравовъ и, такъ сказать, первыя ясно обозначившіяся очертанія національнаго характера. Такого рода изслѣдованія приводятъ, наоборотъ, къ самымъ прискорбнымъ ошибкамъ, когда стараются увидѣть въ эпоху, столь отъ насъ отдаленную, подробности опредѣленныхъ учрежденій, угадать ихъ функціи и доказать, какъ позднѣйшія учрежденія образовались изъ нихъ путемъ исключенія, дополненія или усовершенствованія). Стеббсъ очень ясно показываетъ, что германскія народности, опи-*

*) См. относительно этого Dicey. The law of the constitution ст. 12—18.

*санныя Цезаремъ и Тацитомъ, въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ находились въ своего рода «неорганическомъ» состояніи, и что нельзя ничего заключить о неопредѣлившихся еще политическихъ формахъ, которыя даже этими превосходными наблюдателями могли быть изучены только на одной изъ ступеней ихъ безпрерывной измѣнчивости**). *Это какъ бы легкія облака, которыя издали могутъ казаться горами. Стеббсъ признается, что результаты, представляемые наукой, очень неясны, что даже свидѣтельства IX вѣка о саксонцахъ смутны и темны; объ англахъ, датчанахъ или норманцахъ во время нашествія ничего неизвѣстно. Это признаніе въ своемъ невѣдѣніи менѣе откровенно по отношенію къ англосаксонскому быту; тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что нѣтъ такого предмета, о которомъ бы имѣлось менѣе свѣдѣній, чѣмъ объ управленіи общественными доходами до Завоеванія. Что касается учрежденій, относительно которыхъ онъ воображаетъ себя наиболѣе освѣдомленнымъ, то его собственныя слова о сходныхъ учрежденіяхъ, существовавшихъ въ ту же эпоху въ другихъ странахъ, отнимаютъ отъ первыхъ характеръ и цѣнность оригинальнаго и мѣстнаго открытія***). *Это большею частію начатки организаціи, которая соотвѣтствуетъ извѣстной ступени цивилизаціи и извѣстному соціальному строю; одни и тѣ же вліянія среды*

---

*) Stubbs, I, гл. II. ibid., III, гл. IV.

**) Stubbs, 1, 208. Точно также Стеббсъ относитъ къ каролингскимъ образцамъ нѣкоторыя изъ административныхъ учрежденій Генриха II, scutage, assize of arms, inquest of scheriffs и т. д. Stubbs, 441, 591, 613.

вызвали ихъ къ жизни почти одновременно во всѣхъ, приблизительно, европейскихъ странахъ. Капитальныя различія, обнаружившіяся впослѣдствіи въ политическомъ устройствѣ государствъ, должны быть объяснены позднѣйшими причинами.

*Фриманъ долженъ былъ дѣлать особенно смѣлые выводы и подгонять сомнительныя аналогіи, чтобы установить не только связь съ традиціями, но и нѣкоторое сходство между англо-саксонскимъ витенагемотомъ и современной палатой лордовъ *), и самъ Стеббсъ, кажется, слишкомъ поспѣшилъ со своимъ заключеніемъ, считая судъ графства, учрежденіе бывшее до Завоеванія, жизненной ячейкой, изъ которой само собой вытекло парламентское представительство. Витенагемотъ и судъ графства чахли и находились при послѣднемъ издыханіи въ XI вѣкѣ, и соотвѣтствующія учрежденія, которыя появляются послѣ 1066 г., различаются во столькихъ пунктахъ отъ своихъ мнимыхъ оригиналовъ, что можно ихъ считать образовавшимися заново. Очевидно, они обязаны своимъ существованіемъ скорѣй крупному событію, которое только-что совершилось, чѣмъ разрушенному зданію, планомъ и матеріаломъ котораго они болѣе или менѣе воспользовались.*

Однимъ словомъ, чтобы покончить съ вопросомъ о методѣ, можно сказать, что причины политическаго устройства лежатъ или очень далеко отъ насъ, или гораздо ближе, чѣмъ то казалось авторамъ, положенія которыхъ я разбираю. Въ очень

---

*) Палата лордовъ, говоритъ онъ, напоминаетъ или скорѣе есть старинный витенагемотъ (The Growth of the English consitution, гл. II, стр. 91.)

отдаленномъ прошломъ можно изучать развѣ только первобытныя и основныя свойства, такъ сказать общій уклонъ, по которому шло развитіе національнаго характера; эти черты тамъ обнаруживаются тѣмъ виднѣе, что историческія событія еще не взрыли и не потрясли почвы; они объясняютъ общее направленіе и характеризуютъ силу потока, который приводитъ въ движеніе политическіе механизмы. Что касается самихъ механизмовъ, то ихъ генезисъ и превращенія происходятъ почти всегда отъ причинъ болѣе спеціальныхъ, болѣе обусловленныхъ непосредственною средою, болѣе близкихъ и случайныхъ. Лично я думаю, что конституціонное и парламентское устройство, первый и достопамятный образецъ котораго англичане дали міру, обусловливалось скорѣе историческими данными, чѣмъ чисто этническими; оно вытекло скорѣе изъ необходимости, созданной обстоятельствами, и главнымъ образомъ изъ крупнаго случайнаго событія, чѣмъ изъ наслѣдія, передаваемаго и увеличивавшагося постепенно отъ поколѣнія къ поколѣнію послѣ саксонскаго завоеванія. Напрасно хотятъ, по моему мнѣнію, усмотрѣть въ современномъ англійскомъ народѣ расу, которая послѣ кратковременнаго кризиса 1066 года, такъ сказать, оправилась, вновь овладѣла своимъ геніемъ, отыскала путь, съ котораго ее столкнуло сильное потрясеніе. Вѣрнѣе считать этотъ народъ просто политическимъ обществомъ, пришедшимъ въ XI вѣкѣ въ состояніе разложенія, въ которомъ угасали всѣ его живыя силы; оно во время встрѣтилось съ великой военной, экономической и административ-

ной революціей, закалилось въ ней и получило прочность и форму, сохранившуюся въ существенныхъ чертахъ до нашихъ дней; оно обязано этой формой не столько самому событію, сколько медленно дѣйствовавшему нету его послѣдствій, не столько качествамъ, присущимъ каждой изъ расъ, сколько физическимъ и моральнымъ условіямъ, въ которыхъ находился весь народъ.

I.

Административная монархія и крупные вассалы. Великая хартія.

Въ 1066-мъ году обрисовывается и опредѣляется то направленіе, въ которомъ развилась вся исторія политическихъ учрежденій Англіи. Вслѣдствіе Завоеванія, королевская и феодальная системы находятся въ совершенно другихъ условіяхъ въ Англіи, чѣмъ во Франціи или Германіи. Силы, обнаруживаемыя той и другой властью, ихъ организація и, если можно такъ выразиться, ихъ боевой фронтъ для защиты и нападенія, союзы, которыхъ онѣ добиваются, требованія, которыя онѣ выдвигаютъ, и права, которыя онѣ пытаются осуществить, значительно отличаются другъ отъ друга по сю и по ту сторону Ламанша. Исключительное положеніе создало и исключительныя слѣдствія. Средневѣковыя учрежденія, глубоко измѣненныя Завоеваніемъ, породили, такъ сказать, сами собой національное единство, понятіе о государствѣ, равенство по отношенію къ налогамъ и закону, самоуправленіе (self-government), политическую свободу и ея органы въ то время, когда ни одинъ изъ другихъ европейскихъ народовъ не имѣлъ даже предчувствія этихъ великихъ идей.

Изучимъ поближе и сравнимъ Англію и Францію въ одиннадцатомъ вѣкѣ. На материкѣ феодализмъ вытекаетъ отчасти изъ несоотвѣтствія между обшир-

ностью каролингской монархіи и недостаточностью государственныхъ силъ для управленія почти варварскимъ обществомъ. Феодализмъ развился здѣсь путемъ послѣдовательнаго дробленія сперва Имперіи, а затѣмъ все еще слишкомъ обширныхъ королевствъ Франціи и Германіи. Изъ ихъ обломковъ вышла масса маленькихъ государствъ, между которыми образовался союзъ, довольно слабо сплоченный, подъ номинальнымъ главенствомъ одного изъ нихъ. Въ XI вѣкѣ французская королевская власть, небогатая владѣніями и продолжавшая сама у себя отнимать ихъ, почти исчезаетъ среди феодализма, который усиливается и крѣпнетъ вокругъ нея. Ея верховенство, которымъ она еще иногда сдержанно пользуется, быстро превращается въ сюзеренство. Династія, завладѣвшая трономъ, благодаря индифферентизму крупныхъ вассаловъ, на самомъ дѣлѣ становится только prima inter pares. Она сохраняетъ и временами выказываетъ размѣры своихъ претензій; но открыто она вступаетъ въ борьбу только черезъ два вѣка послѣ революціи 987 г.; она ожидаетъ силы, чтобы предъявить свое право. До тѣхъ поръ она будетъ избѣгать распрей тамъ, гдѣ не разсчитываетъ одержать верхъ, чтобы неудачами не ослабить верховныя права, которыя она хранитъ для будущаго.

Ничего подобнаго не встрѣчается въ Англіи 1066-го года. Вслѣдствіе Завоеванія, германская идея о начальникѣ арміи, окруженномъ товарищами по оружію, и даже нѣчто похожее на римскую идею о государѣ и его подданныхъ вновь возникаетъ рядомъ съ понятіемъ о сюзеренѣ и его территоріальныхъ баронахъ. Величина страны, завоеванной нормандцами, соотвѣтствуетъ административнымъ способностямъ правительства XI вѣка. Территорія страны въ четыре съ половиной раза меньше современной Франціи,—такъ какъ ей не принадлежитъ Валлисъ, а три сѣверныхъ графства примкнутъ къ ней только гораздо позднѣе,—эта территорія на самомъ своемъ боль-

шомъ протяженіи (отъ Лондона до Ньюкэстля) не превосходитъ разстоянія отъ Парижа до Ларошеля*). Феодализмъ, развивающійся на этомъ пространствѣ, не есть результатъ медленнаго и естественнаго разложенія государства, или же слѣдствіе ряда потерь, испытанныхъ слишкомъ слабымъ государемъ **), — онъ есть послѣдствіе раздѣла, совершеннаго по волѣ и подъ контролемъ побѣдоноснаго государя (Вильгельма Завоевателя), самаго могущественнаго и стремящагося остаться таковымъ. Замѣчателенъ способъ, посредствомъ котораго производится распредѣленіе помѣстій между дружинниками Завоевателя. Во Франціи крупные лены, возникшіе изъ правительственныхъ округовъ, которыми управляли герцоги, графы и маркграфы, назначенные первыми Каролингами, продолжали въ цѣломъ своемъ составѣ принадлежать одному вассалу. Въ Англіи же король, болѣе предусмотрительный, жалуетъ своихъ главныхъ вассаловъ помѣстьями, разсѣянными въ различныхъ частяхъ территоріи. Наиболѣе надѣленный имѣлъ 793 имѣнія (manors), расположенныхъ въ 20 графствахъ. 40 другихъ, цвѣтъ баронства, владѣли имѣніями въ шести, двѣнадцати, семнадцати и даже двадцати одномъ графствахъ. По всей вѣроятности, ни одна изъ владѣльческихъ юрисдикцій, кромѣ пфальцграфскихъ, не простиралась на цѣлое графство, и большинство изъ нихъ не превышало предѣловъ одной сотни (hundred), соотвѣтствовавшей въ среднемъ одному теперешнему французскому кантону ***).

Сказанное даетъ понятіе объ этомъ дробномъ (parcellaire)

*) Разстояніе отъ Парижа до Ларошеля равно приблизительно разстоянію отъ Москвы до Нижняго. Пер.

**) Бокль обращаетъ вниманіе на то, что во Франціи крупные дворяне владѣли помѣстьями не въ силу даренія, но по праву давности (par prescription.) II, стр. 311. См. Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Изд. Павленкова. Спб. 1895, стр. 252.— Смотри также Hallam, l'Europe au moyen âge, III, стр. 58.

***) Gneist, I, 112.

феодализмѣ. Большинство крупныхъ вассаловъ не могли, стало быть, созвать сколько нибудь значительнаго войска, не разсылая приглашеній во всѣ концы Англіи, что было сопряжено съ неудобствами, а силы, которыми они располагали въ каждомъ графствѣ, были значительно меньше, чѣмъ у королевскаго чиновника, виконта или шерифа, подъ начальствомъ котораго собирались всѣ мелкіе вассалы короны. Нужно прибавить, что изъ этихъ разбросанныхъ владѣній нѣкоторыя не могли не находиться по близости и какъ бы подъ рукой у короля; это давало ему средство укротить самыхъ непокорныхъ бароновъ. Большое число ленъ дѣлало только вассаловъ болѣе уязвимыми.

Такимъ образомъ можно очень ошибиться относительно правоваго и фактическаго положенія норманскихъ вассаловъ въ Англіи, если судить о нихъ на основаніи крупныхъ французскихъ феодаловъ въ ту же эпоху. Изъ всего состава высшаго англо-нормандскаго баронства первыми по достоинству были тогда графы. Но было бы совершенно несправедливо видѣть въ нихъ королевскихъ управителей, или же сеньоровъ, господствовавшихъ на всемъ протяженіи территоріи даннаго графства. Во-первыхъ, много было англійскихъ графствъ безъ графа*), затѣмъ, не всѣ графы получали названіе отъ своихъ графствъ; очень часто они носили имя города или просто свое фамильное имя**); это различіе имѣетъ свое значеніе. Они получали свой титулъ оттуда, гдѣ находилась большая часть ихъ владѣній, но съ самыхъ давнихъ поръ встрѣчаются и противопо-

*) Завоеватель, повидимому, создалъ только трехъ англійскихъ графовъ; одинъ документъ Генриха I указываетъ ихъ не болѣе пяти. Stubbs. I, 362.

**) Gneist, I, 171.

ложныя явленія *); притомъ въ этой области они совершенно не имѣли правительственной власти; исключеніе **) составляютъ Честерскій и Доргемскій пфальцграфы на обязанности которыхъ лежала защита новой государственной организаціи противъ Валлійцевъ и Шотландцевъ, въ силу чего на территоріи своихъ графствъ они пользовались самыми обширными королевскими правами ***). Что касается другихъ, то ихъ титулъ былъ знакомъ отличія и правомъ на доходы. Обыкновенно они носили шпагу графства и получали трѣть судебныхъ доходовъ, собираемыхъ шерифомъ или виконтомъ; это были самыя опредѣленныя изъ ихъ отношеній съ извѣстнымъ административнымъ округомъ. Но и это преимущество давалось не всѣмъ и не всегда было наслѣдственнымъ ****). Словомъ, крупные англійскіе вассалы скорѣй походили на землевладѣльцевъ помѣщиковъ, чѣмъ на территоріальныхъ бароновъ. Очень часто это были весьма вліятельныя лица, но никогда, даже въ малой степени, они не были государями. Имъ не хватало основной ячейки верховной власти, мелкаго феодальнаго владѣнія, которое бы отъ нихъ зависѣло; не было у нихъ также и правъ на верховенство, которое бы они получили путемъ дѣйствительной или фиктивной передачи имъ главнѣйшихъ аттрибутовъ королевской власти. Тотъ простой фактъ, что король Стефанъ

*) Документы свидѣтельствуютъ, что владѣнія Симона де Монфора были разсѣяны по Лейчестерскому, Нордгемптонскому, Суффолькскому и Беркскому графствамъ; въ первомъ изъ этихъ графствъ у него было меньше всего земель, между тѣмъ какъ всѣ владѣнія назывались лейчестерскими; этотъ же титулъ принадлежалъ графу. (См. Bémont, Simon de Monfort, стр. 55).— 300 лѣтъ спустя, въ XV в. графъ Оксфордскій имѣлъ большинство своихъ владѣній въ Эссексѣ, а графъ Норфолькскій въ Сорреѣ. (Stubbs, III, стр. 528).

**) Stubbs (ibid).

***) Quasi-пфальцграфства Салопское и Кентское скоро были вновь присоединены къ коронѣ

****) Premier dialogue de l'échiquier, I, 17.

могъ создавать безземельныхъ графовъ, получавшихъ жалованье изъ королевской казны и снабженныхъ чѣмъ то вродѣ сенаторской синекуры, указываетъ на громадную разницу, существовавшую въ началѣ XII в. между высшимъ баронствомъ Англіи и крупными французскими вассалами. Первое продолжало оставаться близкимъ къ такъ называемой дружинѣ, comitatus, т.-е. къ группѣ приближенныхъ, которыхъ король вознаграждалъ движимыми и недвижимыми подарками, пожизненными или вѣчными. Личная связь здѣсь еще преобладала*) въ ту эпоху, когда французскій феодализмъ уже являлся въ совершенно развитой и законченной формѣ территоріальной іерархіи, которая состояла изъ областныхъ династовъ, властелиновъ и почти королей въ своихъ помѣстьяхъ.

Рядомъ съ этимъ баронствомъ, стоящимъ на болѣе низкой ступени въ отношеніи престижа и силы, чѣмъ баронство Франціи и Германіи, находилась королевская власть, которая была несравненно болѣе могущественна и лучше вооружена, чѣмъ королевская власть на материкѣ. Разница въ силахъ была громадная, если сравнить какого нибудь графа Варенскаго или Герфордскаго съ королемъ англійскимъ, онъ-же герцогъ Нормандскій, а менѣе, чѣмъ сто лѣтъ спустя, графъ Анжуйскій, Мэнскій, Туренскій, сюзеренъ Бретанскій, владѣтель Аквитанскій. Если же сравнить графа Фландрскаго или Тулузскаго съ Людовикомъ VI, владѣтелемъ небольшой, постоянно тревожимой земли, котораго Сюгеръ хвалитъ за то, что онъ заставилъ бояться себя во всѣй Беррійской области, то разницы почти никакой не окажется. Въ собственно Англіи корона съ самаго начала заняла положеніе, по всѣмъ признакамъ весьма могущественное. Какъ извѣстно, Вильгельму I принадлежали всѣ большіе

*) Comites sibi creat, говоритъ еще Dialogue de l'échiquier. Ibid.

города королевства, исключая пфальцграфскихъ. *) Онъ могъ безпрепятственно произвести на всей территоріи поземельный кадастръ и на этомъ твердомъ фундаментѣ основать податное обложеніе. Онъ потребовалъ прямой присяги въ вѣрности не только отъ своихъ вассаловъ, но и отъ вассаловъ своихъ вассаловъ. Этимъ онъ установилъ непосредственную связь между подданнымъ и короной, минуя такимъ образомъ феодальную іерархію. Права опеки и брака, которыми онъ пользовался въ помѣстьяхъ своихъ бароновъ, строже соблюдались, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ съ феодальнымъ режимомъ. Онъ увеличилъ до злоупотребленій **) свои права на лѣса и предоставилъ себѣ юрисдикцію надъ всѣми мѣстами для охоты, было ли то внутри или внѣ его владѣній. Его фискальные поборы были стѣснительны, а поборы его преемниковъ—нестерпимы. ***) Бароны этихъ послѣднихъ возставали, терпѣли пораженія; имѣнія ихъ конфисковались и переходили къ другимъ. Ни одного изъ этихъ крайнихъ дѣйствій абсолютизма не было во Франціи, начиная съ первыхъ Каролинговъ, и даже гораздо позже короли не могли бы на нихъ рѣшиться. Въ серединѣ XIII вѣка здѣсь въ полной силѣ сохраняется дѣленіе земель на „послушныя и непослушныя королю“: послѣд-

*) Замѣчательно, что изъ 1500 городскихъ хартій, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, только 49 исходятъ отъ бароновъ. (Gneist, I, 153.)

**) Stubbs, I, гл. XI.

***) Слѣдующіе два факта въ особенности показываютъ силу королевской власти въ Англіи. Во-первыхъ, частныя войны, которыя французскіе короли стараются регламентировать и только условно соглашаются допускать ихъ вплоть до 1330, и до 1353 гг., очень рано исчезаютъ на другой сторонѣ пролива. Крупные вассалы соблюдаютъ между собой королевскій миръ. Они поднимаютъ оружіе только противъ самого короля, когда они стѣснены и угнетены, или когда они стремятся перемѣнить династію. Во-вторыхъ, ни одинъ англійскій подданный никогда не имѣлъ права чеканить монету съ какимъ нибудь другимъ изображеніемъ, кромѣ королевскаго. Напротивъ, монеты вассаловъ сохранились во Франціи до начала новыхъ временъ.

нія, въ которыхъ король не имѣлъ никакой власти, обнимали собой всѣ владѣнія крупныхъ феодаловъ и равнялись почти двумъ третямъ современной Франціи.

Столь могущественная королевская власть въ Англіи уже съ раннихъ поръ имѣла въ своемъ распоряженіи довольно усовершенствованный административный аппаратъ, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ существовали только зародыши его. Въ центрѣ находился дворъ короля, раздѣленный на 2 отдѣленія, одно—фискальное, другое—судебное *): оба состояли изъ тѣхъ же лицъ; дворъ давалъ должное направленіе всѣмъ вѣдомствамъ. Въ графствахъ представителемъ короны былъ виконтъ; послѣдній никогда не былъ подчиненъ графу, хотя его названіе **) какъ бы намекаетъ на противоположное. Онъ зависѣлъ непосредственно отъ центральнаго правительства. Его отношенія къ графамъ, прелатамъ и баронамъ графства были отношеніями чиновника къ вліятельнымъ и подозрительнымъ лицамъ, за которыми онъ почтительно наблюдаетъ, въ ожиданіи момента, когда ему придется вступить съ ними въ борьбу. Онъ имъ передавалъ королевскіе указы. Выраженіе „la force et la justice du roi et du vicomte“ (сила и правда короля и виконта ***) ясно доказываетъ, что между королемъ и его областнымъ представителемъ не было посредниковъ. Крупные вассалы пытались завладѣть этой важной должностью, заразъ военной, судебной и фискальной. Въ нѣкоторыхъ графствахъ имъ удалось сдѣлать ее наслѣдственной, но эти случаи захвата были очень рѣдки. Почти всюду виконты или шерифы продолжали быть королевскими чиновниками, назначались ежегодно и совершенно зависѣли отъ центральнаго правительства. Съ

*) Hallam, Middle Ages, III, 86.

**) Comte—графъ; vicomte—виконтъ. Пер.

***) Указъ Вильгельма I, раздѣляющій юрисдикцію духовную отъ свѣтской (Stubbs, Sel. Charters, стр. 85).

1170 г. становится правиломъ не выбирать больше шерифовъ изъ среды бароновъ, а назначать ихъ изъ судейскихъ чиновниковъ *). Нѣсколько разъ должности шерифовъ упразднялись и въ промежуткѣ были занимаемы судьями изъ королевскаго двора, которые вдвоемъ иногда управляли дѣлами одиннадцати графствъ. При каждомъ удобномъ случаѣ король обуздываетъ своихъ виконтовъ, смѣщаетъ ихъ, отрѣшаетъ отъ должности всѣхъ вмѣстѣ или поодиночкѣ. Въ слѣдующемъ столѣтіи ихъ власть уже значительно ограничена, но ихъ многосложная дѣятельность еще непрерывно продолжается. Позднѣе королевская власть, лучше вооруженная, примется систематически урѣзывать ихъ полномочія. Въ теченіе XIII столѣтія ихъ положеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію бальи или сенешаловъ, управлявшихъ во Франціи королевскими имѣніями; но они управляли не только извѣстной частью національной земли, какъ во Франціи, ихъ можно было встрѣтить на всей англійской территоріи; въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Англіи чувствовалось, благодаря имъ, присутствіе королевской власти. Отъ ея имени они выполняли многообразныя обязанности, имъ порученныя, и даже ихъ опала заставляла всюду чувствовать и признавать силу и власть короны.

Административная организація англійской монархіи очень рано была пополнена введеніемъ странствующихъ судей. Эти чиновники связывали центральное правительство съ мѣстнымъ. Они появились во время Генриха I, спустя меньше полувѣка послѣ Завоеванія. Обыкновенно они входятъ въ составъ королевскаго двора, куда они возвращаются послѣ объѣзда. Это были missi dominici Каролинговъ, вновь созданные англійской монархіей; къ небольшимъ размѣрамъ королевства они лучше подходили, чѣмъ къ размѣрамъ Имперіи. Во Франціи они уже давно исчезли. Въ XIII в. королевскіе ревизоры Людовика Свя-

*) Stubbs, I, 474.

того представляли эфемерное учрежденіе, не пережившее этого государя. Позднѣе, ни путешествія королевскихъ коммисаровъ, посылаемыхъ въ провинціи и въ города для переговоровъ о налогѣ, ни, еще позднѣе, объѣзды верхомъ рекетмейстеровъ не имѣли характера постояннаго учрежденія *); это были случайныя миссіи. То-же было и во время Великихъ Дней, т. е. во время судебныхъ сессій, засѣдавшихъ въ провинціяхъ, слишкомъ далекихъ отъ Парижскаго парламента, чтобы возможно было туда апеллировать. Можно было бы сказать, употребивъ юридическое выраженіе, что высшая инстанція королевскаго суда была странствующей (portable) въ Англіи и разыскиваемой (quèrable) во Франціи. Въ первомъ случаѣ она шла навстрѣчу тяжущимся, во второмъ — нужно было ее разыскивать, и это естественно уменьшало какъ ея вліяніе, такъ и довѣріе къ ней. Положеніе странствующихъ судей было вліятельное. Когда они отправляли правосудіе въ графствѣ, то никакая льгота, никакая баронская вольность не давала возможности уклониться отъ ихъ суда. Всѣ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, были имъ подсудны. Они разбирали (на мѣстѣ) аппеляціи провинціальныхъ судовъ согласно съ духомъ высшаго трибунала, членами котораго они состояли. Легко можно понять, какой высокой степени авторитета и престижа достигала королевская власть, представленная во всѣхъ частяхъ королевства этой высокой делегаціей, которая періодически возвращалась въ центръ, чтобы получить инструкціи и проникнуться духомъ правительства **).

Могущественная, располагавшая хорошими исполнителями королевская власть и сравнительно слабое баронство—вотъ двѣ важныхъ черты, рѣзко отличающія Англію отъ другихъ европейскихъ государствъ. Живучее

*) Притомъ рекетмейстеры должны были только смотрѣть, слушать и доносить: ихъ роль была по существу наблюдательная.

**) Stubbs, I, 605 и слѣд.

и рано развившееся чувство національнаго единства есть новая черта, не менѣе важная и не менѣе характерная. Фриманъ и послѣ него Гринъ доказали, какъ первые германскіе завоеватели Великобританіи, Юты, Англы, Саксы и даже Датчане произошли отъ одной и той же нижне-германской вѣтви, какъ они утвердились въ наименѣе романизованной изъ всѣхъ римской провинціи, какъ медленность ихъ завоеваній и энергичная борьба повели къ истребленію кельтскихъ народностей или замкнули ихъ въ тѣсные предѣлы племенъ, какъ, такимъ образомъ, разрушены были всѣ слѣды предыдущей цивилизаціи и получилась въ результатѣ раса болѣе чистая, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и болѣе полно сохранившая свой первоначальный типъ. Изъ всѣхъ доказательствъ, приводимыхъ учеными авторами для того, чтобы установить этотъ особенный характеръ саксонскаго нашествія, я укажу на слѣдующія два: во-первыхъ, что эти язычники, придя въ соприкосновеніе въ 449 г. съ болѣе цивилизованнымъ христіанскимъ народомъ, оставались язычниками почти до средины VII в. (597—681), и что они были обязаны своимъ запоздалымъ обращеніемъ не побѣжденнымъ, но миссіонерамъ, пришедшимъ изъ Рима или же изъ Ирландіи; — во-вторыхъ, что ихъ языкъ, ни тогда, ни позже, вплоть до нормандскаго нашествія, не подвергся никакому замѣтному латинскому вліянію: германская основа языка осталась такъ прочна, что даже и въ настоящее время невозможно составить англійской фразы изъ словъ латинскаго происхожденія. Нормандцы въ свою очередь происходятъ отъ той же вѣтви какъ и предыдущіе завоеватели. Какъ бы сильно ни сказалось французское вліяніе въ ихъ обычаяхъ и языкѣ, все таки въ нихъ оставалось такъ много германскаго, что англо-саксонское вліяніе могло на этой родной почвѣ проявиться быстро и съ необыкновенной силой.

Я не буду высказываться, насколько цѣнны и важ-

ны эти племенныя вліянія. Здѣсь имѣетъ преобладающее вліяніе болѣе общая причина. Чувство единства и обособленности скорѣе можетъ возникнуть и окрѣпнуть на островѣ, чѣмъ на материкѣ. Границы, намѣченныя теченіемъ рѣки или горной цѣпью, могутъ перемѣщаться и на самомъ дѣлѣ перемѣщаются. Національности, раздѣленныя этимъ непрочнымъ и подвижнымъ барьеромъ, довольно медленно выдѣляются и обособляются отъ другихъ. Ясное сознаніе обособленности въ концѣ концовъ можетъ у нихъ сложиться, но только въ результатѣ исторіи и подъ вліяніемъ продолжительной совмѣстной жизни, а географическая неопредѣленность оставляетъ это сознаніе на долго нерѣшительнымъ и колеблющимся. Напротивъ, столь ясная на картѣ и столь постоянная граница, какъ море, заставляетъ считать народы, которыхъ она раздѣляетъ, совершенно изолированными и каждую такую группу, которая находится въ сторонѣ отъ другихъ, естественной единицей. Нормандскіе бароны менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе послѣ Завоеванія уже обнаруживаютъ склонность считать себя однимъ народомъ съ побѣжденными *).

Лица, которыхъ анжуйскіе короли приводятъ съ материка въ своей свитѣ: жители Турени, Пуату, или даже нормандцы, только что покинувшіе Нормандію, ненависты и подозрительны первымъ колонистамъ не только въ качествѣ новыхъ конкуррентовъ; они смотрятъ на нихъ инстинктивно, какъ на иностранцевъ, хотя это ихъ же вчерашніе земляки, и хотя тѣ и другіе говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, непонятнымъ для саксонцевъ. Ненависть къ заморскимъ пришельцамъ сказывается въ длинномъ рядѣ жалобъ и заявленій, адресованныхъ къ королямъ. Съ другой стороны документъ, который я уже

*) Къ концу XIII в. разница въ костюмѣ нормандцевъ и саксонцевъ исчезла (Strutt, Wiew of the dress and habits of the people of England, t. II).

цитировалъ, *) свидѣтельствуетъ, что съ XII в. сліяніе побѣжденныхъ съ побѣдителями закончилось „до такой степени“, говоритъ текстъ, „что почти невозможно отличить въ средѣ свободныхъ людей англичанина отъ нормандца“ **).

Тотъ же документъ отмѣчаетъ частые смѣшанные браки между двумя расами, и этотъ фактъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что въ то же самое время браки съ иностранцами считались своего рода несчастіемъ. Статья 6-ая баронской петиціи въ 1258 г. требуетъ чтобы не выдавали замужъ знатныхъ наслѣдницъ „за неровню, за низшаго себя“, заставляя ихъ „поступать предосудительно“ (таковы два приблизительныхъ значенія слова disparagentur); очень характеристично объясненіе, которое даетъ контекстъ по поводу этого слова ***) „соединяя ихъ, значится тамъ, съ лицами, не принадлежащими къ національностямъ англійскаго королевства“. Извѣстно, что англійская знать сохранила эту традицію и допускаетъ бракъ только между лицами своего круга. Не мало государствъ на континентѣ пострадало отъ космополитическаго дворянства и ультрамонтанскаго духовенства. Въ Англіи же дворянство и духовенство были, какъ и повсюду, эгоистичными, буйными, жадными, деспотичными, но съ самаго начала, въ силу своего рода географической фатальности, они оказались проникнутыми узкимъ, недовѣрчивымъ національнымъ чувствомъ, которое имѣло то преимущество, что, ограничивъ кругозоръ, остановило развитіе кастоваго духа и безпрестанно глухо подкапывалось,—я поговорю объ этомъ немного ниже,—подъ основанія католицизма въ Англіи.

Одно обстоятельство особенно помогло такому быстрому развитію національнаго самосознанія въ Англіи, это

*) Dialogue de l' echiquier.
**) Stubbs, Select Charters, стр. 201.
***) Stubbs, стр. 383.

очень давняя однородность различныхъ частей государства. Возьмите Францію съ ея административной раздробленностью съ самаго начала и до конца стараго порядка. Вы найдете въ ней обширныя провинціи, равныя королевствамъ средняго размѣра; Бретань составляетъ болѣе четверти собственно Англіи; нѣкоторыя изъ нихъ соотвѣтствуютъ особымъ племеннымъ группамъ: въ основѣ ихъ населенія лежитъ отдѣльное племя; нѣкоторыя были настоящими государствами и не забыли того времени, когда ихъ правители были самодержавными. Присоединеніе ихъ къ коронѣ было тоже неодинаковое: иногда оно производилось посредствомъ завоеванія, часто путемъ брака, наслѣдованія, договора и почти всегда на условіяхъ, гарантирующихъ старинныя вольности. *) Король, занявъ мѣсто прежняго сеньора, ведетъ переговоры непосредственно и отдѣльно съ каждой областью, какъ относительно таможенныхъ пошлинъ, такъ и о способѣ взиманія налога. Въ національныхъ собраніяхъ, которыя начнутся съ XIV в., эта обособленость сохранится; депутаты сперва раздѣлятся по сословіямъ, но вскорѣ послѣ этого внутри каждаго сословія они будутъ дѣлиться по провинціямъ или по группамъ провинцій; **) очень часто нѣкоторыя изъ этихъ группъ, погруженныя всецѣло въ свои интересы, будутъ переговариваться только за самихъ себя и будутъ удаляться или воздержатся отъ участія въ общихъ рѣшеніяхъ, какъ только онѣ будутъ удовлетворены. Словомъ,

---

*) Во время Филиппа Длиннаго Лангедокъ не желаетъ одной и той же монеты для всего королевства. Онъ придерживается своихъ мѣръ и вѣсовъ и не принимаетъ парижскихъ.

**) Главнымъ образомъ сеймы 1576, 1588 г.; дѣленіе происходитъ соотвѣтственно „gouvernements“. Тѣ же стремленія обнаружились въ 1483 г. въ штатахъ въ Турѣ. Въ 1346 г. Гервье отмѣчаетъ подачу голоса по провинціальнымъ штатамъ и по народностямъ. То же самое въ 1349 г. въ Лангдойлѣ. Отдѣльныя собранія штатовъ въ Лангедокѣ и Лангдойлѣ долго продолжаются.

при кажущемся единеніи, которое давала странѣ неограниченная и авторитетная королевская власть, націи въ XVII в. не существовало: ее еще предстояло создать *). Она уже не представляла федераціи и не была еще единымъ народомъ. Извѣстно, что во время религіозныхъ войнъ Ла-Нуэ предвидѣлъ возможность расчлененія монархіи **).

По счастливой случайности Англія съ XII в. была однородной. Отчасти она обязана этимъ преимуще-

---

*) Адамъ Смитъ, какъ извѣстно, указываетъ на давнишнюю полную свободу внутренней торговли Англіи, какъ на очень важное преимущество ея. Французскіе короли стремились къ этому, но, повидимому, они не были столь сильны, чтобы осуществить свое намѣреніе. Въ 1621 г. Людовикъ XIII дозволяетъ открыть новыя таможни въ нѣкоторыхъ пограничныхъ провинціяхъ, въ которыхъ ихъ не было до тѣхъ поръ, но онъ даетъ имъ свободу выбора, учредить ли ихъ на внѣшней или на внутренней границѣ. Такъ какъ Бургундія болѣе дорожила торговлей съ внутренней Франціей, то она устроила таможни на границѣ съ Франшъ-Конте, которое принадлежало тогда Испаніи. Напротивъ, Сентонжъ, Онисъ, Гіенна, Бретань, Мэнъ открывали свои таможни со стороны Нормандіи и Пуату, чтобы сохранить свободу заграничной торговли. Позже, когда Кольберъ организовалъ свои „grandes fermes“, онъ не навязывалъ, а только предлагалъ провинціямъ соединиться, и, какъ извѣстно, только однѣ провинціи сѣвернаго центра согласились на предложеніе. Этотъ фактъ лучше всего доказываетъ, что во Франціи существовала тогда самая непрочная федеративная связь, и что чувство патріотизма было еще не на столько сильно, чтобы скрѣпить государственное единство. P. Clement, Histoire du systeme protecteur.

**) Любопытно происхожденіе французскихъ интендантовъ, воплотившихъ въ себѣ французскую централизацію. Это учрежденіе не есть, какъ можно было бы думать, результатъ правильнаго развитія административной организаціи: оно скорѣе заимствовано отъ періода анархіи и представляетъ собой уцѣлѣвшій и окрѣпшій остатокъ осаднаго положенія. По всей вѣроятности, первоначальный типъ интенданта былъ очень похожъ на коммисара XVI вѣка, посылаемаго въ тѣ провинціи, гдѣ надо

ствомъ совершенно своеобразному характеру административнаго дѣленія, унаслѣдованному отъ Англо-Саксовъ. Самый обширный ея округъ едва равнялся въ среднемъ половинѣ французскаго департамента въ наше время и десятой части такой провинціи, какъ Бретань. У такого округа не хватило бы силъ для поддержанія своихъ претензій. Нѣсколько графствъ соотвѣтствовали болѣе или менѣе точно не цѣлой расѣ, а извѣстному племени завоевателей; иногда частью они соединялись въ видѣ эфемернаго королевства, и рѣдко такое соединеніе опиралось на племенную особенность. Очень немногіе могли сохранить память о независимомъ политическомъ существованіи. Безпрестанныя революціи, завоеванія и сліянія англо-саксонскаго періода перепутали всѣ эти воспоминанія. Покоренныя одновременно нормандскими королями, графства не имѣли возможности договариваться порознь относительно сохраненія или дарованія себѣ вольностей. При такихъ условіяхъ они были ни болѣе, ни менѣе, какъ простыя административныя и фискальныя единицы безъ индивидуальныхъ особенно-

---

было водворить порядокъ, и прикомандированнаго къ генералу, начальствовавшему надъ тамошними войсками. Отсюда происходитъ выраженіе „интенданты... изъ военныхъ“, сохранившееся за ними впослѣдствіи. Учрежденіе это локализуется вмѣстѣ съ безпорядками, прекращается вмѣстѣ съ ними и вновь оживаетъ съ ихъ возобновленіемъ; въ 1635 г. оно наконецъ закрѣпляется и распространяется на все замиренное королевство.

Естественно, что ихъ власть вначалѣ чрезвычайно велика, т. е. почти безгранична. Эта власть немного позже становится постоянной. Нѣтъ лучшаго доказательства состоянія политической раздробленности, въ которомъ Франція находилась въ началѣ XVII в., какъ тотъ фактъ, что провинціальные агенты королевской власти возникли не путемъ постепеннаго расширенія власти гражданскихъ чиновниковъ, а путемъ посылки вслѣдъ за арміями, какъ бы для вторичнаго завоеванія страны, коммисаровъ, подобныхъ коммисарамъ Конвента.—V. Hanotcaux, les Intendants.

стей и общихъ интересовъ. Не было никакого сходства между ними и французскими провинціями при старомъ порядкѣ. Сходство было скорѣе, если отбросить все искусственное и насильственное, съ тѣми департаментскими округами, съ помощью которыхъ Учредительное Собраніе 1789 г. разрушило старинныя рамки провинціализма. Въ Англіи не было и слѣдовъ провинціализма послѣ 1100 г. Благодаря особенному стеченію обстоятельствъ, объединеніе земли и національнаго духа, котораго Франція должна была ждать еще 7 вѣковъ и котораго она добилась только путемъ революціи, унесшей съ собой всѣ остатки мѣстныхъ вольностей, въ Англіи это объединеніе было уже совершившимся фактомъ въ тотъ моментъ, когда она подъ управленіемъ Плантагенетовъ вошла въ великую европейскую семью *).

Еще одно замѣчаніе: на этой однородной территоріи, у этого народа, свободнаго отъ провинціальныхъ претензій и областного эгоизма, издавна царитъ единый законъ и единый обычай. Въ концѣ царствованія Генриха II всѣ мѣстныя сколько нибудь важныя различія исчезли. Такимъ образомъ и въ этомъ смыслѣ національное единство было достигнуто. Странствующіе судьи укрѣпили его окончательно менѣе чѣмъ въ столѣтіе.

Представители одного и того же суда, находящагося въ Лондонѣ, съ самаго начала члены Большого Совѣта, который былъ зародышемъ Парламента, коадъюторы и исполнители важныхъ постановленій короля; позднѣе, оффиціальные толкователи законодательства и составители статутовъ, передающихъ его желанія, они вносили въ областное управленіе твердую, общую

*) По всей вѣроятности, Англія была бы въ томъ же почти положеніи, какъ и Франція, еслибы она попыталась покорить Валлисъ, Шотландію и Ирландію, и еслибы ей съ самаго начала приходилось имѣть дѣло въ политическихъ собраніяхъ съ представителями этихъ присоединенныхъ провинцій, столь на нее непохожихъ.

и послѣдовательную систему, которой не трудно было справиться съ разнообразіемъ мѣстныхъ обычаевъ. Вотчинные и мѣстные суды были слишкомъ ненадежнымъ убѣжищемъ для этихъ обычаевъ; суды эти рано исчезаютъ и замѣняются новой организаціей „мирныхъ судей", административной и судебной коллегіей, назначавшейся короной для цѣлаго графства и болѣе знакомой съ духомъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ высшихъ судахъ. Въ трудовомъ и прогрессирующемъ обществѣ, среди котораго дѣйствовали странствующіе судьи, — расы, классы и индивидуумы, послѣ вѣкового безпорядка, послѣдовавшаго за Завоеваніемъ, были заинтересованы въ точномъ опредѣленіи размѣровъ своихъ взаимныхъ правъ. Во время своихъ періодическихъ разъѣздовъ эти важные чиновники устанавливаютъ пріемы судейской практики; возвратившись къ королю, они вдохновляютъ законодателей; то и другое, судебное рѣшеніе и законы скоро охватываютъ всю совокупность соціальныхъ отношеній и безъ труда вводятъ повсюду однообразіе.

Послѣ смерти Стефана три закона — вессекскій, мерсейскій и датскій, между которыми дѣлилось королевство, болѣе не упоминаются *); начиная съ Генриха II въ Англіи дѣйствовало, кромѣ нѣсколькихъ чисто мѣстныхъ исключеній, только одно обычное право, „common law", одно и то же для всей территоріи.

Во Франціи только во время Генриха III, въ XVI в. доканчивается редактированіе кутюмовъ; ихъ было 285, и изъ нихъ 60 было главныхъ, не считая общаго дѣленія страны на двѣ части, въ которыхъ дѣйствовало обычное и римское право (pays de droit coutumier et pays de droit romain). Въ XV, XVI и XVII вв., когда короли присоединили большія провинціи, самое лучшее, что они могли придумать, и самое большее, что они

*) Stubbs, I, гл. XIII.

могли осуществить, это создать извѣстное число независимыхъ судебныхъ округовъ съ парламентами во главѣ. Путаница и раздробленность были таковы, и каждая страна была такъ привязана къ своимъ обычаямъ, что эта подготовительная ступень казалась необходимой; болѣе спѣшная концентрація могла бы испортить все дѣло. Единеніе въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, сильно запоздало у французовъ. Его долго задерживали живучіе остатки феодализма, положившіе неизгладимую печать на привычки и нравы людей; чтобы доставить торжество единству, нужно было сообщить ему характеръ сознательности и форму закона, приходилось водворять его приказаніемъ и насиліемъ. Въ Англіи законодательное единство не было навязано, такъ какъ оно не встрѣтило серьезнаго сопротивленія; оно вкралось, проникло безъ шума, въ скромной формѣ судебныхъ прецедентовъ. Его развитіе шло параллельно съ развитіемъ потребностей и нравовъ. Законодательство обагащалось и послѣ XII в., но основаніе единства національнаго права было положено въ 1200 г., тридцать лѣтъ спустя послѣ окончательнаго устройства института странствующей юстиціи.

Повторимъ еще разъ три основныя черты, установленныя предыдущимъ изложеніемъ: сильный король, слабое баронство, однородное королевство. Эти черты надо имѣть въ виду для того, чтобы понять, почему такъ рано возникла въ Англіи политическая свобода, и какимъ образомъ она тамъ вылилась въ столь совершенную форму, какъ національный парламентъ, въ то время, когда другія государства съ трудомъ вырабатывали грубый и сложный механизмъ генеральныхъ и провинціальныхъ штатовъ. Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, на эту королевскую власть, какъ мы только что ее описали. Можно предсказать, что она злоупотребитъ своимъ громаднымъ могуществомъ, и что эти излишества вызовутъ сильное сопротивленіе. Въ другихъ странахъ ко-

ролевская власть становится неограниченной въ эпоху, когда искусство скрывать произволъ, оформливать и оправдывать его удачнымъ управленіемъ, и помощью многочисленныхъ государственныхъ учрежденій, усовершенствовалось въ рукахъ правителей; къ этому времени мирныя занятія успѣваютъ распространиться и смягчить нравы, а интересы становятся устойчивыми и заставляютъ людей быть терпѣливыми. Не такіе обычаи господствовали въ англійскомъ обществѣ во времена нормандскихъ и анжуйскихъ королей. Война была тогда единственной государственной дѣятельностью, а правосудіе и административный механизмъ были прежде всего орудіями ненасытныхъ казенныхъ интересовъ. Нельзя ничѣмъ ни извинить, ни искупить жестокихъ репрессалій короны, а между тѣмъ насилія эти касались людей съ цѣльными характерами и необузданными страстями примитивной эпохи. Ихъ вполнѣ достаточно, чтобы вызвать энергическое сопротивленіе, создавшее политическія учрежденія Англіи. Фриманъ полагаетъ, что, еслибы Іоаннъ Безземельный имѣлъ добродѣтели Людовика Святого, то англійской свободы не существовало бы. Для большей вѣрности ему слѣдовало бы добавить: „еслибы у него была власть не болѣе, чѣмъ у Людовика Святого“.

Только это злоупотребленіе слишкомъ большой властью въ связи съ крайней жестокостью нравовъ того времени обусловили въ XIII в. кризисъ, изъ котораго вышла великая хартія.

Высшее баронство, столь уступающее въ силѣ королевской власти, по существу ничѣмъ не лучше дворянства на материкѣ. Въ первое столѣтіе послѣ Завоеванія это была шайка жадныхъ авантюристовъ, буйныхъ солдатъ, мелкихъ, необузданныхъ тирановъ, которыхъ необходимо было постоянно сдерживать и наказывать. Такими они были во время короля Стефана, въ эпоху ужасной анархіи, о которой можно судить по числу построенныхъ ими „недозволенныхъ замковъ“, откуда они притѣсняли всю

равнину, не признавая ничьей власти. Къ концу періода уцѣлѣло на этомъ небольшомъ пространствѣ не менѣе 375 замковъ. Отсюда далеко еще до времени совмѣстныхъ политическихъ дѣйствій; нѣтъ еще и намека на то благоразуміе и великодушіе, которымъ придется удивляться столѣтіемъ позже. Изумительная политичность бунтовщиковъ 1215 г. не есть слѣдствіе природныхъ свойствъ или расовыхъ особенностей; *) это медленно созрѣвшій плодъ необходимости. Сравните, на самомъ дѣлѣ, этихъ крупныхъ бароновъ, разсѣянныхъ по своимъ владѣніямъ, лицомъ къ лицу съ притѣсняющей ихъ королевской властью. Каждый изъ крупныхъ французскихъ феодаловъ могъ засѣсть въ своемъ государствѣ и оттуда угрожать сюзерену, которому онъ почти равнялся по силѣ. Крупные англійскіе вассалы не владѣли, собственно говоря, государствами, у нихъ были только помѣстья, а ихъ сюзеренъ былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ христіанскихъ королей. Отдаленность не защищаетъ ихъ отъ него, такъ какъ достаточно нѣсколькихъ дней похода, чтобы королевская армія была у подножія ихъ замковъ. Только небольшое число крупныхъ бароновъ сѣвера и кентскаго графства могли разсчитывать на нѣкотораго рода областную солидарность. Ничего подобнаго этой солидарности не существовало въ другихъ графствахъ. Цѣль, къ которой стремятся англійскіе феодалы, средства, которыя они употребляютъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ этимъ исключительнымъ обстоятельствамъ. Цѣлью никто не ставитъ сдѣлаться независимымъ—это была бы слишкомъ неосуществимая претензія—англійскіе бароны желали только контролировать и дѣлить власть, зависимость отъ которой казалась

*) Въ 1310 г. ордонансы составляются съ выгодою для бароновъ, въ смыслѣ очень исключительныхъ классовыхъ привилегій.

неизбѣжной *). Средствами послужатъ не личное, областное, ни даже сословное сопротивленіе. Чтобы имѣть большій перевѣсъ надъ такимъ сильнымъ противникомъ, баронамъ останется только одно средство: не только соединиться, сговориться, сорганизоваться самимъ, но присоединить къ себѣ всѣхъ въ цѣлой странѣ, для кого опасна тиранія, и союзный пароль только тогда встрѣтитъ вниманіе и сочувствіе, когда онъ выразитъ неудовольствіе всего народа. И такъ, чтобы побѣда была не безплодна, сопротивленіе должно быть общегосударственнымъ. Чтобы добиться побѣды, сопротивленіе должно быть коллективнымъ, національнымъ и даже народнымъ. Все это и было въ 1215 г. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ феодализмъ не могъ не показать себя тѣмъ, чѣмъ онъ и былъ по существу—орудіемъ разъединенія, разложенія и насилія. Здѣсь же, какъ мы видѣли, онъ сдѣлался, благодаря обстоятельствамъ, орудіемъ объединенія, политическаго соглашенія, орудіемъ защиты хотя бы и своекорыстной, но во всякомъ случаѣ защиты слабыхъ. Такимъ образомъ постоянное давленіе черезчуръ сильной королевской власти, какъ прекрасно выразился Галламъ, нейтрализовало центробѣжную силу феодальной системы.

Вотъ что составляетъ величіе и оригинальность той великой драмы, первый актъ который заканчивается великой хартіей, а послѣдній — учрежденіемъ Парламента въ 1340 г. Тогда то и родилась, или скорѣе проявилась нація, сплоченная и расположенная вокругъ своихъ естественныхъ начальниковъ. Парламентъ былъ тѣмъ

---

*) Очень интересны баронскія петиціи въ 1215 и 1258 году. Съ одной стороны, чего только они ни готовы перенести отъ центральной власти, а съ другой стороны — ту же власть они стремятся контролировать и чуть не поглотить въ смѣлой олигархической системѣ.

оружіемъ, которое создала себѣ эта новая сила, онъ былъ постояннымъ органомъ, который умиротворилъ сопротивленіе 1215 г., привелъ его въ порядокъ и увѣковѣчилъ въ видѣ политической оппозиціи и контроля. Такъ объясняются всѣ тѣ особенности, которыя съ самаго начала создали это оригинальное и единственное учрежденіе въ Европѣ. Отсутствіе традицій, привилегій и разнородныхъ провинціальныхъ интересовъ было причиной того, что образовалось только одно собраніе—центральное собраніе. Для появленія провинціальныхъ штатовъ не было ни основы, ни предмета дѣятельности, такъ что англійскимъ королямъ не удалось сдѣлать сопротивленіе мѣстнымъ и раздробить его, чтобы властвовать *). Если сравнимъ, съ другой стороны, этотъ парламентъ съ генеральными штатами во Франціи, то, хотя послѣдніе и представляютъ всѣ классы націи, исключая крѣпостныхъ (serfs), но ихъ соединеніе произошло не въ томъ же смыслѣ и не дало тѣхъ результатовъ, какъ въ Англіи. Во Франціи эти классы являются каждый отдѣльно, по призыву государя, не сговорившись съ собой: у нихъ нѣтъ общихъ традицій. Изъ этой своей изолированности они въ первый разъ **) выходятъ, когда Филиппъ Красивый ихъ созываетъ въ 1302 г. Они не знаютъ, не понимаютъ другъ друга и не поймутъ никогда. Въ Англіи же, напротивъ, всѣ классы знаютъ другъ друга и встрѣчаются, какъ знакомые, когда въ концѣ XIII в. образуется парламентъ. Въ борьбѣ, вызванной королевской властью, они

*) Во Франціи кажется достовѣрнымъ, что какъ провинціальные, такъ и генеральные штаты созданы королевской властью, и только послѣ Карла VII они прекратили свое существованіе. Еще Людовикъ XI представлялъ имъ Аррасскій договоръ. (См. La revue historique. Juillet á octobre 1879).

**) Мнѣ хорошо извѣстно, что штаты могли быть созываемы и раньше, но я не буду останавливаться на этомъ фактѣ, обращая вниманіе только на то, что имѣло политическое значеніе и вліяніе. (См. Hervieu, Etats généraux).

нѣсколько разъ втеченіе вѣка имѣли случай сблизиться. Нѣсколько разъ они чувствовали солидарность своихъ интересовъ, нарушенныхъ королями, и оказывали взаимную поддержку другъ другу въ осуществленіи своихъ правъ; общими усиліями они добились окончательной побѣды и закрѣпили ее актомъ, въ которомъ сильные выговорили преимущество для униженныхъ и слабыхъ. Такія воспоминанія не изглаживаются и отречься отъ нихъ нельзя. Статьи великой хартіи имѣютъ мало значенія, какъ обязательныя практическія постановленія, онѣ гораздо важнѣе, какъ символы коллективнаго и національнаго образа, какъ знаки дружескаго отношенія одного класса къ другимъ; сила ихъ вытекаетъ изъ того впечатлѣнія, которое онѣ произвели на воображеніе современниковъ. Странѣ было мало дѣла до того, сохранялись ли при послѣдующихъ подтвержденіяхъ хартіи тѣ или другія статьи, напримѣръ тѣ, которыя обезпечивали ея представителямъ нѣкоторый контроль надъ ходомъ управленія. Суть въ томъ, что хартія была подтверждаема, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣплялось и воспоминаніе о томъ днѣ, когда всѣ англичане соединились противъ притѣсненій. Тридцать два раза хартія была подтверждена, и каждый разъ народъ со вниманіемъ слѣдилъ за этимъ *). Легенда не есть точное изображеніе дѣйствительности, но она сама по себѣ есть реальность, часто самая живая и плодотворная. Сила чувства въ концѣ концовъ есть лучшая гарантія гарантій, единственная серьезная порука за исполненіе обязательствъ, въ противномъ случаѣ довольно безполезныхъ, хотя бы они и были написаны на пергаментѣ. Достаточно было

---

*) Согласно съ Ed. Coke.—Во Франціи генеральные штаты, даже во время самаго большого ихъ блеска, т.-е. втеченіе XIV в., собирались только случайно и не были постояннымъ элементомъ государственнаго строя.

одного дня великодушія, чтобы создать вѣру въ бароновъ, сдѣлать ихъ, такъ сказать, объективной совѣстью народа; сознаніе этого положенія повліяло на ихъ волю, обуздало ихъ эгоизмъ и приняло въ ихъ собственныхъ глазахъ форму личнаго внутренняго убѣжденія. Нельзя отрицать олигархическихъ стремленій британскихъ феодаловъ въ XIII и XIV в. в., но эти стремленія никогда не ссорили ихъ съ остальнымъ народомъ, вотъ почему оффиціальное дѣленіе на лордовъ и общины не помѣшало парламенту въ продолженіе вѣковъ остаться глубоко однороднымъ и глубоко національнымъ собраніемъ, въ которомъ классовая борьба была столь же рѣдкимъ случаемъ, какъ и столкновенія областныхъ интересовъ, тогда какъ во Франціи генеральные штаты были только мѣстомъ случайной встрѣчи и механическаго соединенія сословій, либо безразличныхъ, либо враждебныхъ другъ другу, или же провинціальныхъ делегацій, которымъ трудно было возвыситься надъ частными интересами ихъ довѣрителей.

II.

Сословія. Высшее баронство и перство.

Намъ предстоитъ теперь изучить поближе тѣ элементы, которые входили въ составъ парламента, и выяснить, какъ они туда проникли, въ какомъ порядкѣ тамъ размѣстились, какое соотношеніе существуетъ между ихъ положеніемъ въ обществѣ и ихъ ролью въ парламентѣ и, обратно, какое вліяніе могла оказать эта роль на ихъ взаимныя соціальныя отношенія. На всѣ эти вопросы можно пролить свѣтъ только при томъ условіи, если

проникнуть немного глубже въ областную жизнь среднихъ вѣковъ. Тамъ, не менѣе, чѣмъ въ исторіи государственной власти, Англія представляетъ значительныя особенности сравнительно съ другими европейскими странами. Что здѣсь всего своеобразнѣе — это существованіе средняго земледѣльческаго сословія, соціальной силы, неизвѣстной въ континентальныхъ государствахъ. Сословіе это образуется путемъ раздвоенія высшаго класса; на нѣкоторое время оно приходитъ въ упадокъ, погружается, такъ сказать, въ народную массу, смѣшивается съ соціальными слоями, находящимися ниже его, и, надѣливъ ихъ равенствомъ передъ закономъ и налогами, вновь возвышается, увлекая ихъ вслѣдъ за собой на болѣе широкое поприще дѣятельности; оно развиваетъ затѣмъ, въ отвѣтъ на призывъ королевской власти, все болѣе и болѣе энергичную дѣятельность и образуетъ въ XII — XIV вѣкахъ настоящее мѣстное self-government (самоуправленіе), въ ущербъ старой администраціи графствъ; сдѣлавшись такимъ образомъ на столько сильнымъ, что его уже нельзя было игнорировать, оно занимаетъ мѣсто въ парламентѣ, служитъ тамъ, благодаря своему смѣшанному составу и промежуточному положенію между сословіями, связью между городскимъ представительствомъ и высшей аристократіей; наконецъ, когда въ XVI в. старое баронство исчезаетъ, и его мѣсто остается незанятымъ въ верхнемъ отдѣленіи парламента, — среднее сословіе оказывается готовымъ заполнить пустоту и становится родоначальникомъ новѣйшей англійской аристократіи. Развитіе этого класса есть очень важный фактъ въ политической исторіи Англіи. Необходимо на немъ нѣсколько остановиться.

Почти тотчасъ послѣ Завоеванія, нормандское баронство, поселившееся въ Англіи, оказывается раздѣленнымъ на двѣ части, такъ сказать, на два этажа: высшіе бароны, „barones majores“, и мелкіе непосредствен-

ные вассалы короны, „tenentes in capite“, которыхъ называютъ также иногда „barones minores“. Послѣдніе составляютъ многочисленный классъ, гордый и независимый. Замѣтимъ, что они были внѣ зависимости отъ высшаго баронства и внѣ его юрисдикціи. Если они не равны баронамъ, то и не подначальны имъ, не обязаны имъ никакой службой и зависятъ только отъ короля. Единственное различіе, которое довольно рано намѣчается между этими двумя категоріями, состоитъ въ томъ, что barones majores владѣютъ болѣе обширными имѣніями (баронское помѣстье должно заключать въ себѣ $13^1/_3$ рыцарскихъ ленъ), и что они призываются въ армію и въ королевскій совѣтъ — каждый особо, тогда какъ мелкіе помѣщики призывались всѣ вмѣстѣ черезъ посредство шерифовъ. Это—разница въ степени, но не въ существѣ дѣла*). Положеніе обѣихъ половинъ баронства не замедлитъ измѣниться; разстояніе между ними значительно увеличится. И все таки, даже послѣ того, какъ первая половина, спустя вѣкъ слишкомъ, одна сохранитъ право подавать совѣты государю, между тѣмъ какъ вторая, смѣшавшись сперва съ вассалами бароновъ въ одинъ классъ рыцарей, пойдетъ по пути къ сліянію со всею массой свободныхъ собственниковъ, — все таки первоначальное единство баронскаго сословія не уничтожится совершенно. Когда рыцари будутъ призваны въ парламентъ, то первымъ ихъ стремленіемъ будетъ соединиться съ баронами; первымъ стремленіемъ бароновъ будетъ принять ихъ. А когда, немного позже, обѣ группы отдѣлятся другъ отъ друга, и рыцари пойдутъ засѣдать съ представителями городовъ, то они принесутъ своимъ новымъ товарищамъ не одну только гордость, смѣлость и твердость стариннаго военнаго класса,

*) См. Gneist, I, 137, по Nevill'ю и Zittleton'y.

вѣками привыкшаго командовать и повинроваться *), вмѣстѣ съ этимъ они дадутъ имъ возможность прямыхъ сношеній и легкаго соглашенія съ высшимъ баронствомъ. отъ котораго они скорѣе отдалились, чѣмъ отдѣлились. Бароны и рыцари еще надолго останутся какъ бы старшей и младшей вѣтвью одной и той же семьи. Мы сейчасъ же встрѣтимся снова съ этимъ важнымъ обстоятельствомъ.

Очень рано, однако, какъ я на это уже намекалъ, начала обнаруживаться разница въ привычкахъ и вкусахъ обоихъ баронствъ. Мелкіе вассалы, естественно, не были такими частыми посѣтителями общественныхъ собраній, какъ крупные бароны, и не такъ усердно слѣдовали за королемъ въ его походахъ. Хозяйство въ помѣстьяхъ требовало отъ нихъ личнаго присутствія. Ихъ отсутствіе въ тѣ времена насилій и захватовъ могло подвергнуть ихъ владѣльческія права такимъ опасностямъ, которыя вовсе не угрожали магнатамъ. Поэтому они всѣми силами старались уклониться отъ службы. Какъ увидимъ дальше, лишь съ помощью денегъ имъ удается освободиться отъ своихъ обязанностей въ военное время. Вполнѣ естественно, что присутствія этой толпы на совѣтахъ король требуетъ не такъ настойчиво. Созываніе мелкихъ прямыхъ вассаловъ выходитъ поэтому быстро изъ употребленія. Впродолженіе болѣе ста лѣтъ послѣ Завоеванія о мнѣніяхъ и согласіи этого класса никогда не упоминалось въ заголовкахъ королевскихъ указовъ **). Круп-

*) Извѣстно, что въ XIV в. палатой общинъ руководятъ рыцари. Депутаты городовъ, въ два или три раза болѣе многочисленные, только слѣдуютъ за ними.

**) См. Stubbs, Select Charters. См. даже позже, указъ 1237 г., когда присутствовали, повидимому, одни магнаты, хотя предполагается, что утвержденіе налога дѣлается также съ согласія рыцарей и свободныхъ людей. Послѣдніе представляютъ собой своихъ „виланов“. Въ 1232 г. „виланы“ упоминаются въ числѣ другихъ, какъ согласившіеся на обложеніе. Очевидно, что рыцари, свободные люди, точно такъ же, какъ и виланы не присутствовали лично; за нихъ уговаривались магнаты.

ные вассалы, епископы и судьи фигурируютъ здѣсь постоянно одни. При нормандской и анжуйской династіи вокругъ трона группируется прежде всего кружокъ, состоящій изъ высшихъ дворцовыхъ чиновниковъ, начальниковъ общаго управленія и изъ нѣкотораго числа прелатовъ и бароновъ, которыхъ король считаетъ особенно способными и разсудительными; это—королевскій совѣтъ. Къ этой постоянной группѣ въ важныхъ случаяхъ: при объявленіи войны, при назначеніи чрезвычайныхъ налоговъ, при обнародованіи указовъ, присоединяются остальные крупные свѣтскіе и духовные вассалы. Они образуютъ тогда magnum concilium, большой совѣтъ. Король требуетъ, чтобы они присутствовали на немъ, такъ какъ ихъ согласіе, въ которомъ они не могутъ отказать столь могущественной волѣ *), обезсиливаетъ всякое сопротивленіе исполненію мѣропріятій на мѣстѣ, въ области; и сами они чувствуютъ, что у нихъ есть интересъ присутствовать, чтобы потолковать и при случаѣ добиться уменьшенія налоговъ, которые имъ угрожаютъ.

Этотъ простой фактъ — присутствія при королѣ — имѣлъ громадныя послѣдствія. Баронство раздѣляется. Изъ него постепенно образуются двѣ различныя группы: высшій классъ провинціальнаго населенія, состоящій изъ всѣхъ мелкихъ прямыхъ вассаловъ государя и наименѣе значительныхъ бароновъ, сдѣлавшихся постоянными обитателями провинціи, — и политическая аристократія, заключающая въ себѣ вмѣстѣ со всѣми крупными баронами, совѣтниковъ, лично приглашаемыхъ короной. Вотъ, стало быть, тотъ пунктъ, на которомъ происходитъ раздѣленіе: аристократія выдѣляется и характеризуется постояннымъ присутствіемъ при королѣ и въ

*) Въ царствованіе нормандскихъ королей не было ни одного примѣра отказа въ обложеніи. (Stubbs, Select Charters, предисловіе, стр. 18).

королевскомъ совѣтѣ; личное и именное приглашеніе становится мало по малу внѣшнимъ оффиціальнымъ отличіемъ ея званія. Обстоятельство весьма важное: такимъ образомъ положеніе магната и связанныя съ нимъ привилегіи не распространяются далѣе этой разграничительной черты. Соединенныя съ самаго начала съ высшей дѣятельностью совѣтника или государственнаго дѣятеля, эти привилегіи не переступятъ за порогъ собранія сановниковъ и не распространятся на остальное баронство, а это послѣднее, отброшенное этимъ разграниченіемъ къ классу, непосредственно за нимъ слѣдующему, не замедлитъ слиться и сравняться съ массой свободныхъ людей.

Мѣсто въ засѣданіи нельзя подѣлить между нѣсколькими лицами; чиновническую должность нельзя раздробить на любое количество частей. Вотъ почему аристократія такъ же, какъ и званіе пера, сдѣлалась строго наслѣдственной по праву первородства. Связанное съ недѣлимой должностью, это званіе переходитъ только къ старшему, отъ одного непосредственно къ другому, а другіе сыновья ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ гражданъ. Вмѣсто *сословія*, состоящаго изъ привилегированныхъ *фамилій* и естественно-увеличивающагося изъ поколѣнія въ поколѣніе, вслѣдствіе перевѣса рожденій,—въ Англіи была только одна *группа* привилегированныхъ *лицъ*, которая изъ поколѣнія въ поколѣніе должна была уменьшаться путемъ пресѣченія рода, и которая угасла бы на самомъ дѣлѣ, еслибъ не было новыхъ назначеній. Древняя англійская „изономія“, восхваляемая Галламомъ, обязана существованіемъ этому немногочисленному перству: сложившись въ правящее сословіе, оно сдѣлалось какъ бы плотиной, удержавшей неравенство на своемъ уровнѣ и помѣшавшей ему распространиться на остальные аристократическіе элементы націй.

Во Франціи феодализмъ былъ съ самаго начала слиш-

комъ разнороденъ и слишкомъ разбросанъ, чтобы его вожди получили возможность, или даже, чтобы у нихъ явилась мысль, составить могущественную правительственную группу. Положеніе магната и его преимущества, не подкрѣпленныя этой высшей прерогативой власти, могли опираться только на банальный аргументъ происхожденія или родовитости. Не сдѣлавшись достояніемъ высшихъ сферъ, эти преимущества перешли къ цѣлому классу такъ называемыхъ „gentilshommes“. Они отдѣлили и изолировали вполнѣ этотъ классъ отъ народной массы. Благодаря отсутствію политически-концентрированной аристократіи—во Франціи сложилось родовое дворянство, привилегіи котораго, связанныя съ родовымъ именемъ и переходившія ко всѣхъ дѣтямъ, распространялись по мѣрѣ появленія младшихъ линій и ложились все болѣе тяжелымъ бременемъ на народъ*). Англичане были предохранены отъ подобнаго бѣдствія, благодаря тому представленію объ аристократіи, которое они себѣ съ самаго начала составили, и которое, въ своемъ исходномъ пунктѣ, вытекаетъ изъ разобран-

*) Нужно прибавить, что аристократія, организовавшаяся въ политическій совѣтъ, должна была смотрѣть на свое званіе, какъ на источникъ верховной власти, но отнюдь не какъ на основаніе для изъятія отъ повинностей. Одержимая жаждой власти, пресыщенная выгодами ея, она пользовалась своими сословными преимуществами только для усиленія своей вліятельности; она могла обходиться безъ тѣхъ преимуществъ, которыя больше всего вызываютъ народную вражду и зависть, — именно безъ податныхъ льготъ. Во Франціи выгоды, соединенныя съ дворянскимъ званіемъ, естественно, принимали ту форму и размѣры, которые наиболѣе подходили къ нуждамъ класса, становившагося все болѣе многочисленнымъ и болѣе бѣднымъ. Не имѣя ни власти, ни богатства, чтобы поддержать свое званіе, дворянство жадно цѣплялось за другіе признаки своего высокаго положенія, и его преимущества приняли форму вопіющихъ фискальныхъ льготъ, оскорбительныхъ привилегій, ребяческихъ отличій, изъятій, раззорительныхъ для самихъ тѣхъ, кто ими пользовался,— санкціонированныхъ угрозой лишенія дворянства.

наго нами факта, что англійскіе феодалы съ самаго начала входили въ составъ совѣта государственныхъ людей, въ собраніе политическихъ магнатовъ. Основаніе, на которое опирались привилегіи высшаго класса, подъ вліяніемъ этого обстоятельства втеченіе двухъ вѣковъ становилось все болѣе узкимъ и все болѣе недоступнымъ; и тѣмъ самымъ всему народу обезпечивалась юридическая равноправность. Съ начала XV в., съ той самой поры, когда французское дворянство добилось освобожденія отъ прямой подати и этимъ провело ненавистную грань между собой и остальной массой разночинцевъ, — съ того же самаго времени въ англійскомъ обществѣ утверждается та сословная „изономія“ (равноправность) и та непрерывная связь между классами, которыя для Англіи составляютъ столь же характерную черту общественнаго строя, какъ единство территоріи и сильная государственная организація для французовъ *).

---

*) Извѣстно, что въ 1789 г. проектъ образовать палату изъ высшихъ сановниковъ вызвалъ самое живое сопротивленіе со стороны всего французскаго дворянства и, въ особенности, со стороны мелкопомѣстныхъ дворянъ. Послѣдніе инстинктивно чувствовали, что послѣ такого выдѣленія политической аристократіи они окажутся какъ бы исключенными изъ сословія и не замедлятъ попасть въ одинъ разрядъ съ разночинцами. Позднѣе, въ 1814 г. де Виллель руководствовался тѣмъ же чувствомъ, когда, критикуя учрежденіе наслѣдственной палаты правъ, онъ задавалъ вопросъ, гдѣ найти во Франціи эти двѣсти существъ, настолько возвышающихся надъ другими, чтобы ихъ возможно было помѣстить на такой высотѣ. Это равнялось бы, добавлялъ онъ, уничтоженію дворянства въ пользу двухсотъ избранныхъ фамилій. Виллель считалъ, очевидно, несчастіемъ какъ разъ то самое, что произошло втеченіе среднихъ вѣковъ по другую сторону Ламанша и что создало у англичанъ гражданское и политическое равенство.

III.

Рыцари и жители городовъ. Паденіе феодальнаго режима.

Послѣдуемъ теперь за мелкими прямыми вассалами короны въ ихъ графства и посмотримъ, кѣмъ они тамъ были.

Когда впервые выясняются ихъ стремленія, эти стремленія носятъ совершенно феодальный характеръ. Быстро возникаютъ рыцарскіе лены, неизвѣстные въ первое время послѣ Завоеванія; къ 1100 году они становятся уже очень многочисленными *). Это были особыя помѣстья, на которыя спеціально возложена была повинность военной службы,—вмѣсто того, чтобы возлагать ее на всѣ приписанныя къ замку земли безъ различія. Отсюда, какъ и на материкѣ, явилось очень опредѣленное различіе между двумя родами владѣнія: владѣніемъ дворянскимъ и владѣніемъ обыкновеннымъ; первое было обусловлено военной службой и связано, какъ строгимъ закономъ первородства, такъ и весьма тяжелыми для владѣльца правами d'aide, de garde et de mariage, т. е. правомъ получать вспомоществованія, завѣдовать опекой и выдачей замужъ наслѣдницы **). Второе владѣніе давалось въ „libre socage“,—такъ это называлось на юридическомъ языкѣ,—и было свободно отъ наиболѣе тяжелыхъ феодальныхъ обязанностей. Форма владѣнія, связаннаго службой, повела, прежде всего, къ сліянію прямыхъ вассаловъ короны съ вассалами сеньоровъ (или подвассалами), которые владѣли землей на томъ же самомъ правѣ ***). Казалось бы, по самому существу своему, эта форма владѣнія можетъ провести рѣзкую границу

*) Stubbs, I, 261.
**) Hallam III, 54.
***) Gneist. I, 171.

между тѣми и другими вмѣстѣ и всей остальной массой обыкновенныхъ земельныхъ собственниковъ и создать такимъ образомъ изъ рыцарей особый замкнутый классъ, вродѣ надменнаго сословія римскихъ всадниковъ. Но другія причины, болѣе могущественныя, чѣмъ духъ феодализма, устранили эту опасность. Во-первыхъ, Англія XII вѣка, помимо феодальнаго рыцарства, обладала изъ всей Европы наибольшимъ количествомъ свободныхъ землевладѣльцевъ,—что тогда было одно и то же. Это были или норманды болѣе низкаго происхожденія, сопровождавшіе своихъ господъ или позже къ нимъ присоединившіеся,—или же прежніе саксонскіе собственники (ихъ было не мало передъ Завоеваніемъ, особенно въ восточныхъ графствахъ *), успѣвшіе войти въ милость къ новымъ властителямъ и вернуть себѣ, какъ свободу, такъ и часть своихъ прежнихъ земель. Нѣкоторые документы XII вѣка показываютъ намъ, что эти саксонцы находились въ наилучшихъ отношеніяхъ съ нормандскими свободными людьми и баронами, будучи связаны съ ними посредствомъ браковъ и сами подчасъ возвышаясь до баронскаго званія **). Классъ свободныхъ собственниковъ, не дворянъ, обладалъ здѣсь тѣмъ, чего ему не хватало во Франціи: численностью и сплоченностью. Однимъ изъ признаковъ его важнаго значенія было то, что съ самаго начала онъ былъ принятъ въ основу дѣленія людей на классы. Bracton, англійскій легистъ XIII в., различаетъ только два личныхъ состоянія: свободу и состояніе вилана. Другія различія въ его глазахъ суть только подраздѣленія, не имѣющія юридическаго значенія. Приблизительно въ ту же эпоху французскій легистъ Beaumanoir ***) дѣлитъ народъ на 3 класса: дво-

*) Turner, кн. VIII, гл. IX.
**) Dialogue de l'échiquier.
***) Hallam, l'Europe au moyen âge, III, стр. 101.

рянъ, свободныхъ и рабовъ. Свободные люди, значитъ здѣсь — исключительно жители городовъ. Тѣмъ, которые жили въ деревняхъ, трудно было сохранить положеніе свободныхъ. Чтобы не потерять его, имъ оставалось только переселиться въ городъ.

Подведемъ итоги: классъ свободныхъ собственниковъ, не дворянъ, въ Англіи составляетъ могущественное сословіе, способное притянуть къ себѣ ближайшій высшій слой рыцарей и поглотить его или же раствориться въ немъ, какъ только обстоятельства уменьшатъ между ними разстояніе.

Этого сближенія не пришлось долго дожидаться. Рыцарскіе лены, которые вначалѣ были довольно значительныхъ размѣровъ, съ самаго XII вѣка часто дробились на части. Ихъ дѣлили главнымъ образомъ для обезпеченія дочерей и младшихъ сыновей. Это до такой степени вошло въ обычай, что законодатель былъ вынужденъ вмѣшаться. Великая хартія (редакція 1217 г.) разрѣшаетъ продавать только такую часть лена, чтобы оставшійся отъ продажи участокъ могъ гарантировать выполненіе обязанностей, лежащихъ на военномъ ленѣ. Вотъ еще другой признакъ возрастающаго дробленія земельной собственности. Въ 1290 г. законодатель запрещаетъ субинфеодацію, т. е. раздачу феодалами своихъ ленныхъ участковъ въ новые лены и при этомъ случаѣ разрѣшаетъ всякому свободному человѣку, который не состоитъ непосредственнымъ вассаломъ короля, продавать цѣликомъ или по частямъ свою собственность даже безъ согласія своего сеньора *). Въ томъ и другомъ случаѣ покупатель дѣлается вассаломъ того же сеньера, отъ котораго зависитъ продавецъ. Такимъ образомъ значительно увеличивается количество мелкихъ пря-

*) Въ 1327 г. право отчужденія было распространено даже на прямыхъ вассаловъ короля, (Stubbs), II, 370).

мыхъ ленниковъ короны. Съ другой стороны, съ переходомъ рыцарскихъ помѣстьевъ въ другія руки и съ уменьшеніемъ ихъ значенія, соціальное положеніе владѣльцевъ постепенно приближается къ положенію обыкновенныхъ свободныхъ собственниковъ, которые только что были гораздо ниже ихъ, а теперь сдѣлались равны имъ по состоянію. Упадка благосостоянія не было, такъ какъ въ продолженіе того же періода общее богатство, а слѣдовательно и доходность земли значительно возросли, такъ что доходъ съ половины или съ одной трети помѣстья былъ не ниже прежняго дохода съ цѣлаго. Но оба класса уравнялись. Не мало бароновъ, помѣстья которыхъ раздробились по случаю выдѣловъ приданаго или по другимъ причинамъ, сдѣлались жертвами этого соціальнаго теченія. Уменьшеніе числа баронскихъ помѣстьевъ послѣ царствованія Генриха III есть фактъ несомнѣнный *).

Кромѣ того, въ то же самое время родъ жизни и привычекъ обоихъ классовъ становились все болѣе сходными. Рыцари, по тѣмъ же причинамъ, которыя отбивали у нихъ охоту являться въ королевскій совѣтъ, выказывали съ давнихъ поръ сильное отвращеніе къ войнѣ. Королевскія владѣнія, наиболѣе подвергавшіяся опасности, находились во Франціи. Во время войны почти всегда приходилось покидать предѣлы Англіи, переплывать черезъ море и удаляться вглубь материка. Съ самаго начала рыцари начинаютъ хлопотать о томъ, какъ бы уклониться отъ этой обязанности. Когда король Генрихъ II предложилъ имъ освободить ихъ за извѣстную сумму денегъ, они съ восторгомъ приняли предложеніе.

---

*) Matth. Paris, V, 617.—Изъ 98 баронскихъ помѣстій, представители которыхъ были созваны въ 1300 г., исчезли ко времени вступленія на престолъ Генриха IV и 33 потеряли значеніе и достоинство наслѣдственныхъ перствъ (Stubbs, III, 16, 17).

Этотъ налогъ получилъ названіе scutagium (подать со щита). Цѣной этого налога рыцари купили право оставаться дома. Но всѣ остальныя обязанности, связанныя съ военнымъ участкомъ, остались, какъ были; остались также и тѣ тягостныя и скандалезныя права брака и опеки, которыя въ такомъ видѣ и съ такой строгостью существовали только въ Англіи и Нормандіи *). Поэтому дѣлаются дальнѣйшія попытки — вовсе ускользнуть изъ рыцарскаго сословія, принадлежность къ которому связана была съ такими неудобствами: начинаютъ прямо избѣгать формальнаго посвященія въ рыцари. Указы, предписывающіе принимать это посвященіе, безпрестанно повторяются втеченіе XIII вѣка; очевидно, на него соглашались неохотно. Усиленіе рыцарскаго духа во время царствованія Эдуарда III было только случайностью и кратковременной модой. Съ 1278 г. король приказываетъ шерифамъ принуждать къ принятію рыцарскаго достоинства не только лицъ, принадлежащихъ къ рыцарскому классу, но всѣхъ людей, земельный доходъ которыхъ равняется двадцати фунтамъ стерлинговъ, отъ какого бы сеньора и на какихъ бы основаніяхъ они ни получили свои земли. Это предписаніе было потомъ нѣсколько разъ повторено; оно показываетъ, до какой степени время и сила вещей перемѣшали оба класса, то возвышая въ первый изъ нихъ свободныхъ землевладѣльцевъ богачей, то низводя во второй рыцарей, которые допустили раздѣлъ своихъ владѣній **). Замѣчательно, что менѣе, чѣмъ въ столѣтіе, принципъ первородства, уже примѣнявшійся ранѣе къ военнымъ участкамъ, становится обычнымъ правиломъ и для обыкновенныхъ свободныхъ владѣній (такъ называемыхъ socagium). Только Кентъ и нѣсколько другихъ округовъ со-

*) Hallam, III, 54.
**) Stubbs, III, 545.

ставляютъ исключеніе. Это обстоятельство лучше всего доказываетъ, что различіе между способомъ владѣнія уже не соотвѣтствовало тому рѣзкому дѣленію по личному положенію, которое сохранилось отъ стараго времени. Люди, владѣвшіе землей, на томъ и другомъ правѣ, принадлежали въ большинствѣ къ одному и тому же классу; въ обоихъ случаяхъ они соблюдали одинъ и тотъ же порядокъ наслѣдованія. Въ результатѣ большинство рыцарей съ XIII в. усвоили себѣ вкусы и нравы простыхъ сельскихъ землевладѣльцевъ *). Военная организація, которая устанавливается къ концу XIV в., показываетъ намъ, что описанная эволюція завершилась. Обязательная и безплатная служба, возложенная на рыцарскія земли окончательно исчезла; замѣнившій ее налогъ болѣе не взимается **). Ядро королевской арміи, совершающей заморскіе походы, состоитъ изъ буйныхъ и воинственныхъ бароновъ, которые окружаютъ себя людьми подобнаго же нрава. Они продаютъ королю услуги своихъ авантюристскихъ шаекъ за наличныя деньги. Большинство старыхъ рыцарей держится все болѣе и болѣе въ сторонѣ отъ этой толпы кондоттьеровъ. Многіе не носятъ даже званія рыцарей, это „эсквайры“, джентльмены, „способные быть посвященными въ рыцарство“, какъ выражается указъ 1446 г., предписывающій выбирать изъ ихъ среды (очевидно по недостатку настоящихъ рыцарей) кандидатовъ на мѣста шерифовъ. Они, правда, носятъ еще оружіе, — но наравнѣ съ другими классами націи и исключительно для сохраненія порядка въ своемъ графствѣ.

*) Уже въ 1074 г. въ своего рода манифестѣ, распространенномъ нормандскими баронами противъ Вильгельма I, говорится съ завистью объ англичанахъ, которые мирно обрабатываютъ свою землю, пьютъ или прохлаждаются за столомъ, тогда какъ ихъ побѣдители обязаны воевать на материкѣ. (Stubbs, I, 291). Nolens vexare agrarios milites. (Хартія Генриха II).

**) Stubbs, III, 540.

Одинъ указъ предписываетъ всякому свободному человѣку вооружиться соотвѣтственно своему состоянію, однимъ—латами, щитомъ и копьемъ, другимъ — простой кольчугой или особеннаго рода курткой (pourpoint). Они составляютъ нѣчто вродѣ внутренней милиціи*), національной стражи, которая не основывается болѣе на старомъ феодальномъ началѣ и пріобрѣтаетъ совершенно гражданскій или полицейскій характеръ дѣятельности. Французское дворянство обязано тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ, которое оно сохранило относительно другихъ общественныхъ классовъ до самаго 1789 г., главнымъ образомъ непрерывному занятію военнымъ дѣломъ. Въ Англіи же военный духъ сохранился только у нѣсколькихъ крупныхъ феодаловъ, искателей приключеній, которымъ было суждено истребить другъ друга и исчезнуть раньше наступленія XVI столѣтія.

Большая часть стариннаго англійскаго рыцарства съ самаго XV вѣка была уже просто высшимъ классомъ сельскихъ обывателей, къ которому принадлежали на одинаковыхъ правахъ всѣ сколько нибудь значительные свободные собственники графства**). Ложъ***) изображаетъ ихъ намъ уже въ это время преданными земледѣлію, торгующими шерстью и приплодомъ своихъ стадъ, нисколько не стыдящимися обогащаться этимъ путемъ и по богатству опредѣляющими степень аристократизма. Мы видимъ, до какой степени вѣрно, что феодальный режимъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, не существо-

---

*) По указу 25, изд. III, гл. VIII не дозволяется выводить эту милицію ни изъ ея графства, исключая случая крайней необходимости, констатируемаго парламентомъ, — ни изъ государства въ какомъ бы то ни было случаѣ. Gneist, I, 209.

**) Однимъ изъ слабыхъ мѣстъ англійской арміи до сихъ поръ остается то, что самые почетные ея члены, если только они не имѣютъ титула или не пожалованы орденомъ, не имѣютъ никакого опредѣленнаго общественнаго положенія.

***) Le Pogge, De nobilitate.

валъ въ Англіи. Прежде всего, большія провинціальныя сатрапіи не имѣли здѣсь возможности образоваться. Изъ двухъ другихъ политическихъ элементовъ феодализма одинъ, вотчинный судъ, получилъ самое ограниченное развитіе: онъ не былъ ни силенъ, ни устойчивъ; очень рѣдко онъ выходилъ за предѣлы матеріальной юрисдикціи и никогда не возвышался до компетенціи верховнаго суда *), очень рано онъ отступилъ и стушевался передъ королевскими судами, и XIV вѣкъ съ нимъ, такъ сказать, уже совсѣмъ незнакомъ. Другой элементъ, военный ленъ, въ томъ же вѣкѣ, въ которомъ онъ создался, — освободился отъ обязательной военной службы съ помощью спеціальнаго выкупа, вскорѣ потерявшаго свой первоначальный смыслъ и исчезнувшаго въ общей суммѣ податного обложенія **). Никакого scutagium не взимали по Коку, начиная съ 8-го года царствованія Эдуарда II. Остальныя новинности, чисто денежнаго характера, которыя лежали на военныхъ ленахъ, при Іаковѣ I казались уже устарѣлыми. Онѣ были окончательно уничтожены финансовой реформой Карла II, а всѣ земельныя владѣнія безъ исключенія приведены къ типу обыкновенной свободной собственности (in socagium). Феодальнаго владѣнія не было болѣе въ Англіи, начиная съ 1660 г.

Гражданскіе элементы земельнаго строя точно также не замедлили освободиться отъ феодальныхъ стѣсненій и принять современный характеръ. Въ концѣ XIV в. появляется и быстро распространяется обычай арендовать землю; онъ дѣлается повсемѣстнымъ въ началѣ XVI в. Съ самаго своего появленія эта форма пользованія землей представляется очищенной отъ всякой феодальной примѣси; она вытекаетъ изъ отношеній чисто экономическихъ, и въ основѣ всѣхъ соглашеній этого

*) Gneist, I, 111, и Stubbs, I, 399.
**) Stubbs, II, 522.

рода лежитъ уже принципъ свободнаго договора*). Сохранившіяся у собственниковъ широкія земельныя права ни въ какомъ случаѣ не восходятъ къ среднимъ вѣкамъ; самыя строгія изъ нихъ болѣе поздняго происхожденія и изобрѣтены могущественной земельной аристократіей; они возникли не ранѣе XVIII столѣтія. Нѣкоторые изслѣдователи любятъ ссылаться, какъ на признакъ глубокаго и стойкаго феодальнаго духа, на другой видъ владѣнія: copyholds. Но ихъ ввела въ заблужденіе внѣшняя форма. По общепринятому взгляду, copyholds суть владѣнія, уступленныя сеньоромъ во временное пользованіе крѣпостнымъ. Они обложены крайне разнообразными повинностями; въ этомъ разнообразіи можно отыскать почти всѣ типы французскихъ феодальныхъ правъ. Очень скоро эти владѣнія пріобрѣли характеръ законной и вѣчной собственности. Въ концѣ XVI в. они составляли треть англійской земли; значительное количество ихъ уцѣлѣло до середины XIX столѣтія, причемъ законодатель не позаботился преобразовать этотъ несовершенный способъ владѣнія. Но, если принять во вниманіе, что эти copyholds были часто въ тѣхъ же самыхъ рукахъ, какъ и freeholds, т.-е. свободныя владѣнія**); что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали очень крупнымъ сеньорамъ; что съ давнихъ поръ владѣльцы „копигольдовъ“ не составляли какого-нибудь отдѣльнаго класса; что земельныя повинности, связанныя съ этого рода владѣніемъ, были до такой степени облегчены, что нисколько не препятствовали введенію улучшенной земледѣльческой культуры; что, наконецъ, эта форма владѣнія была только предметомъ мирной критики

*) Pollock, Land laws, стр. 137.

**) Законы относительно избирательнаго ценза въ парламентъ и относительно ценза должностныхъ лицъ графства не дѣлаютъ различія между freeholds и copyholds; земельный доходъ, который они требуютъ, можетъ получаться какъ съ той, такъ и съ другой формы владѣнія безразлично.

и никогда не вызывала серьезныхъ жалобъ или неудовольствій,—если принять все это въ разсчетъ, то нельзя будетъ не согласиться, что и тутъ отъ феодальнаго режима уцѣлѣли однѣ только юридическія тонкости, и ничего не сохранилось, что могло бы имѣть какое бы то ни было политическое или соціальное значеніе*). Что касается феодальныхъ элементовъ смѣшаннаго характера, заразъ и гражданскаго и политическаго (я разумѣю здѣсь права первородства и передачи наслѣдствъ), то ихъ постигла такая же участь. Преобладаніе крупной аристократической собственности, характеризующее современный земледѣльческій строй Англіи, вовсе не завѣщано средними вѣками, а создано только въ послѣднее столѣтіе. Свобода завѣщанія сдѣлалась правиломъ уже слишкомъ 350 лѣтъ тому назадъ съ одной оговоркой, отмѣненной въ 1660 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ перестало примѣняться и право первородства, сохранившись только при наслѣдованіи ab intestato (безъ завѣщанія). Уже около 500 лѣтъ тому назадъ легисты, съ помощью своихъ юридическихъ тонкостей, нашли способъ освободить землю посредствомъ частнаго соглашенія сторонъ и дали владѣльцамъ помѣстій самую широкую воможность распоряжаться ими фактически. **) Англія ранѣе всѣхъ

*) Устойчивость феодальной терминологіи и обрядовъ и тутъ можетъ служить доказательствомъ, что сущность учрежденій перестала быть феодальной. Если можно было сохранить безъ сопротивленія эти отжившія формы, то потому только, что онѣ ничему не мѣшали, и что подъ этой оболочкой содержаніе настолько измѣнилось, что могло быть приспособлено къ потребностямъ новаго общественнаго строя.

**) Поучительно прослѣдить за тѣмъ, какія усилія употребляетъ уже въ средніе вѣка парламентъ съ цѣлью установить и поддержать господство субституцій. Постоянный неуспѣхъ этой политики достаточно ясно свидѣтельствуетъ о направленіи и силѣ общественнаго настроенія. Всѣ англійскіе легисты, судьи, на основаніи обычнаго права (common law), на основаніи римскаго права (equity), наконецъ, юристы-практики одинаково оказыва-

другихъ странъ сдѣлалась страной свободной собственности, средняго и мелкаго землевладѣнія. Современный строй съ его латифундіями и маіоратами развился только послѣ реставраціи, онъ основывается не на законѣ, но на нравахъ, и созданъ систематической политикой высшихъ классовъ. Еще нужно замѣтить, что суды поспѣшили ограничить сроки установленія субституцій жизнью даннаго лица плюсъ 21 лѣтній промежутокъ. Это меньше, чѣмъ позволяли во Франціи учрежденія стараго порядка. Такимъ образомъ современныя субституціи развились въ предѣлахъ, строго ограниченныхъ законодателемъ и судьями; послѣдніе смотрѣли затѣмъ, чтобы каж-

---

ются противниками этихъ ограниченій права распоряженія. Ихъ изобрѣтательность съ каждымъ вѣкомъ придумываетъ новыя уловки для истолкованія закона, прибѣгаетъ къ частнымъ соглашеніямъ, обходящимъ всѣ запрещенія статутовъ. Они истратили на это дѣло не меньше энергіи, чѣмъ французскіе легисты на усиленіе королевской власти. Очень скоро послѣ Завоеванія, свобода завѣщанія перестала существовать и право первородства сдѣлалось общимъ правиломъ для всѣхъ родовъ владѣнія. При Эдуардѣ I извѣстный актъ *De donis conditionalibus* наноситъ ударъ свободѣ отчужденія для цѣлой категоріи леновъ (легко было бы доказать, что этотъ указъ могъ быть примѣняемъ только на очень ограниченномъ пространствѣ *), и вводитъ вѣчныя субституціи, но юристы безъ труда находятъ средство его обойти, и канцлерскій судъ охотно идетъ навстрѣчу ихъ уловкамъ. Мы не можемъ описывать здѣсь подробно способъ common recoveries, fines и наконецъ мастерскую фикцію uses. Назначеніе uses состояло въ томъ, чтобы лишить легальную собственность, такъ сказать, ея сущности, сохранить однако ея названіе и форму и создать подъ этой оболочкой такого рода собственность, которая бы обладала всѣми преимуществами дѣйствительной собственности, но стояла бы внѣ феодальныхъ отношеній и, не предусмотрѣнная обычнымъ правомъ, находилась бы внѣ вліянія его запретительныхъ и карательныхъ нормъ. Въ концѣ концовъ, кажется, больше половины земель королевства подведены были подъ этотъ типъ владѣнія, т.-е. вышли изъ феодальныхъ узъ и фактически стали въ положеніе современной собственности. Земли,

---

*) Поллокъ.

дому поколѣнію была предоставлена возможность пересмотрѣть установленный порядокъ и возстановить, если понадобится, полную собственность. Если, стало быть, фактически продолжаетъ сохраняться старый порядокъ,— то единственно благодаря доброй волѣ и свободному рѣшенію цѣлаго ряда наслѣдниковъ. Въ наше время рядъ статутовъ освободилъ наслѣдника отъ соблюденія разныхъ противуэкономическихъ статей этихъ „covenants“ (договоровъ) и возвратилъ ему на всякій случай главнѣйшія права, которыми онъ, благодаря своему поло-

---

владѣвшіяся на правахъ „uses“, можно было продавать, завѣщать и дѣлить; обыкновенно же онѣ переходили къ старшему сыну. Такой порядокъ просуществовалъ до царствованія Генриха VIII. Повредило ему то, что такія земли ускользали отъ конфискаціи. Корона должна была при этомъ условіи постараться опять ввести ихъ въ рамки обычнаго права. Актъ 1535 г. ихъ уничтожилъ; но они такъ подходили къ требованіямъ жизни, что тотчасъ послѣ уничтоженія снова возродились подъ другимъ названіемъ „trusts“ и снова начали пользоваться покровительствомъ канцлерскаго суда. Въ то же время возбужденіе, вызванное угрозой уничтожить эти земли, заставило законодателя пойти на вынужденныя уступки. Въ 1540 г. была признана свобода завѣщанія. Сначала она была дана только условно; но актъ Карла II, уничтожившій рыцарскіе лены, сдѣлалъ ее безусловной и распространилъ на всѣ земли. Приближеніе XVIII вѣка застало феодальное землевладѣніе окончательно слившимся съ современной гражданской собственностью. Изъ всей этой длинной исторіи достаточно помнить, что за немногими исключеніями, даже при самыхъ строгихъ порядкахъ англійская земля могла всегда дѣлиться, переходить изъ рукъ въ руки, увеличивать достояніе тѣхъ, кто сумѣлъ обогатиться разумнымъ веденіемъ хозяйства, наконецъ, даже поступать во владѣніе разбогатѣвшихъ купцовъ, пожелавшихъ стать твердой ногой въ графствѣ. Г. Бродрикъ указываетъ на многочисленность земельныхъ тяжбъ въ XV в., какъ на доказательство того, что частая смѣна хозяевъ и дробленіе участковъ долго оставались самыми характерными чертами англійскаго землевладѣнія. Трудно, конечно, заподозрить въ склонности къ феодальному страху страну, которая такъ усердно старалась уничтожить политическія послѣдствія феодальнаго режима и такъ искусно сумѣла избѣгнуть его экономическихъ послѣдствій.

женію квази-узуфруктора, лишенъ былъ права пользоваться. Какъ бы то ни было, весь этотъ новѣйшій двухвѣковой процессъ въ сферѣ землевладѣнія, безъ сомнѣнія, не имѣетъ ничего общаго съ древней феодальной системой; это просто результатъ грандіознаго аристократическаго замысла, столь же новаго по своимъ побужденіямъ и современнаго по духу, какъ и та демократическая реакція, которую онъ въ концѣ концовъ вызвалъ.

Чтобы познакомиться со всѣми элементами будущаго парламента, остается теперь разсмотрѣть города. Развитіе городскихъ поселеній представляетъ въ Англіи своеобразныя черты. Вопервыхъ, образованіе большихъ центровъ совершилось, повидимому, гораздо медленнѣе, чѣмъ во Франціи. Въ Англіи свобода, извѣстное благосостояніе, возможность обогащенія не были свойственны одной только городской, а также и сельской жизни. Пребываніе въ городѣ не было для низшихъ классовъ единственнымъ доступнымъ средствомъ для улучшенія своего положенія. Городская жизнь, стало быть, не была здѣсь такъ привлекательна, какъ во Франціи. Даже въ царствованіе Карла II въ Англіи не было городовъ съ значительнымъ населеніемъ, кромѣ Лондона. Въ XIV вѣкѣ ихъ не было и подавно. И вообще Англія того времени вовсе не была промышленной страной; главными занятіями жителей было земледѣліе и особенно скотоводство; главнымъ доходомъ была продажа шерсти. Громадное большинство городовъ имѣли характеръ сельскихъ мѣстечекъ *); ихъ населеніе по занятіямъ и образу жизни ничѣмъ не отличалось отъ остального населенія графства. Большіе города почти всѣ находились въ непосредственной зависимости отъ короля, и это избавляло ихъ отъ тѣхъ столкновеній съ графомъ

*) Девять десятыхъ городовъ собственно Англіи теперь могли бы считаться, да и тогда были простыми сельскими мѣстечками. (Stubbs, 3, 395).

или епископомъ, которыми наполнена исторія общинъ во Франціи. Они безъ борьбы получили свои хартіи отъ королевской власти. Никакія ссоры не возстановляли ихъ противъ сосѣднихъ бароновъ и рыцарей; они могли имъ ввѣрить свои интересы безъ всякой мнительности и безъ всякаго отвращенія. Совмѣстныя собранія съ уѣзднымъ дворянствомъ не были рѣдкостью для жителей городовъ; припомнимъ, что города были соединены съ уѣздами общими порядками во всемъ, что касалось устройства національной охраны и выборовъ; горожане должны были также посылать своихъ представителей въ суды графства, когда тамъ открывалась сессія странствующихъ судей. Замѣчательно, что въ 1360 г. мирные судьи, учрежденные для всего графства, получили также юрисдикцію надъ всѣми городскими центрами, которые не запаслись спеціальнымъ изъятіемъ. Выводъ отсюда очевиденъ. Мы не видимъ въ Англіи ничего, что напоминало бы чисто буржуазное третье сословіе французовъ, классъ изолированный, замкнутый въ самомъ себѣ, чуждый сельскому населенію, отъ котораго онъ принимаетъ только бѣглецовъ, относящійся заразъ и съ ненавистью и съ подобострастіемъ къ окружающему его провинціальному дворянству. Совершенно наоборотъ, жители большинства англійскихъ городовъ на каждомъ шагу сталкиваются и перемѣшиваются съ другими сословіями своего графства; продолжительная совмѣстная жизнь подготовила горожанъ къ соглашенію и сліянію съ ихъ уѣздными сосѣдями, рыцарями и свободными землевладѣльцами.

IV.

Мѣстное самоуправленіе и свободные землевладѣльцы. — Парламентъ.

Мы теперь очень отдалились отъ исторіи парламента, но сейчасъ мы къ ней подойдемъ опять—съ другого конца. Одновременно съ тѣмъ, какъ классъ рыцарей приходилъ въ несомнѣнный упадокъ, постепенно утрачивая свой военный характеръ и свои феодальныя права и сливаясь съ классомъ непосредственно низшимъ, оба эти класса вмѣстѣ усилились и пріобрѣли болѣе долговѣчныя права своей полезной дѣятельностью и услугами, оказанными государственной власти.

Этимъ новымъ подъемомъ значенія и той новой ролью, въ которой оба класса появились на общественной аренѣ, они обязаны, прежде всего, странствующей юстиціи, какъ органу королевской власти.

Казалось бы, что учрежденіе странствующихъ судей должно послужить орудіемъ централизаціи,—но въ рукахъ правительственной власти, еще бѣдной средствами и опытомъ, это учрежденіе повело къ созданію мѣстнаго самоуправленія въ его современномъ видѣ и приготовило средній деревенскій классъ къ той политической роли, которую онъ началъ играть вѣкомъ спустя. Уже первые нормандскіе короли возобновили дѣятельность древняго англо-саксонскаго учрежденія, суда графства. Этотъ судъ, въ которомъ должны были собираться прелаты, графы, бароны, свободные землевладѣльцы, и сверхъ того мэръ и по 4 жителя изъ каждой деревни, носилъ тотъ демократическій характеръ, которымъ отличаются многія средневѣковыя учрежденія. Его занятія были многочисленны и разнообразны. Это была заразъ

и уголовная и гражданская палата, и нотаріальное учрежденіе для записи перехода имуществъ, и мѣсто для обнародованія королевскихъ указовъ, и, наконецъ, бюро для сбора податей. Столь всесильное, повидимому, и столь централизованное, это учрежденіе оказалось однакоже скоро недостаточнымъ. Прежде всего, крупные бароны, которые сами имѣли право суда, были освобождены отъ участія въ обыкновенныхъ собраніяхъ. Рыцари тоже съ давнихъ поръ стали въ большомъ количествѣ освобождаться отъ участія въ судѣ. Наконецъ и города скоро начали помѣщать въ свои хартіи такіяже изъятія. Лишенный такимъ образомъ своихъ лучшихъ элементовъ, судъ графства опустѣлъ также и благодаря неявкамъ судей. Учрежденіе странствующихъ судей, урегулированное въ 1176 году, сообщило ему новую силу. Эти высокопоставленныя лица, близкія къ королевскому двору, являлись въ графства съ самыми широкими полномочіями. Имъ разрѣшено было не останавливаться при исполненіи своихъ обязанностей ни передъ льготами бароновъ, ни передъ городскими вольностями. Города, на время засѣданія судей, избирали 12 горожанъ, присутствовавшихъ въ судѣ графства наряду съ другими сословными элементами; самые крупные владѣльцы являлись туда или лично, или черезъ уполномоченныхъ. Такимъ образомъ сходилось все мѣстное населеніе, дворяне и простолюдины, городскіе и деревенскіе жители. Подъ вліяніемъ такого сильнаго толчка, судъ графства и суды сотенъ достигли въ XIII вѣкѣ высшей точки своего развитія и, несомнѣнно значительно способствовали быстрому сліянію народностей и сословій. Однако же, при такомъ многолюдствѣ эти собранія совершенно не могли удовлетворять уложнившимся потребностямъ развивающагося государственнаго строя. Нельзя управлять посредствомъ собранія или вести правительственныя дѣла при помощи клуба. Поэтому верховные судьи, сохранивъ номинальное существованіе графскаго суда, очень скоро стали смо-

трѣть на него, какъ на простое мѣсто для выборовъ во всевозможныя комиссіи, на которыя возлагалось дѣйствительное отправленіе обязанностей. Легко догадаться, изъ какихъ элементовъ составлялись эти комиссіи. Верховные судьи обыкновенно относились недоброжелательно къ баронамъ и не довѣряли шерифу, который, по характеру своей власти, являлся до нѣкоторой степени ихъ конкуррентомъ. Будучи посторонними людьми въ графствѣ, они нуждались въ мѣстной поддержкѣ и не были въ состояніи организовать областную бюрократію. Оставался одинъ исходъ—обратиться къ мѣстному рыцарству, единственному классу, достаточно независимому и достаточно просвѣщенному, чтобы оказать имъ полезное содѣйствіе. Дѣйствительно, они все чаще и чаще избираютъ въ помощники рыцарей и дѣлятъ съ ними власть, отнятую у шерифа или у суда графства. Я не могу входить здѣсь въ мелочныя подробности этого перенесенія полномочій. Мало по малу раскладка и сборъ податей, надзоръ за вооруженіемъ національной милиціи, приведеніе къ мирно присягѣ, мѣстное разслѣдованіе преступленій и злодѣяній, выборъ большого обвинительнаго жюри, участіе въ постановленіи приговоровъ посредствомъ малаго жюри, —все это поручено комиссіямъ рыцарей, которые чаще всего дѣйствуютъ подъ руководствомъ странствующихъ судей. Большая часть этихъ полномочій принадлежала прежде суду графства и шерифу; послѣдній теряетъ въ 1215 г. свои обязанности королевскаго уголовнаго судьи, перешедшія къ верховнымъ судьямъ; въ концѣ того-же столѣтія онъ становится простымъ исполнительнымъ агентомъ странствующаго суда.

Результатъ этого переворота очевиденъ. Дѣятельность рыцарей не сосредоточивается болѣе въ судѣ графства. Этотъ классъ не подчиненъ болѣе шерифу, какъ это было прежде, и не считаетъ его болѣе ближайшимъ представителемъ могущественной королевской власти. Его замѣнили другія болѣе высокія должностныя лица, явив-

шіяся болѣе непосредственными уполномоченными государя; они обратились прямо къ рыцарству, отобрали въ его пользу власть у прежнихъ учрежденій, потребовали его содѣйствія, испытали на тысячѣ случаевъ его усердіе и вызвали такимъ образомъ сильное прогрессивное движеніе, руководство которымъ осталось, въ концѣ концовъ, въ ихъ собственныхъ рукахъ: въ рукахъ судей и рыцарей. Такимъ образомъ въ Англіи децентрализація и самоуправленіе (self—government) были созданы органами централизаціи.

Въ 1360 г. этотъ процессъ завершился учрежденіемъ мирныхъ судей, назначаемыхъ короной и избираемыхъ изъ того же мѣстнаго класса рыцарей. Призванные сначала замѣстить шерифа въ нѣкоторыхъ его полицейскихъ обязанностяхъ, они безпрестанно получаютъ новыя полномочія; пріобрѣтаютъ уголовную юрисдикцію, одинаковую въ принципѣ съ юрисдикціей королевскихъ судовъ; отбираютъ окончательно у суда графства всѣ его дѣла, разбирательство которыхъ переносится въ ихъ собственныя сессіи, происходящія четыре раза въ годъ; наконецъ, стягиваютъ въ свои руки всю мѣстную администрацію, завѣдованіе дорогами, мостами, тюрьмами, полицейскій надзоръ за работами, попечительство надъ приходами, вспомоществованія бѣднымъ. Замѣтимъ при этомъ, что для замѣщенія всѣхъ этихъ новыхъ административныхъ и судебныхъ должностей королевская власть поневолѣ обращалась не къ однимъ рыцарямъ, но, за недостаткомъ ихъ, также и къ другимъ свободнымъ землевладѣльцамъ. Дѣло въ томъ, что всѣ эти должности такъ быстро размножались, а классъ рыцарей становился настолько малочисленнымъ, что подобное замѣститѣльство рыцарей лицами свободнаго сословія становится почти постояннымъ правиломъ. Такимъ образомъ вся масса свободныхъ землевладѣльцемъ, эсквайры, джентльмены дѣлаются, наряду съ рыцарями, членами администраціи; позднѣе мы увидимъ, что въ слѣдующіе вѣка вся огромная бюрократическая

работа безвозмездно выполняется однимъ этимъ дѣятельнымъ, услужливымъ и трудолюбивымъ классомъ. Сліяніе совершилось такъ полно въ XV вѣкѣ и такъ далеко пошло въ средѣ свободныхъ землевладѣльцевъ, что королямъ пришлось оберегать болѣе значительныя должности, предназначавшіяся прежде для рыцарей, отъ захватовъ мелкаго люда. Для вступленія во всѣ должности былъ установленъ, особенно въ царствованіе трехъ Генриховъ, денежный цензъ: особый цензъ для присяжныхъ судей, для чиновъ національной милиціи, для должности мирнаго судьи, для права избирать и быть избираемымъ въ парламентъ. Если является цензъ,— значитъ отличій, основанныхъ на рожденіи и происхожденіи, больше не существуетъ; поэтому и возникаетъ необходимость искать другого рода отличій — въ богатствѣ. Въ данномъ случаѣ право на привилегированное положеніе даетъ поземельная собственность; а первой изъ привилегій оригинальнымъ образомъ оказывается безвозмездное завѣдованіе всѣми областными дѣлами. За ней, впрочемъ, скоро послѣдуетъ и вторая, на ней основанная: соучастіе въ политической власти.

Этотъ классъ, въ высшей степени нефеодальный, въ дѣйствительности выдѣлился въ концѣ XIII вѣка. Пользуясь благодарностью общества за исполненіе многочисленныхъ мѣстныхъ обязанностей и большимъ значеніемъ въ глазахъ короля и властныхъ лицъ по причинѣ своей многочисленности и своего вліянія, онъ занимаетъ въ силу вещей мѣсто въ парламентѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ держится въ сторонѣ отъ военныхъ сановниковъ, одержимыхъ анархическимъ и буйнымъ духомъ среднихъ вѣковъ. Самъ онъ проникнутъ совершенно другимъ, уже новѣйшимъ духомъ; онъ хранитель королевскаго мира; онъ получаетъ свои полномочія отъ государства, въ силу точныхъ постановленій закона. Этотъ элементъ имѣлъ всѣ преимущества передъ другими будущаго общества. Такимъ образомъ объясняется

это особенное явленіе въ Англіи, образованіе второй палаты, всецѣло составленной изъ земельныхъ собственниковъ, которые въ другомъ государствѣ заняли бы мѣсто наряду съ дворянами, причемъ послѣдніе руководили бы ими. Подобное учрежденіе не могло возникнуть на материкѣ, гдѣ при неорганизованной власти короля, не сумѣвшаго ни примѣнить ее, ни укрѣпить, дворянство осталось въ высшей степени феодальнымъ и военнымъ, далеко не сознающимъ себя органомъ государства и закона, совершенно чуждымъ гражданскимъ обязанностямъ, налагаемымъ закономъ, сильно замкнутымъ въ самомъ себѣ и ревниво оберегающимъ свои привилегіи, однимъ словомъ, совсѣмъ неспособнымъ выдѣлить изъ своей среды уполномоченныхъ представителей остальной націи.

Теперь намъ понятно, какимъ путемъ образовался англійскій парламентъ. Ядро этого собранія, первый кристаллъ, къ которому присоединились другіе, это тотъ magnum concilium, въ которомъ участвовали съ самаго начала великіе вассалы духовные и свѣтскіе. Я не берусь опредѣлить, по какому праву засѣдали въ немъ первые изъ нихъ. Было ли это въ силу владѣнія леномъ, баронскимъ помѣстьемъ, или же по причинѣ ихъ духовнаго сана? Фактъ, въ данномъ случаѣ гораздо болѣе рѣшающій, чѣмъ право, тотъ, что они въ большинствѣ случаевъ принадлежали къ фамиліямъ великихъ вассаловъ, что они всѣ владѣли значительными помѣстьями, носящими характеръ баронскихъ, обложенными тѣми же обязанностями и тѣми же налогами, какъ и помѣстья ихъ свѣтскихъ коллегъ *), и что на нихъ охотно

*) Налоги на лены, принадлежащіе духовенству, вотируются вмѣстѣ съ налогами на лены свѣтскихъ владѣтелей. Налоги на духовную должность вотируются или назначаются отдѣльно. (Stubbs, II, 173).

смотрѣли какъ на «такихъ же бароновъ, какъ и другіе». (Sicut barones caeteri) **).

Эти два высшихъ сословія, объединенныя между собой многими общими условіями, одни составляли великій совѣтъ короля до половины XIII вѣка. Воспоминаніе о совмѣстной и продолжительной дѣятельности отвратило опасность рѣзкаго раздѣленія этихъ двухъ классовъ, дворянства и духовенства, того самаго раздѣленія, которое случилось во Франціи при возникновеніи генеральныхъ штатовъ и продолжалось до 1789 г. Итакъ, раннее образованіе политической аристократіи принесло результаты неоцѣнимаго достоинства.

Приблизительно черезъ тридцать лѣтъ послѣ правильнаго учрежденія странствующаго суда, классъ рыцарей, возвысившійся, благодаря важности принимаемыхъ имъ на себя обязанностей и тѣмъ услугамъ, которыя онъ оказывалъ государству въ дѣлѣ мѣстнаго управленія, поддерживаемый и пополняемый изъ всего высшаго класса свободныхъ землевладѣльцевъ, начинаетъ приближаться къ парламенту. Не самъ онъ старается проникнуть въ него. Сила вещей вводитъ его туда. Сдѣлавшись въ это время многочисленнымъ, сплоченнымъ, дѣятельнымъ, онъ представляетъ изъ себя огромную силу, и ни король, ни бароны не могутъ пренебречь его соучастіемъ въ своемъ дѣлѣ. Они сами разыскиваютъ его, приглашаютъ, убѣждаютъ. Въ 1213 г., во время борьбы, которая приводитъ къ великой хартіи, король дѣлаетъ починъ. Въ первый разъ избираются по 4 рыцаря изъ каждаго графства, съ спеціальной цѣлью обсуждать съ королемъ государственныя дѣла. Въ 1215 г. великая хартія повидимому оставляетъ въ сторонѣ принципъ избранія и представительства. Послѣ царствованія короля Іоанна

*) Замѣчательно, что положеніе духовенства, какъ элемента въ общемъ совѣтѣ, не опредѣляется великой хартіей отдѣльно отъ другихъ, стоящихъ „in capite“. Stubbs. II, 169.

наступаетъ періодъ затишья. Снова возвращаются къ старому порядку, и великій совѣтъ остается относительно аристократическимъ до 1254 г., эпохи, когда борьба между королевской властью и баронствомъ обостряется. Каждая изъ двухъ партій опять чувствуетъ потребность найти союзниковъ въ остальной націи. Въ это время призываются по 2 рыцаря отъ каждаго графства; они встрѣчаются съ уполномоченными отъ приходскаго духовенства, въ свою очередь призваннаго въ первый разъ къ представительству въ парламентѣ. До тѣхъ поръ только аббатства, пріорства и каѳедральныя церкви призывались вмѣстѣ съ прелатами. Роль всѣхъ этихъ вновь пришедшихъ еще очень скромная; они присутствуютъ тамъ, чтобы слушать, узнавать и передавать въ графствахъ и въ приходахъ рѣшенія великаго совѣта. Не видно, чтобы они подавали голосъ; ихъ распускаютъ до окончанія сессіи, между тѣмъ какъ собраніе сановниковъ продолжаетъ обсуждать безъ нихъ важныя дѣла, о которыхъ они не должны знать.

Какъ бы то ни было, но тѣ и другіе призываются въ различномъ количествѣ, неправильно и черезъ долгіе промежутки времени въ нѣкоторые изъ послѣдующихъ парламентовъ въ 1261, 1264, 1270, 1273 гг. Въ 1295 г. созваніе, въ числѣ двухъ отъ каждаго графства, переходитъ въ обычай, и въ то же время вырабатывается спеціальная формула для созванія представителей отъ приходскаго духовенства. Съ этихъ поръ ни одинъ парламентъ не будетъ считаться правильнымъ безъ этого двойного представительства. Тогда же другой элементъ получилъ доступъ въ парламентъ. Въ 1265 г. Симономъ-де-Монфортомъ были призваны главные города, особенно тѣ, которые были надѣлены хартіями. Тридцать лѣтъ спустя, въ 1295 г. королевскій указъ приглашаетъ ихъ выбрать по два представителя отъ своихъ жителей, — гражданъ или мѣщанъ, — и, начиная съ этихъ поръ, они получаютъ правильное приглашеніе передъ каждой парламентской

сессіей. Такимъ образомъ 1295 г. имѣетъ важное значеніе. Въ началѣ XIV в. парламентъ носитъ всецѣло характеръ истинно національнаго собранія, въ которомъ засѣдаютъ болѣе полно даже, чѣмъ въ настоящее время (т. к. съ тѣхъ поръ произошли уменьшенія и исключенія), представители всѣхъ элементовъ англійскаго народа.

Какъ мы теперь далеки отъ Франціи, гдѣ ни деревенское населеніе, ни приходское духовенство въ дѣйствительности не имѣли представителей въ продолженіе большей части среднихъ вѣковъ! Но разница покажется намъ еще болѣе рѣзкой, если мы разсмотримъ, какимъ образомъ сортировались, объединялись и занимали мѣста выше названные элементы въ самомъ парламентѣ.

Вначалѣ горожане засѣдаютъ отдѣльно, наоборотъ, рыцари графствъ присоединяются къ баронамъ, что вполнѣ естественно, т. к. и тѣ и другіе служатъ представителями феодальныхъ и деревенскихъ интересовъ. Духовенство въ это время вотируетъ отдѣльно свои налоги. Это раздѣленіе на три группы наблюдается въ 1295 г. Оно повторяется въ 1296, 1305 и 1308 г. Оно тождественно съ распредѣленіемъ въ французскихъ генеральныхъ штатахъ въ ту же эпоху. Скоро однако элементы въ парламентѣ перемѣстились. Самое сильное сродство существуетъ, дѣйствительно, съ одной стороны между баронами и прелатами, привыкшими въ теченіе двухъ лѣтъ совѣщаться вмѣстѣ; съ другой стороны,—между рыцарями и горожанами, т. к. и тѣ и другіе были выборные и вмѣстѣ избирались или назначались въ судъ графства, гдѣ они не разъ встрѣчались подъ предсѣдательствомъ странствующихъ судей. Группировка членовъ соотвѣтствуетъ все болѣе и болѣе этимъ направленіямъ. Послѣ 1341 г., высшее духовенство соединяется (кромѣ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаевъ) съ свѣтскими властителями и образуетъ вмѣстѣ съ ними палату лордовъ. Въ

то же время, соотвѣтствующее сліяніе совершается между двумя другими классами. Рыцари и горожане составляютъ вмѣстѣ палату общинъ и расходятся только въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ, которые болѣе не встрѣчаются послѣ XIV в. Что касается послѣдняго элемента, низшаго духовенства, то оно также входитъ въ составъ палаты общинъ, однако скоро дѣлается менѣе усерднымъ и удаляется. Бѣдность, обязанности по службѣ удерживаютъ его вдали. Кромѣ того оно чувствуетъ себя болѣе на мѣстѣ въ собственныхъ собраніяхъ духовенства, «convocations» въ Кентербери и Іоркѣ, куда оно призывается двумя примасами, и гдѣ оно составляетъ своего рода нижнюю палату. Устанавливается обычай вотировать налоги, относящіеся къ Церкви, тамъ, а не въ парламентѣ. И такъ, въ половинѣ XIV в. низшее духовенство удалилось изъ палаты общинъ, и единственными господами въ ней остаются свѣтскіе элементы деревенскаго и городского представительства. Высшее духовенство, еще очень могущественное въ палатѣ лордовъ, гдѣ число аббатовъ и пріоровъ вдвое и втрое превосходитъ число епископовъ, смотритъ равнодушно на исчезновеніе скромныхъ приходскихъ священниковъ изъ палаты общинъ, судьбу и будущее первенствующее значеніе которой они еще и не подозрѣваютъ.

Такимъ-то образомъ англійскій парламентъ, сформированный въ своихъ элементахъ въ 1295 г., пятьдесятъ лѣтъ спустя является организованнымъ и распредѣленнымъ на основаніи трехъ принциповъ, которые глубоко отличаютъ его отъ генеральныхъ штатовъ во Франціи; 1) существованіе двухъ палатъ, которое перемѣшиваетъ и перепутываетъ раздѣленіе на классы, раздѣленіе особенно рѣзкое во Франціи, благодаря различію между тремя сословіями. Никакое сословіе не занимаетъ всецѣло отдѣльной палаты; они перемѣшаны подвое; имъ невозможно изолироваться въ узкомъ и исключительномъ классовомъ духѣ. 2) Соединеніе въ нижней палатѣ город-

ского элемента съ деревенскимъ, очень древнимъ, очень могущественнымъ, очень дѣятельнымъ и съ самаго начала привязаннымъ къ баронству. Подобнаго сліянія всего болѣе недоставало французскому третьему сословію, чисто городскому, составленному изъ новыхъ гражданскихъ людей, городскихъ судей или легистовъ, не имѣвшихъ земельной собственности и не служившихъ въ военной службѣ. Вслѣдствіе отсутствія средняго земледѣльческаго сословія, оно никогда не могло уничтожить пропасть отдѣлявшую его отъ дворянства; оно осталось въ своемъ одиночествѣ и не переставало переходить отъ робкихъ дѣйствій къ насилію, выказывая общую немощь всѣхъ новыхъ классовъ безъ связей и традицій. 3) Наконецъ преобладающій свѣтскій характеръ великаго собранія, одна вѣтвь котораго совсѣмъ не имѣетъ духовныхъ представителей; въ другой же это представительство связано съ свѣтскимъ элементомъ, основывается на свѣтскихъ правахъ, — на владѣніи епископствами и нѣкоторыми аббатствами, какъ баронскими ленами, — въ высшей степени проникается такимъ образомъ національнымъ чувствомъ и духомъ гражданскаго общества.

V.

Тюдоры. Паденіе феодальнаго дворянства. Паденіе Римской церкви. Новѣйшая Англія.

Съ половины XIV в. парламентъ существуетъ въ той формѣ, которая осталась до сихъ поръ. Въ періодъ Ланкастеровъ начинается, а въ періодъ Тюдоровъ заканчивается второй періодъ въ политическомъ развитіи Англіи. Составъ соціальныхъ классовъ, степени достоинства, установленныя между ними, ихъ относительное

значеніе въ государствѣ — подвергаются глубокой перемѣнѣ. Создаются, такъ сказать, новые устои общества, которые переживутъ всѣ позднѣйшіе перевороты и которые служатъ еще теперь основой современной Англіи. Два фактора — паденіе феодальнаго дворянства и Римской церкви окончательно опредѣлили характеръ политическаго общества и повліяли на промышленный и сельскій переворотъ Англіи въ XVIII в. Двѣ революціи не могли ослабить этого вліянія.

Нигдѣ баронство не измѣнялось такъ часто по существу и по составу, какъ въ Англіи. Шайка хищныхъ солдатъ, сопровождавшая Вильгельма I или слѣдовавшая за нимъ, полууничтоженная войной и конфискаціями, пополнялась новыми людьми, большею частью изъ правительственныхъ министровъ и чиновниковъ нормандскихъ и анжуйскихъ королей. Это судебное и чиновничье дворянство сохранило сословныя и правительственныя традиціи; именно оно дало тонъ крупнымъ вассаламъ XIII в. и организовало легальное и вооруженное сопротивленіе; подъ его руководствомъ баронство сгруппировалось, стало входить къ болѣе общимъ, болѣе отдаленнымъ интересамъ, объединило цѣлую націю и сложилось въ политическую аристократію.

Вотъ первое преобразованіе. Полтора вѣка спустя въ существѣ и по наружному виду все измѣняется. Феодализмъ повидимому упрочился; онъ основывался на первородствѣ, вошедшемъ въ обычай, и на статутахъ, которые такъ же стремятся обезпечить „droits de reversion“ господъ-землевладѣльцевъ, какъ и военную и денежную повинность, связанную съ леномъ. Можно было видѣть, что вся эта организація въ концѣ концовъ не достигла своей цѣли. Рыцарство набрасываетъ блестящее покрывало на общество, гдѣ эгоизмъ, скупость и жестокость процвѣтаютъ не менѣе, чѣмъ въ предшествующемъ вѣкѣ, и гдѣ эти плоды испорченности нравовъ болѣе не выкупаются героическими подвигами. Во главѣ этого обще-

ства находится высшее дворянство, крайне ограниченное числомъ.

Древнія баронiи или распались на мелкія помѣстья, или перешли въ руки нѣсколькихъ фамилій, происходившихъ изъ королевскаго дома. Постоянное паденіе баронскихъ держаній подрываетъ поземельныя права перовъ, и логическимъ слѣдствіемъ является то, что чисто формальный элементъ этого достоинства, фактъ королевскаго призванія или назначенія, получаетъ значеніе титула наслѣдственнаго. Можно сказать, что приблизительно съ 1295 г. фактъ призванія въ палату лордовъ получаетъ значеніе наслѣдственнаго титула, который освобождается отъ всякихъ условій владѣнія леномъ. Эволюція, повидимому, заканчивается въ 1397 г., съ первымъ созданіемъ перскаго достоинства по королевскому патенту *). Палата лордовъ получаетъ въ эту эпоху организацію, которую она сохранила до нашихъ дней.

Съ другой стороны это баронство королевской крови скоро распадается на двѣ враждебныя партіи, группирующіяся вокругъ претендентовъ на власть или на корону; не серьезное сознаніе правъ или законности ихъ главы, не искренняя привязанность къ его личности возбуждаютъ другъ противъ друга эти двѣ половины дворянства; грубый интересъ, страсть къ грабежу, чувство ненависти, которая только ищетъ предлога, чтобы проявиться, вотъ плохо скрытые мотивы всѣхъ ихъ похожденій. Въ длинный періодъ отъ Ричарда II до Генриха VII, они также жестоко воюютъ, составляютъ заговоры, измѣняютъ другъ другу, избивая одни другихъ на полѣ битвы, обезглавливая на слѣдующій день тѣхъ, которыхъ пощадило сраженіе. Палата лордовъ служитъ только мѣстомъ временнаго пребыванія для партіи, которой удалось изгнать другую; рядомъ съ ней дѣйствительный король (King de facto), выдвинутый, можетъ

*) Stubbs, II, 181—III, 437.

быть благодаря городской революціи, взываетъ къ праву, въ которое никто больше не вѣритъ. Въ противоположность этимъ мятежнымъ непостояннымъ властямъ, палата общинъ, единственная постоянная и національная власть, получаетъ въ силу обстоятельствъ особое значеніе. Эти носители спорныхъ титуловъ могутъ обратиться только къ ней за случайнымъ содѣйствіемъ. Робкая, неувѣренная, удивленная тѣмъ, что безъ ея стараній выпадаетъ ей на долю, она болѣе столѣтія пользуется преобладающей властью. Ея архивы наполняются прецедентами. Ея лѣтописи украшаются борьбой за право, ея уставъ обогащается либеральными обычаями: это только форма, которая не охраняетъ сама по себѣ сущности политической свободы (что можно видѣть въ слѣдующемъ вѣкѣ, во время Тюдоровъ), но которая, такъ сказать, устанавливаетъ образецъ ея, такъ что въ тотъ день, когда наступятъ благопріятныя обстоятельства, можно найти этотъ образецъ совершенно готовымъ и подъ рукой. Право кодифицировать, вмѣсто того, чтобы только указывать на содержаніе закона ходатайствами и пожеланіями, привилегія вотировать всѣ виды налоговъ, контролировать расходованіе общественныхъ суммъ, контроль надъ назначеніемъ государственныхъ чиновниковъ, однимъ словомъ, все огромное будущее преимущество нижней палаты проявляется въ теченіе этого времени и, отчасти, укрѣпляется; то же, что не можетъ еще установиться, подготовляется нѣкоторыми достопамятными примѣрами.

Между тѣмъ неизгладимая борьба знати имѣла результатъ, который легко было предвидѣть. Война Двухъ Розъ, занимающая вторую половину XV в., доставила ей широкое поприще, гдѣ могли развернуться свободнѣе, чѣмъ когда либо, ея дикія наклонности; она сама, по своей доброй волѣ, продолжаетъ эту войну подъ предлогомъ интереса династіи, совершенно уже исчерпаннаго. Мало похожіе на итальянскихъ кондотьеровъ, англійскіе ба-

роны не щадятъ себя. Они съ наслажденіемъ разоряютъ и истребляютъ другъ друга и въ то же время стараются не трогать общины. Цѣлыя фамиліи исчезаютъ или сливаются съ безымянной народной массой; ихъ помѣстья, конфискованныя или выморочныя служатъ для увеличенія королевскихъ владѣній. Послѣ того какъ Генрихъ VII погасилъ послѣднія мятежныя вспышки и наказалъ, пользуясь содѣйствіемъ звѣздной палаты, владѣтелей, еще подозрѣваемыхъ въ содержаніи вооруженныхъ шаекъ, баронство было очень обезсилено; король призываетъ въ свой первый парламентъ не болѣе 29 свѣтскихъ перовъ*). Древне-нормандское и феодальное дворянство болѣе не существуетъ, героическіе бароны великой хартіи едва оставляютъ свой слѣдъ въ лицѣ нѣсколькихъ спорныхъ наслѣдниковъ; ихъ огромныя владѣнія распались или вернулись въ казну.

Является тогда новый классъ, чтобы пополнить пустыя мѣста, тотъ средній деревенскій классъ, который образовался изъ сліянія рыцарей съ свободными землевладѣльцами. Онъ составляетъ уже правящую партію палаты общинъ. Изъ его среды Генрихъ VII избираетъ почти всѣхъ новыхъ перовъ. Перстью, почти вполнѣ обновленное въ своей сущности, чуждое привычкамъ и традиціямъ прежняго дворянства, возникшее вслѣдствіе многочисленныхъ назначеній, тѣсно зависящее отъ королевской власти, которая создаетъ его изъ ни-

*) Gneist. Verfassungsgeschte, 476. — Изъ указа о созваніи перваго парламента Генриха VII вынели немного смѣлое заключеніе, что въ то время оставалось только 29 свѣтскихъ перовъ. Число перовъ этого сословія, имѣвшихъ право на призваніе въ парламентъ, повидимому не могло внезапно пасть такъ низко. Green (II, 14), отмѣчаетъ, что число перовъ при восшествіи на престолъ Генриха VII было то же, что и при восшествіи Генриха VI. Но уже съ давнихъ поръ происходило значительное уменьшеніе. Приблизительно постоянная цыфра во время Ланкастеровъ—отъ 40 до 50 свѣтскихъ перовъ. Stubbs, III, 442.

чего или изъ малаго и которая обогащаетъ его своими дарами, вотъ картина, которую представляетъ конецъ XV вѣка. Я не вижу ничего, что было бы въ политическомъ отношеніи болѣе подходящимъ для сравненія съ палатой лордовъ временъ Генриха VII, какъ сенатъ Наполеона I, составленный въ большинствѣ изъ новыхъ людей, выдвинутыхъ государемъ. Этихъ „champignons de pairs“, какъ съ презрѣніемъ называлъ ихъ деспотъ. Англія знала еще въ эпоху Тюдоровъ. Палата лордовъ, въ продолженіе всего этого періода, была ими переполнена. Но Наполеонъ видѣлъ только настоящее. Великолѣпная олигархія, наложившая два вѣка спустя опеку на англійскую королевскую власть и воспользовавшаяся политической свободой, въ своихъ интересахъ, произошла отъ этихъ скромныхъ паразитовъ. Такъ велико значеніе времени и наслѣдственности!

Не менѣе глубокая перемѣна произошла въ положеніи высшаго духовенства. Тотчасъ послѣ Завоеванія, Вильгельмъ I отдѣлилъ духовную юрисдикцію отъ общей. Духовенство дѣлается судьей преступленій и злодѣяній своихъ собственныхъ членовъ, и эта привилегія создаетъ изъ него автономное общество, отличное отъ гражданскаго общества. Въ конвокаціяхъ Кентербери и Іорка всѣ духовныя лица собираются по призыву своихъ архіепископовъ, разрабатываютъ статуты для своего сословія и скоро отдѣльно вотируютъ налоги, лежащіе на свѣтскомъ обществѣ (десятины). Церковь не только независима, но имѣетъ нѣкоторое вліяніе на дѣла свѣтскаго общества; ея главные представители — члены magnum concilium. Каноническое право развилось широко и искусно; всѣ дѣла, въ которыя входитъ духовный элементъ: завѣщанія, браки и наконецъ всѣ контракты подвержены компетенціи духовныхъ судовъ. Естественно, что богатство связано съ могуществомъ. Разсчитали еще въ средніе вѣ-

ка*), что духовенство обладаетъ третью всей земли въ королевствѣ. Конгрегаціи, въ особенности Цистерціанъ (Cistercienis) имѣютъ доходы, сравнимые только съ государственными. Привилегіи, которыми пользуется Церковь, не имѣетъ границъ; ея ловкій геній заставляетъ легистовъ оставить для нея уголокъ въ феодальномъ земельномъ управленіи. Папство естественно старается наложить руку на эту сильную организацію и на эти огромные источники доходовъ. Нигдѣ, кажется, притязанія Рима не были такъ чрезмѣрны, жадность его такъ ненасытна и вмѣшательство его такъ неосторожно. Обстоятельства дали ему въ двухъ случаяхъ, при Вильгельмѣ I и при Іоаннѣ **) сомнительное право смотрѣть на Англію, какъ на ленъ папскаго престола. Папство облагаетъ податью духовенство, часто даже свѣтскихъ владѣтелей, искусно находитъ удобные случаи, чтобы выказать свою власть, захватываетъ въ свои руки назначеніе огромнаго числа бенефицій и раздаетъ ихъ своимъ итальянскимъ любимцамъ.

Положеніе Церкви въ другихъ католическихъ странахъ немногимъ отличается отъ того, которое я только что описалъ. Что всего замѣчательнѣе въ Англіи, это—особенно рѣшительное и сильное сопротивленіе свѣтскаго элемента. Этотъ элементъ, не надо въ этомъ ошибаться, существуетъ здѣсь не самъ по себѣ; онъ даетъ исходъ тому національному движенію, на глубокія причины и на особенную живучесть котораго я уже указалъ; объединяя подъ своимъ знаменемъ всѣ оппозиціонныя силы въ своей борьбѣ съ иностраннымъ вмѣшательствомъ, не могъ не итти рука объ руку съ гражданскою властью, боровшейся съ папствомъ, съ духомъ времени, боровшемуся съ церковью. ***) Нѣкоторыя обстоятельства благо-

*) Именно въ 1380 г.

**) Stubbs, I, ch. XII. Дань наложенная на Іоанна, была дѣйствительно уплачиваема до 1333 г.

***) Примѣч. Green, I, ch. IV.

пріятствуютъ этому движенію. Высокіе духовные сановники, какъ мы видѣли, принадлежали къ тому же классу, а часто къ той же крови, какъ и крупные свѣтскіе вассалы; они боролись вмѣстѣ съ ними и въ первомъ ряду въ эпоху партій вольностей. Они такъ же, какъ и тѣ, захвачены этимъ давленіемъ, которое объединяетъ всѣхъ англичанъ въ одномъ чувствѣ ненависти къ притѣсненію, въ одномъ подозрительномъ отношеніи къ иностранцу. Почти всѣ они ведутъ себя скорѣе, какъ государственные люди, чѣмъ какъ главы отдѣльной корпораціи, болѣе какъ англичане, чѣмъ какъ римскіе кардиналы. Палата лордовъ, гдѣ они числомъ значительно превосходятъ свѣтскихъ перовъ, естественно выказала себя менѣе снисходительной къ нападеніямъ, направленнымъ противъ Церкви, чѣмъ нижняя. Тѣмъ не менѣе, она точно также высказалась за всѣ законы, ограждающіе гражданское общество. Всѣ эти высшія духовныя лица дѣйствуютъ, какъ предвозвѣстники англиканской церкви. Другое не менѣе благопріятное обстоятельство то, что нижнее духовенство не засѣдаетъ въ палатѣ общинъ, оно удалилось оттуда по своей волѣ или по приказанію своего начальства и совѣщается отдѣльно въ конвокаціяхъ, собраніяхъ, носящихъ чисто клерикальный характеръ. Обманутые своимъ сильнымъ вліяніемъ въ палатѣ лордовъ и въ совѣтѣ, прелаты полагали, что они могли бы постоять за свои интересы, и что было бы умно не допустить духовенство въ другое политическое собраніе, гдѣ небольшое число депутатовъ могло бы при случаѣ остаться въ меньшинствѣ. Они упорно отклоняли всякое представительство духовенства въ палатѣ общинъ и ввели въ обычай обсуждать всѣ дѣла, касающіяся церкви, въ конвокаціяхъ. Они чувствовали себя тамъ повелителями своего войска, болѣе свободными ставить условія королю въ интересахъ цѣлой корпораціи, во главѣ которой они стояли. Нельзя не предугадать, всѣ громадныя послѣдствія такой ошибки. Имя Церкви, ея авто-

ритетъ, ея просвѣтительная дѣятельность, ея изобрѣтательный геній, ни одна изъ этихъ силъ не присутствовала и не дѣйствовала въ собраніи, которое въ силу обстоятельствъ дѣлалось все болѣе и болѣе національнымъ. Прелаты предоставили ему развиваться, укрѣпляться, бороться, побѣждать, и при каждомъ его прогрессивномъ шагѣ духовенство сознавало себя чуждымъ желаніямъ страны, равнодушнымъ къ ея усиліямъ. Кончается тѣмъ, что Церковь остается въ сторонѣ отъ надеждъ и политическихъ идеаловъ народа, который, впрочемъ, продолжаетъ быть глубоко религіознымъ; или, вѣрнѣе, народъ видѣлъ только злоупотребленія, которыя она себѣ позволяла, огромныя преимущества, завидовать которымъ было такъ естественно, онъ чувствовалъ ея близость къ Риму или, по крайней мѣрѣ, ея кажущуюся солидарность съ нимъ. Такимъ образомъ объясняется непрерывное и прогрессивное движеніе противъ Церкви, которое рано обрисовывается въ парламентѣ и которое продолжается до XVI в. Великая революція того времени есть только окончательное паденіе разрушавшагося зданія *). Этотъ результатъ давно уже подготовлялся безчисленными указами и статутами противъ владѣній „мертвой руки“, противъ захватовъ власти духовными судами, противъ сношеній съ Римскимъ дворомъ, противъ вмѣшательства папы въ назначеніе епископовъ. Виклефъ **) и лолларды вызвали въ XIV, XV в. движеніе общественнаго мнѣнія противъ высшаго духовенства; это движеніе встрѣтило сначала поощреніе власти, но за-

*) Обратить вниманіе у Stubbs'a на царствованія Эдуарда II, Эдуарда III, Ричарда II. Весь XV вѣкъ изобилуетъ жалобами и оборонительными мѣрами противъ вліянія Римскаго двора и духовенства. Въ 1341 г. государственная печать въ первый разъ довѣряется свѣтскому лицу. Въ 1371 г. парламентъ призываетъ свѣтскихъ министровъ.

**) De domino divino относится самое позднее къ 1368 г. (Green I, 447).

тѣмъ преслѣдованіе подавило его, не уничтоживъ его совсѣмъ. Династія Ланкастеровъ покровительствуетъ Церкви. Римскій дворъ тогда номинально вновь завладѣваетъ многими прерогативами, которыя предыдущіе законы отняли у нихъ. Но она пользуется ими только формально и съ согласія короны. Такимъ образомъ въ продолженіе всего XV в. духовная власть теряетъ свое значеніе и падаетъ. Паденіе древняго баронства оставляетъ Церковь одну передъ лицомъ всемогущаго короля, лишенную поддержки нижней палаты, которая не довѣряетъ ей, и подавленную въ верхней палатѣ новыми созданіями королевской власти. Что же удивительнаго въ томъ, что она могла только согнуться, когда рука Генриха VIII налегла на нее?

Эта важная революція совершается въ десятилѣтіе отъ 1530 до 1540 г. Король, недовольный папой, дѣлаетъ Англію независимою отъ Римскаго престола. Онъ объявляетъ себя высшей главой Церкви, хранителемъ и защитникомъ религіи. Собранія духовенства могутъ происходить только съ его согласія; церковные уставы входятъ въ силу только послѣ его санкціи. Онъ самъ, въ своемъ совѣтѣ, представляетъ высшую юрисдикцію для духовныхъ дѣлъ. Даже ересь не ускользаетъ отъ его компетенціи. Кранмеръ полагаетъ, что корона властна сама по себѣ назначать священниковъ, при чемъ не требуется никакого посвященія въ духовный санъ. Даже послѣ того, какъ это крайнее мнѣніе было оставлено, остается положеніе, что епископы получаютъ инвеституру только отъ самого короля и сохраняютъ свой санъ только съ его согласія; съ каждымъ новымъ царствованіемъ выходятъ новыя постановленія относительно духовенства. Ихъ доходы сокращены. Они больше не находятся въ положеніи крупныхъ владѣтелей, и ничто въ нихъ не напоминаетъ прежнихъ бароновъ. Имѣнія монастырей и аббатствъ тоже конфискуются; корона дѣлитъ ихъ остатки между новыми вы-

двинутыми ею дворянами. Все высшее свѣтское сословіе болѣе или менѣе заинтересовано въ сохраненіи новаго порядка вещей, доставившаго ему столько богатыхъ пожалованій. *) Аналогичный фактъ произошелъ въ 1789 г. въ массѣ французскихъ крестьянъ послѣ раздѣла національныхъ имуществъ. Страхъ передъ тѣмъ, что вновь возстановленная династія уничтожитъ эту революціонную мѣру, привелъ къ оправданію и апологіи недостойныхъ правительствъ и создалъ въ наслѣственномъ инстинктѣ народа какъ бы недовѣріе ко всему, что напоминаетъ старый порядокъ. Безсознательное побужденіе эгоизма и жадности служитъ точно также поддержкой для новой церкви Генриха VIII. Личный и фамильный интересъ способствуетъ укрѣпленію протестантской религіи противъ всякаго возврата къ римскимъ доктринамъ. Начиная съ XVI в., высшіе духовные сановники, бывшіе недавно въ большинствѣ въ верхней палатѣ, составляютъ тамъ только меньшинство, рядомъ съ которымъ быстро ростетъ число свѣтскихъ перовъ. Церковь, главные представители которой послѣ короля и по волѣ короля—они, болѣе нечисто древняя апостольская Церковь, почерпающая власть въ своихъ традиціяхъ и ограниченная только закономъ; она какъ бы вновь создана актомъ свѣтской власти; законъ охраняетъ ея права и обязуетъ англійскихъ подданныхъ подчиняться ей. Хотя духовенство сохранило земли, получаетъ десятину, однако съ этой эпохи оно принимаетъ физіономію и характеръ клерикальнаго чиновничества. Оно не напоминаетъ болѣе ни въ какой степени церкви Ансельмовъ, Бекетовъ, Лангтоновъ или даже Арунделей и Бофоровъ; оно скорѣй приближается къ французскому духовенству, какимъ его создала революція; именно духовенству, получающему жалованье, подчиненному государству и закону и на каждомъ шагу контролируемому

*) Hallam, Cont. hist, I,58.

гражданской властью. Оно падетъ много ниже, слишкомъ низко, потому что оно не можетъ, подобно французской Церкви, опереться на Римскій престолъ, оно не чувствуетъ себя причастнымъ величію католическаго учрежденія. Надо прочесть у Маколея *) исторію униженій англійскаго духовенства въ XVII в. особенно его низшихъ представителей, которые живутъ въ лишеніяхъ, скрываютъ свою нищету, и до брака съ которыми снисходятъ только однѣ служанки. Какъ бы то ни было, злоупотребленія и опасности, угрожающія свѣтскому обществу, когда Церковь съ высокимъ духовнымъ престижемъ соединяетъ большое политическое значеніе и вліяніе, основывающееся на владѣніи громадными земельными богатствами, могутъ считаться окончательно устраненными со вступленіемъ на престолъ Елизаветы. Насиліе, которое французская революція 1789 г. употребила противъ духовной власти, не миновало Англіи; но здѣсь это произошло въ половинѣ XVI в. Королевская власть совершила его сама, той же рукой, которой она закончила тремя вѣками ранѣе Франціи другое дѣло 1789 года начавшееся гражданской войной: разрушеніе древняго феодальнаго дворянства и возвышеніе средняго класса, политически и соціально сходнаго съ современной буржуазіей.

Теперь легко понять, почему англичане, не избѣжавшіе періода произвольной власти, не нуждались, для освобожденія отъ него, въ политической, экономической и соціальной революціи, аналогичной французской. Начиная съ XVI в., Англія проходитъ черезъ всѣ существенныя реформы, которыхъ французы ждали еще въ 1789 году, которыя обошлись имъ такъ дорого и которыхъ они все таки отчасти не достигли, опередивъ цѣль въ своемъ увлеченіи, что объясняется слишкомъ продолжительными страданіями. Три положенія резюмируютъ всю

*) History of England, I,323.

эту исторію. Чрезвычайная интенсивность королевской власти еще въ варварскомъ періодѣ даровала Англіи парламентъ, представителя однородной страны, органъ свободнаго правленія. Раннее сближеніе высшихъ феодаловъ въ одну политическую корпорацію дало имъ равенство передъ закономъ и налогами и предохранило ихъ отъ противозаконныхъ привилегій родового дворянства. Быстрое развитіе централизаціи, олицетворенное странствующими судьями, въ эпоху, когда мѣстное бюрократическое учрежденіе было невозможно, предоставило ей самостоятельное управленіе страной, создало и укрѣпило мѣстное аристократическое самоуправленіе (self-government). Немного позднѣе анархическія традиціи древняго феодализма совершенно исчезли съ его послѣдними представителями послѣ войны Двухъ Розъ. Церковь заняла подчиненное положеніе въ государствѣ, ниже гражданской власти, а палата общинъ, благодаря удаленію двухъ главныхъ силъ, составляющихъ естественный противовѣсъ королевской власти, пользовалась въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, столѣтія рѣшающей и преобладающей властью.

Если общество, такъ сильно развитое въ политическомъ отношеніи не избѣжало деспотизма, это доказываетъ только то, что учрежденія сами по себѣ безсильны, и что иначе и быть не можетъ. Англія обладала законченными учрежденіями; конституціонныя отношенія главныхъ политическихъ дѣятелей были вполнѣ установлены; недоставало людей, а не учрежденій. Духовнымъ лордамъ, прелатамъ благороднаго происхожденія, людямъ государственнымъ, общественнымъ дѣятелямъ, дипломатамъ, наслѣдовали темные теологи, доктринеры, счастливые тѣмъ, что могутъ мирно наслаждаться своими доходами*).

*) Замѣчательно, что послѣ реформы, ни одинъ англійскій прелатъ не игралъ болѣе значительной политической роли, между тѣмъ какъ во Франціи самые знаменитые изъ первыхъ министровъ были изъ духовнаго званія.

Среди свѣтскихъ лордовъ, куртизаны, выскочки, разбогатѣвшіе люди, жадные до титуловъ и до денегъ, подкупленные подарками, замѣнили крупныхъ дворянъ, стремившихся властвовать. Естественно, что самые значительные между новыми дворянами были тѣ, которые участвовали въ палатѣ общинъ; послѣдняя такимъ образомъ потеряла своихъ лучшихъ людей, своихъ руководителей. Когда старый составъ членовъ каждаго „estate“ былъ такимъ образомъ истощенъ, политическое учрежденіе очутилось въ положеніи завода, въ которомъ по какому-то случаю исчезли опытные мастеровые. Были наняты случайные рабочіе, они останавливались въ недоумѣніи передъ машинами, неумѣло принимались за дѣло и наконецъ находили самымъ простымъ и вѣрнымъ слѣпо повиноваться хозяину. Такъ продолжалось полтораста лѣтъ. Но машина тѣмъ не менѣе существовала, она ждала только опытнаго мастера, она подвергалась испытаніямъ, она способствовала постоянному образованію, дисциплинированію новаго наличнаго состава.

Замѣчено, что вѣкъ Тюдоровъ по формѣ много болѣе *парламентскій*, не только чѣмъ послѣдующій, но и чѣмъ предыдущій вѣкъ. Это періодъ обильнаго законодательства, почти чрезмѣрнаго. Дѣйствительный центръ правленія—совѣтъ короля; великія рѣшенія принимаются тамъ; но всѣ они переходятъ затѣмъ въ палаты, чтобы облечься въ законную форму. Короли охотно посылаютъ ихъ въ парламентъ, они ни мало не боятся встрѣтить тамъ оппозицію; они знаютъ, что все совершится согласно ихъ волѣ, и всѣ будутъ стараться угодить имъ. Такимъ образомъ слабость людей способствуетъ тому, чтобы предохранить учрежденіе, удержать его въ непрерывномъ движеніи. Парламентъ сохраняетъ при этой деспотической династіи видимое пользованіе всѣми своими правами. Организмъ ждетъ, когда затлѣется въ немъ жизнь. Вотъ почему свобода могла такъ быстро возродиться.

Какъ только „estates“ пересоздали свои кадры, деспотизмъ не могъ болѣе существовать. Онъ палъ въ 1648 г., возсталъ, палъ снова и окончательно въ 1688 г. Особенность этихъ двухъ революцій та, что для утвержденія новаго свободнаго правительства, не надо было ни создавать какого нибудь особаго политическаго механизма, ни устанавливать новыя отношенія между властями, ни вводить какую нибудь перемѣну въ общественной іерархіи, ни разрушать признанныхъ привилегій. Все необходимое существовало уже: недоставало воли, способной дать всему движеніе, искусныхъ рукъ, чтобы привести все въ дѣйствіе. Въ этихъ двухъ великихъ переворотахъ нѣтъ ни оппозиціи ни борьбы классовъ, ни гибельной ненависти, порождаемой злоупотребленіями, отъ которыхъ слишкомъ долго терпѣли, ни сильнаго теоретическаго энтузіазма, который создается слишкомъ долгимъ воздержаніемъ отъ реформъ. Они оставили послѣ себя не положительную реформу, — изъ тѣхъ, которые юристъ любитъ заносить въ списокъ, — но скорѣе новую жизнь, одухотворившую тѣ элементы, изъ которыхъ возникла новая власть. Истинная революція начинается безъ шума въ моментъ, когда шумная революція заканчивается. Въ продолженіи всего XVIII в. и первой трети XIX-го происходитъ глубокій экономическій и соціальный переворотъ, который отозвался и на общественныхъ отношеніяхъ. Это одно и тоже явленіе, но которое совершилось въ два пріема. Сначала оно развиваетъ въ продолженіе вѣка самую тираническую изъ олигархій, унижаетъ королевскую власть, и посягаетъ даже на общественную свободу. Затѣмъ, какъ бы по закону паденія и отраженія (что особенно дѣлается чувствительнымъ послѣ 1832 г.), оно подрываетъ господство аристократовъ съ помощью могучихъ, медленно организовавшихся силъ промышленнаго общества и развиваетъ

демократію, которой кажется предназначено вліять все болѣе и болѣе на всѣ учрежденія.

Слѣдующія главы займутся этимъ предметомъ, который долженъ быть изученъ во всемъ объемѣ. А теперь остановимся и отмѣтимъ то, что особенно важно отмѣтить и запомнить,—что, можетъ быть, требовало болѣе полныхъ доказательствъ;—именно то, что Англія прежде другихъ народовъ закончила свой политическій ростъ, что она первая радикальнымъ образомъ освободилась отъ феодализма, сохранивъ только отчасти его формы, и что со времени Тюдоровъ она является со всѣми свойствами возмужалаго современнаго общества, усвоившаго понятія о государствѣ и законѣ, о всѣхъ органахъ представительнаго и парламентскаго правленія и о принципѣ главенства гражданской власти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

АНГЛІЯ

ВЪ XVI и XVII ВѢКѢ.

I.

Общій обзоръ. Три революціи.

Англія переживаетъ въ настоящее время одинъ изъ важныхъ моментовъ своей исторіи. Радикальная партія только что уничтожила послѣднее препятствіе, закрывавшее доступъ низшимъ классамъ въ парламентъ. Всеобщее голосованіе существуетъ фактически, хотя реформъ въ этомъ смыслѣ не было, и сущность дѣла болѣе или менѣе искусно скрыта подъ многочисленностью и разнообразіемъ избирательныхъ цензовъ. Какимъ образомъ воспользуется новый властелинъ своими правами и своей силой? Безъ сомнѣнія, онъ поведетъ борьбу съ административной и судебной властью аристократіи въ графствахъ и особенно съ способомъ владѣнія наслѣдованія земельной собственности. Придется и англичанамъ пережить въ свою очередь аграрныя неурядицы. Эта неурядица даже началась уже въ Ирландіи и, повидимому клонится къ насильственной ликвидаціи аристократическихъ владѣній. Охотно повторяютъ, что привилегіи, противъ которыхъ борятся, представляютъ собой оста-

токъ феодальной эпохи. Въ этомъ земельномъ режимѣ, въ отеческомъ управленіи графствами, говорятъ, сохранились пережитки среднихъ вѣковъ. Глубокое заблужденіе; въ Англіи со времени Тюдоровъ нѣтъ болѣе ничего феодальнаго, кромѣ нѣкоторыхъ юридическихъ формъ, названій, а не сущности вещей. Злоупотребленія, которыя требуется уничтожить: крайняя концентрація земельной собственности, крайній произволъ мѣстной аристократіи—не такого дальняго происхожденія; это результаты великой революціи, совершившейся въ XVIII в.

Эта революція вообще мало извѣстна. Историки не всегда объ ней поминаютъ. По ихъ словамъ, все было совершено двумя революціями XVII в. Послѣднія занимаютъ—и заслуживаютъ, конечно, — почетное мѣсто въ политическихъ лѣтописяхъ Англіи; но онѣ не должны однѣ фигурировать тамъ. Онѣ все подготовили: онѣ ничего не дали законченнаго

Исторія похожа на сводъ, хорошо отражающій звуки; убійство или изгнаніе короля производятъ шумъ, который искусно отражается имъ. XVIII вѣкъ совершенно не знаетъ подобнаго шума и грома; онъ бѣденъ трагическими сюжетами. Буржуазная комедія, наполнившая его, совершенно сѣрая, безцвѣтная, она замѣчательна только по необыкновенной посредственности людей въ ней участвовавшихъ и по незначительности внѣшнихъ событій. Тѣмъ не менѣе именно въ этотъ періодъ политическое общество обновилось до своего основанія, и конституція зрѣла и вылилась въ той формѣ, которая намъ извѣстна. XVII в. открылъ путь; переходъ совершилъ XVIII в. Съ царствованія Елизаветы до царствованія Карла II и Вильгельма III взаимныя отношенія соціальныхъ классовъ значительно не измѣнились; механизмъ парламентскаго управленія не обогатился никакимъ новымъ колесомъ. Совершенно обратное происходитъ со времени Вильгельма III до времени Вильгельма IV. Въ этотъ промежутокъ одинъ классъ совсѣмъ изчезъ, другой

возникъ; устройство цѣлаго общества было потрясено; правительство было преобразовано не менѣе глубоко. Въ концѣ концовъ въ своихъ дѣйствіяхъ оно прибѣгаетъ къ способамъ и ходамъ, почти неизвѣстнымъ предшествующему вѣку.

Разсмотримъ принципы и право, на которыхъ покоится свободное правленіе. Самые важные не были занесены въ тотъ актъ*)(instrument), гдѣ революція 1688 г. записала свои завоеванія; тѣ же, которые занесены, не сопровождаются никакой практической гарантіей, не подкрѣплены никакой положительной санкціей.

Начнемъ съ прессы, этого самаго важнаго способа дѣйствій гражданина; она остается подчиненной цензурѣ. Послѣдняя падаетъ только въ 1695 г. и по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ свободой мнѣнія.

Религіозныя ассоціаціи и собранія, по крайней мѣрѣ католическія подчинены режиму, строгость котораго далеко не ослабѣваетъ, а наоборотъ возрастаетъ послѣ 1688 г. Политическія собранія какъ бы игнорируются закономъ и обычаями; первый митингъ, упоминаемый въ исторіи, относится къ 1769 г. Представительная система изъ года въ годъ сокращается и извращается въ продолженіе XVIII в., благодаря участію гнилыхъ мѣстечекъ. Habeas corpus, грамата охраняющая свободу личности, была учреждена раньше революціи (1679). Законъ о несмѣняемости судей учреждается въ 1700 г. и входитъ въ силу только съ новой династіей. Что касается парламента, то публичность парламентскихъ преній, это первое условіе свободнаго правленія, запрещена и впредь остается запрещенной. Палаты совѣщаются тайно, и до 1771 года появляются только бѣглые, туманные отчеты, не разъ преслѣдуемые, о преніяхъ и о постановленіяхъ.

Всѣ конституціонныя охранительныя граматы противъ произвола короны и личнаго правленія относятся къ

*) Билль-правъ.

XVIII в. Въ настоящее время король, по принципу, не завѣдуетъ самъ ни однимъ департаментомъ общественныхъ дѣлъ, онъ дѣйствуетъ только при посредствѣ министра и за его скрѣпленіемъ. Это ни въ какомъ случаѣ не пріобрѣтено послѣ 1688 г. Вильгельмъ III будетъ, въ полномъ значеніи слова, самъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Теперь король болѣе не присутствуетъ на совѣщаніяхъ министровъ. Эти послѣдніе спорятъ, расходятся или соглашаются между собой. Онъ можетъ высказываться только вообще относительно мѣръ, выработанныхъ во всѣхъ ихъ деталяхъ, и по поводу которыхъ уже произошло безъ него соглашеніе въ самомъ кабинетѣ. Это ни въ какомъ случаѣ не пріобрѣтено послѣ 1688 г. Королева Анна будетъ присутствовать довольно правильно на засѣданіяхъ, объявлять тамъ свою волю и предупреждать всякое противорѣчіе, внезапно распуская своихъ совѣтниковъ. *) Теперь право veto короны вышло изъ употребленія. Это не было пріобрѣтено послѣ 1688 г. Право veto будетъ практиковаться въ продолженіе всего царствованія Вильгельма III и до 1707 г. Теперь министры входятъ въ составъ палатъ и отвѣтственны передъ ними. Это никакъ не пріобрѣтено въ 1688 г. Понятіе относительно этого даже такъ неопредѣлены, что въ 1700, парламентъ думаетъ обезпечить свою независимость, исключивъ министровъ изъ палаты общинъ. Эта неполитическая мѣра будетъ потомъ отмѣнена въ 1705 г. Только въ 1739 г. неотвѣтственность короны и отвѣтственность министровъ признаются въ первый разъ на одномъ публичномъ дебатѣ. **) Теперь министры вмѣстѣ составляютъ однородный кабинетъ. Это ни въ какомъ случаѣ не было пріобрѣтено послѣ 1688 г. Въ продолженіи всего XVIII в. составляются еще кабинеты, гдѣ сталкиваются противоположныя мнѣнія, и

*) Hardwiche, State paper, II, 482.
**) Hallem, III, 171, Note.

часто, даже въ царствованіе Георга III, капризъ короля вводитъ въ нихъ и поддерживаетъ тамъ любимца, который стоитъ въ оппозиціи съ большинствомъ министерства. Такъ было съ лордомъ Турловымъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣдовательныхъ министерствъ. Принципъ, что члены кабинета должны быть одной политической окраски, вполнѣ установится только въ началѣ слѣдующаго столѣтія.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что два великихъ переворота XVII в. не сдѣлали никакого непосредственнаго вклада въ политическую конституцію! Нѣтъ, конечно; они, во-первыхъ, прекратили монархію божественнаго права, которая началась съ англійской теократіей; они замѣнили ее монархіей случайной и основанной на договорѣ; эта монархія, порожденная революціей, находилась нѣкоторымъ образомъ на томъ же *гражданскомъ положеніи*, какъ и вновь пріобрѣтенныя политическія права, съ которыми она болѣе не разставалась. Они рѣшили затѣмъ, что эта монархія будетъ парламентской, (это значитъ, что парламенту будетъ принадлежать дѣйствительный контроль надъ дѣйствіями власти и рѣшающій голосъ). Все произошло отсюда; но все произошло только современемъ и благодаря экономическому и соціальному перевороту, который совершился собственно въ XVIII вѣкѣ. Будетъ-ли эта парламентская монархія, напримѣръ, аристократической или демократической? — Парламентъ можетъ быть и тѣмъ и другимъ. — Какой классъ будетъ имѣть перевѣсъ надъ другимъ? Какая часть или какія вознагражденія будутъ предоставлены классамъ, находящимся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ? Парламенту, за которымъ послѣднее слово, будетъ ли также принадлежать и первое; другими словами, будетъ ли онъ представлять изъ себя только контрольную коммиссію, или же сдѣлается правящимъ органомъ? Въ такомъ случаѣ, какими средствами будетъ достигаться цѣль правительства? Какъ согласовать принципъ національнаго пред-

ставительства, прерогативы короны, скорость, осторожность и послѣдовательность—условія, требуемыя дѣлами, достоинство и независимость государственныхъ лицъ, заправляющихъ ими, отвѣтственность министровъ предъ палатами? Всѣ эти капитальные вопросы, еще открытые послѣ 1688 г., были разрѣшены только въ теченіе XVIII в. путемъ медленной разработки.

Двухъ словъ достаточно, чтобы охарактеризовать путемъ сравненія революціи XVII в. и ту, которая, начавшись около 1760 г., заканчивается въ 1832 г. Первыя были революціи чисто политическія; вторая была политическая и соціальная. Свойство соціальной революціи то, что она предшествуется, подготовляется и создается новымъ распредѣленіемъ богатствъ, заслугъ и достоинства между классами и въ каждомъ классѣ. Ея задача произвести нѣкотораго рода уравненіе (péréquation) власти, политическаго вліянія, поставить ихъ въ соотношеніе съ измѣненнымъ распредѣленіемъ экономическихъ силъ и знаній. Двумъ революціямъ XVII в. не пришлось выполнить ничего подобнаго. Онѣ произошли отъ недовольства „всей націи“ противозаконными предпріятіями короны; онѣ добивались удержать прежнее состояніе конституціоннаго пользованія, защитить его отъ непріятныхъ нововведеній, разыскать и возстановить исчезнувшіе предѣлы власти, обезпечить себя противъ нея въ будущемъ. По общему содержанію и по своему преобладающему духу это была реставрація древняго общественнаго права. Онѣ имѣли противниками вѣроломныхъ королей, имъ достаточно было только перемѣнить династію. Глубокая революція не должна была тогда произойти и не произошла. Можно сказать довольно точно, что она начинаетъ только намѣчаться и появляться послѣ Реставраціи; что она развивается и созрѣваетъ въ теченіе первой половины XVII в.; что она разражается послѣ 1760 г., аграрнымъ переворотомъ, который можно сравнить только съ „громаднымъ передвиженіемъ собст-

венности,“ происшедшимъ въ противоположномъ направленіи во Франціи тридцать лѣтъ спустя; что она довершается слѣдствіями двадцатилѣтняго крестоваго похода противъ французской революціи; что она сосредоточиваетъ наконецъ въ рукахъ сельскаго общества, чрезвычайно немногочисленнаго, всю политическую власть, и это въ тотъ самый моментъ, когда могущественное промышленное общество, быстро развившееся менѣе чѣмъ въ полъ-столѣтія, дѣлается преобладающей экономической силой. Въ продолженіе цѣлаго періода можно видѣть какъ бы два различныхъ народа, населяющихъ рядомъ одну и ту же территорію, съ двумя различными экономическими ученіями и почти съ двумя разными гражданскими правами, одинъ — господинъ правленія и закона, другой, такъ сказать, находящійся внѣ легальной области, до того дня, пока городская и промышленная нація, выросшая насчетъ всего, что теряетъ ея соперница, не возвратитъ себѣ свою часть вліянія и не проведетъ новый господствующій духъ въ управленіи дѣлами.

II.

Колонизація, торговля и промышленность до XVIII вѣка.

Чтобы понять эти перемѣны въ ихъ цѣломъ и чтобы уяснить ихъ истинныя причины, надо прежде всего изучить предшествовавшія имъ событія, вернуться къ англійскому обществу временъ Тюдоровъ, къ тому моменту, когда оно составляется, принимая почти современный характеръ, основательно познакомиться съ его строеніемъ и прослѣдить за нимъ до начала XVIII в. въ его послѣдовательныхъ контурахъ и формахъ, которые при-

дають ему событія! Границы различныхъ классовъ, духъ, проникающій ихъ, отношенія и переходные пути между ними, ихъ степень богатства, благосостоянія и свободы, ихъ привилегіи и ихъ роль въ государствѣ, положеніе ихъ относительно короны и парламента должны быть отмѣчены, по крайней мѣрѣ, нѣсколькими бѣлыми чертами.

Историкъ никогда вполнѣ не свободенъ отъ впечатлѣній настоящаго. Напрасно онъ старается устранить ихъ, они возвращаются, преслѣдуютъ, окружаютъ его, и самый добросовѣстный умъ примѣшиваетъ ихъ противъ воли къ понятію, которое онъ хочетъ составить себѣ о прошедшемъ. При одномъ имени Англіи представляютъ себѣ могущественную колоніальную метрополію; владѣнія, разсѣянныя въ двухъ полушаріяхъ; безчисленные корабли, плавающіе по морямъ и входящіе въ англійскія гавани на всѣхъ материкахъ; огромную столицу, въ которой жителей больше, чѣмъ въ Шотландіи, и скоро будетъ столько же, сколько въ Ирландіи; кромѣ Лондона, 20 городовъ, имѣющихъ болѣе ста тысячъ душъ, 42 другихъ, тѣсно облегающихъ ихъ; цѣлые округи, гдѣ дома безъ конца выростаютъ и сходятся, подавляя и заглушая собой свободный воздухъ и зелень; тысячи заводовъ, дымъ которыхъ перемѣшивается; блѣдное населеніе рабочихъ, скученное почти бокъ о бокъ на одномъ клочкѣ въ нѣсколько миль, увеличивающееся вечеромъ призраками, которыхъ изрыгаетъ черный городъ, вырытый подъ ихъ ногами. Кое что остается отъ этихъ сильныхъ ощущеній, когда мы стараемся представить себѣ Англію другого вѣка. Намъ не удастся видѣть пустоту и слышать молчаніе тамъ, гдѣ въ настоящее время эта страшная мастерская, эта обремененная дѣлами факторія, этотъ всемірный пакгаузъ и докъ кипятъ шумомъ и движеніемъ.

Все оригинальное этой картины относится однако къ новому времени, Англія же временъ Тюдоровъ представляла собой, такъ сказать, противоположное этому. Въ

началѣ XVII в. англичане столько же, или даже болѣе, чѣмъ всѣ другіе народы цивилизованной Европы, составляли общество осѣдлое, земледѣльческое или пастушеское, которое стремится сдѣлаться даже болѣе пастушескимъ, чѣмъ земледѣльческимъ. Нація, выказавшая позднѣе столько искусства въ созданіи учрежденій на дѣвственныхъ территоріяхъ, не имѣетъ никакихъ владѣній внѣ Европы до послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы. Первая изъ ея экспедицій, не окончившихся несчастіемъ относится къ 1601 г. Испанцы, португальцы, голландцы, французы опередили ее и продолжаютъ болѣе столѣтія колебать ея высокое колоніальное значеніе. *) Колонизація получаетъ силу только послѣ Реставраціи. **) Въ царствованіе Карла II прочныя колоніи, основанныя или пріобрѣтенныя въ Каролинѣ, Пенсильваніи, Нью-Іоркѣ, Делаварѣ, доводятъ завладѣніе американскимъ берегомъ до Чарльстона. Въ 1688 г., все таки, французы владѣли еще двумя большими рѣками, св. Лаврентія и Миссисипи, и шансы между ними и ихъ противниками были, по крайней мѣрѣ, равны. Вѣсы склоняются рѣшительно въ пользу англичанъ только въ XVIII в. Въ ту же самую эпоху послѣднимъ принадлежитъ въ Индостанѣ только нѣсколько факторій. Ихъ первое пріобрѣтеніе территоріи внѣ Бомбея относится къ 1757 г. (Porter). Черезъ нѣсколько лѣтъ они основываютъ на развалинахъ огромную индѣйскую имперію по образцу

*) Англійская эмиграція, очень ограниченная вначалѣ, усилилась послѣ 1620 г. Но „съ тѣхъ поръ, какъ собрался долгій парламентъ, теченіе прекратилось, и въ продолженіе столѣтія эмиграція изъ старой Англіи въ новую была такъ слаба, что она не покрывала даже обратное движеніе колонистовъ, покидавшихъ колоніи. V. Seeley, Expansion of England.

**) Въ эпоху навигаціоннаго акта Нью-Іоркъ и Нью-Джерси принадлежали голландцамъ, Георгія, объ Каролины, Пенсильванія, Новая Шотландія были не колонизованы, Виргинія, Мэриландъ, Новая Англія находились въ младенческомъ состояніи. Toynbee, Industrial Revolution, page 78.

той, которую Дюплексъ началъ создавать для Франціи. Одна фраза и названія двухъ годовъ резюмируютъ эту исторію: Англія начинаетъ считаться великой колоніальной державой только въ концѣ XVII в.; она не имѣетъ равной себѣ только послѣ 1763 г.

Торговля развивается почти параллельно. Въ началѣ періода въ царствованіи Тюдоровъ, она только возвращается къ націи; въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ она была въ рукахъ иностранцевъ, ломбардцевъ, голландцевъ и особенно Ганзы, чрезмѣрныя привилегіи которой были уничтожены только при Эдуардѣ VI. Въ 1640 г. нѣсколько писателей выражаются такъ, какъ будто бы торговля была незнакомой вещью въ Англіи до Бурлея и Іакова I. Литература торговли, такъ сказать, не существуетъ до XVII в.; она дѣлается довольно обширной послѣ 1625 г.—эпохи первыхъ неорганизованныхъ великихъ морскихъ компаній — и обнаруживаетъ извѣстныя притязанія на господство надъ морями. Законъ о мореплаваніи 1651 г. выражаетъ въ первый разъ ясное и свободное сознаніе счастливой будущности англійской торговли. Во всякомъ случаѣ только въ концѣ вѣка Англія по своимъ коммерческимъ оборотамъ можетъ сравниться съ Нидерландами. Даже въ 1694 г. она принуждена оспаривать у нихъ рыбную ловлю въ своихъ собственныхъ водахъ, а въ 1690 г, одинъ авторъ называетъ голландцевъ „господами въ области коммерціи“ *). Въ ту же эпоху процентъ доходности составляетъ 8 на 100 въ Лондонѣ и 3 на 100 въ Голландіи. Коммерческое преобладаніе Англіи дѣлается неоспоримымъ только въ XVIII в.

Развитіе промышленности началось еще позднѣе. Въ эпоху Тюдоровъ она почти не существовала, Венеціанскіе посланники пишутъ, что Англія богатая страна, и указываютъ на источники этого богатства: „оно состо-

*) Child, New discourse on trade, 1690, стр. 114.

итъ", говорятъ они, „не столько въ оловянныхъ рудникахъ и въ сырыхъ продуктахъ очень плодородной почвы, сколько въ шерсти, извѣстной своей тонкостью и покупающейся нарасхватъ на всѣхъ европейскихъ рынкахъ. Англичане довольствуются только производствомъ почти всей этой шерсти и отправкой ея въ сыромъ видѣ въ Нидерланды; фламандцы же ее обработываютъ".

Въ продолженіе всего XVI в. Англія продолжаетъ быть для Фландріи тѣмъ же, чѣмъ Австралія въ настоящее время служитъ для Англіи. Лондонъ занимаетъ мѣсто Сиднея, Гентъ и Брюгге—Лидса и Брэдфорта*). Между тѣмъ отъ религіознаго преслѣдованія въ Нидерландахъ со стороны Испаніи бѣжало на другую сторону Ламанша большое количество фламандскихъ рабочихъ. (1568). Англія начинаетъ тогда сама обрабатывать часть своей шерсти. Открывается такъ называемый „Норвичскій" періодъ, который обнимаетъ весь XVII в. Замѣтьте, что эта единственная мануфактура составляетъ въ то время всю англійскую промышленность; другой значительной и процвѣтающей нѣтъ на всей территоріи Британскихъ острововъ. Около 1700 г. Беркелей называетъ ее еще „основой нашего національнаго богатства", а въ 1701 г. она составляетъ не менѣе четверти всей внѣшней торговли. Въ ту же эпоху только начинается фабрикація хлопка. Въ 1750 г. она не превышаетъ по цѣнности 50000 ф. стерлинговъ. Адамъ Смитъ, писавшій въ 1776 г., упоминаетъ о ней только одинъ разъ, случайно, какъ будто она не имѣла значенія**). Около 1750 г. $^4/_5$ всего желѣза добывается еще въ Швеціи, а производство этого металла въ Англіи не превосходитъ 17000 тоннъ. Къ тому же тогда была извѣстна только плавка съ деревомъ. Механическія при-

*) Seeley, Expansion of England, см. стр. 85.

**) Baines говоритъ, что машины, употребляемыя въ 1760 г. въ производствѣ хлопка, были такъ просты, какъ въ Индіи. (History of the cotton manufactory, стр. 115.)

мѣненія пара были незнакомы, и эксплоатація угля была очень умѣренная. Каменный уголь, желѣзо, хлопокъ,— если исключить эти три продукта, то что же останется отъ той Англіи, которую мы знаемъ? Море, омывающее длинную береговую линію и образующее столько заливовъ и лимановъ, представляетъ прекрасный путь для внѣшнихъ сношеній. Внутри передвиженіе товаровъ свободно на всемъ протяженіи территоріи; это два счастливыхъ преимущества Англіи надъ Франціей. Но пути сообщенія на сушѣ очень несовершенны. Каналовъ нѣтъ (первый будетъ построенъ въ 1755 г.). Дороги рѣдки и плохо содержатся, передвиженіе на лошадяхъ плохо организовано. Даже въ концѣ XVIII в. торговые пути представляли во многихъ мѣстахъ только деревенскія тропинки, способныя слишкомъ быстро портиться или слишкомъ узкія для тяжело нагруженныхъ возовъ; на нихъ можно было встрѣтить длинныя вереницы тюковъ шерсти, навьюченныхъ на спины лошадей. Невозможно вообразить, что только вѣкъ тому назадъ положеніе вещей такъ отличалось отъ современнаго.

Есть вообще соотношеніе между развитіемъ торговли и промышленности и развитіемъ городовъ. Такъ, если не считать Лондона, цыфра городского населенія очень невысока. Во время царствованія Елизаветы это состояніе обѣщаетъ упрочиться, благодаря крайней регламентаціи, ублажающей корпораціи купцовъ и мастеровъ, которые почти всюду обладаютъ монополіей муниципальнаго управленія. Начиная съ Тюдоровъ и во время Стюартовъ управленіе городовъ вообще перешло, при потворствѣ короны, въ руки небольшихъ замкнутыхъ олигархій, которыя сами избираютъ своихъ членовъ *). Эти

*) Мнѣніе судей 40—41-го года царствованія Елизаветы стремится признать за этими select bodies регламентирующую власть, съ правомъ назначать мѣстныхъ чиновниковъ, и уполномочи-

завистливыя и корыстныя котеріи пользуются закономъ Елизаветы, который запрещаетъ заниматься ремесломъ всякому, кто не прошелъ искуса семилѣтняго обученія. По правдѣ, этотъ законъ имѣетъ въ виду только ремесла, уже существовавшія въ 1563 г. и относится только къ торговымъ мѣстечкамъ и городамъ. Тѣмъ не менѣе его дѣйствія достаточно, чтобы всѣ старые города сдѣлать почвой, особенно неблагодарной для промышленности. Ремесленникъ устрашенъ этими семью годами порабощенія. Капиталистъ сознаетъ, что онъ не будетъ имѣть возможности приложить капиталъ къ своимъ дѣламъ; онъ ликвидируетъ и мѣняетъ городъ на деревню. Промышленникъ, утомленный столькими препятствіями и придирками, располагается внѣ городскихъ стѣнъ и размѣщаетъ своихъ рабочихъ вокругъ себя въ коттэджахъ*). Такимъ образомъ древнее стеченіе народа въ городахъ не увеличивается въ царствованіе Тюдоровъ и Стюартовъ. Эти города образуютъ на картѣ нѣсколько черныхъ точекъ, широко разсѣянныхъ по бѣлому полю, изображающему деревни. То же отношеніе сохраняется приблизительно до XVIII в.

Въ концѣ XVII в. 4 милліона жителей изъ $5^1/_4$ милліоновъ живутъ въ деревнѣ. Кромѣ Лондона, нѣтъ ни одного города въ 30000 жит., и только 4, имѣющихъ болѣе 10000 жит. Бристоль, второй или третій городъ въ королевствѣ, считается единственнымъ, въ которомъ съ извѣстныхъ улицъ можно видѣть только дома. Многочисленные бурги или мѣстечки, которымъ корона

ваетъ доказать ихъ законность обычаемъ и давностью, „чтобы избѣжать смуты и безпорядковъ народнаго избранія“. Gneist II, 100—103.

*) Такимъ образомъ изъ Ворчестера производство шерсти распространилось на весь Ворчестеширъ, производство сукна распространилось въ деревняхъ Соммерсетшира и Іоркшира, производства чугуна въ лѣсныхъ деревняхъ Суссекса.—Brodrick, Englisch Land and landlords, стр. 31.

даровала тогда право присылать депутатовъ въ парламентъ, въ большинствѣ случаевъ представляютъ изъ себя крупныя, а иногда и довольно ничтожныя деревенскія населенія, куда землевладѣльцы и фермеры привозятъ для продажи свои продукты. Земледѣльческіе интересы преобладаютъ тамъ, какъ и въ настоящихъ деревняхъ; привычки тамъ тѣ же, что и въ сельской жизни. Вообще города во время Елизаветы, такъ же какъ и послѣ Реставраціи, въ зависимости отъ деревень. Городской жизни, какъ и торговой и промышленной дѣятельности, не хватаетъ положенія, силы и полноты; она не въ состояніи нанести ударъ древнему преобладанію деревенскаго міра.

III.

Джентри.

Этотъ взглядъ, брошенный съ высоты птичьяго полета на распредѣленіе экономическихъ силъ, охватываетъ только крупныя черты и главные рельефы. Надо теперь спуститься съ высоты, чтобы ближе разсмотрѣть условія жизни людей и соотношенія классовъ.

Во главѣ этого земледѣльческаго и пастушескаго общества, единственнаго, имѣющаго значеніе, въ концѣ концовъ становится джентри, самое оригинальное и самое могущественное изъ учрежденій, образовавшихъ національный характеръ.

Извѣстно, что феодальное дворянство исчезло въ концѣ XV вѣка, и что перство должно было пересоздаться съ помощью элементовъ, взятыхъ въ непосредственно низшемъ слоѣ. Новые перы вовсе не отдѣляются отъ класса, изъ котораго они произошли; они только немно-

го выдвигаются изъ ряда. Они признаютъ въ другихъ собственникахъ людей равныхъ имъ наканунѣ, и которые могутъ быть равны имъ на слѣдующій день. Эти собственники не считаютъ себя ниже подобныхъ себѣ, находящихся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Каждый изъ нихъ чувствуетъ въ самомъ себѣ нѣчто подобное французскому, „noblesse gradueLle“, которая давалась сама собой послѣ двухъ поколѣній съ честью занимавшихъ общественную должность. Здѣсь общественная должность—управленіе обширной областью съ его высокими обязанностями покровительства, и активнаго вмѣшательства въ мѣстное управленіе. Всѣ богатые сквайры были, такъ сказать, сверхштатные перы. Въ XV вѣкѣ высшая соціальная единица не перство, но сельское джентри, въ составъ котораго входило и перство. (*) Перское достоинство даруетъ только первенство между джентльменами. Это послѣднее слово, которое входитъ въ общее употребленіе во время царствованія Елизаветы, не равнозначуще,—Маколей это показалъ въ своихъ знаменитыхъ строкахъ—французскому слову gentilhomme; оно скорѣе противуположное ему. Феодальный ленъ или возведеніе въ дворянство не необходимы, чтобы даровать званіе джентльмена; не одно только родство передаетъ его. Владѣніе большимъ помѣстьемъ, общественныя почести, знаніе и таланты юрисконсульта равнымъ образомъ даютъ доступъ въ этого рода открытое дворянство; единственно бѣдность не допускаетъ къ нему. Никакая привилегія не отличаетъ его, никакая общественная должность не закрыта для него. Обычаи создаются позднѣе безъ всякаго усилія, закону не придется

*) По поводу дворянъ, которые согласно съ Fortescue одни на собственный счетъ могутъ дать воспитаніе дѣтямъ см. въ Inns of cout, что Waterhous добавляетъ (стр. 520).

настаивать, чтобы всѣ, обладающіе извѣстнымъ образованіемъ и, въ особенности, извѣстными привычками, связанными съ опредѣленною степенью богатства, были туда допущены по полному праву.

Въ XVI вѣкѣ въ составѣ джентри преобладаютъ новые люди; всѣ свидѣтельства подтверждаютъ это. Это — купцы, городскія должностныя лица, адвокаты или даже разбогатѣвшіе ремесленники, собственники деревенскихъ помѣстій, въ особенности же владѣній, отнятыхъ у Церкви. Они „выслѣживаютъ наслѣдника въ затруднительныхъ обстоятельствахъ", „покупаютъ благородныхъ питомцевъ" и дѣлаютъ изъ нихъ мужей или женъ для своихъ дѣтей. (*) У этихъ выскочекъ — только одна цѣль: взять возможно больше отъ земли. Вмѣстѣ съ ними выступаютъ на сцену джентльмены и фермеры, промышленники и спекуляторы. Этотъ землевладѣлецъ, повѣряющій, достигли-ли его быки того состоянія; чтобы ихъ отправить на бойню; эта леди, сама продающая свое масло на сосѣднемъ базарѣ или торгующая настрѣленной ея мужемъ дичью: вотъ представители новаго времени. Старое общество сначала относится свысока съ ихъ пріемамъ и правамъ, съ тѣмъ чтобы немного позже послѣдовать ихъ примѣру. (**) Мнѣніе, установленное съ тѣхъ поръ, то, что богатство высшее счастіе; власть измѣряется, чины распредѣляются соотвѣтственно доходамъ. Это уже современная Англія. Въ XV вѣкѣ опредѣляется низшій предѣлъ для джентри посредствомъ земельнаго ценза, который появляется въ царствованіи Генриха VI и закрываетъ доступъ лицамъ, находящимся на болѣе низкой ступени общественной

(*) См. Crowley's Select works (1550) Harrisons Description of England (1577).

(**) Сѣверъ долѣе хранитъ старые обычаи, старый способъ обработки съ паровымъ полемъ, онъ вѣренъ своимъ мѣстнымъ вождямъ и слѣдуетъ за ними въ безчисленныхъ мятежахъ; новое теченіе увлечетъ его въ свою очередь.

лѣстницы къ должностямъ доставшимся старому баронству. Появленіе ценза доказываетъ, что отличія, основанныя на рожденіи и происхожденіи, больше не поддерживаются, законъ и нравы измѣнили имъ, и что высшій классъ чувствуетъ необходимость искать въ чемъ-нибудь другомъ покровительства противъ конкуренціи людей низшаго происхожденія, дѣлающихся смѣлѣе.

Обыкновенно новые люди, послѣдніе выскочки, являются наиболѣе ретивыми въ томъ, чтобы закрыть туда доступъ другимъ. Извѣстный земельный доходъ требовался, напримѣръ, для большого жюри, для чиновъ мѣстной полиціи, для должностей (justice of peace) (мироваго суда). Величина ценза приравнивается къ минимальной рентѣ рыцарскихъ помѣстій (20 фунтовъ). Не будемъ себя обманывать: джентри, классъ привилегированный. Но только основой этой, новой привилегіи служитъ земельная собственность и всякій владѣющій ею, имѣетъ свободный доступъ въ составъ класса; границы классовой привилегіи перенесены на довольно низкій уровень, вслѣдствіе чего ихъ легко перешагнуть. Въ высшихъ сферахъ умственная и соціальная однородность полная, равенство гражданское и политическое — почти абсолютное. Дочь графа не сочтетъ для себя унизительнымъ выйти замужъ за сына простого землевладѣльца, позднѣе, даже за сына городского купца. Слова: „потеря дворянства“ и „неравный бракъ“ не имѣютъ равнозначущихъ выраженій на англійскомъ языкѣ. На нѣсколько перовъ, произшедшихъ изъ феодальнаго слоя, въ палатѣ Лордовъ будетъ приходиться, во время сэра Эдуарда Кока, большое число перовъ, вышедшихъ изъ среды знаменитыхъ юристовъ. Всѣ, — отпрыски крупныхъ вассаловъ, отпрыски плебеевъ, имѣютъ равный голосъ въ королевскихъ совѣтахъ. Младшіе сыновья этихъ перовъ и даже ихъ вѣроятные наслѣдники встрѣчаются въ палатѣ общинъ на равной ногѣ съ разбогатѣвшими городскими купцами. Въ 1549 году

старшій сынъ лорда домогается въ первый разъ парламентскаго полномочія. Имена отца и сына внесены на пергаментъ судебно-мировой комиссіи, рядомъ съ именами эсквайровъ ихъ графства и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, имѣющихъ юридическія познанія. Законъ не дѣлаетъ разницы между тѣми и другими. Исключая верхней палаты, гдѣ недостаточно мѣста для всѣхъ, всѣ безъ различія предназначаются закономъ для всякой должности, всѣ призваны къ совмѣстному исполненію общественныхъ должностей въ коллегіальной формѣ. Доступъ къ должностямъ (admissibilité aux emplois), это извѣстное французамъ выраженіе равенства между гражданами, существуетъ въ Англіи съ XVI вѣка для всѣхъ джентльменовъ.

Вкратцѣ, всѣ высшіе элементы націи соединены и смѣшаны въ одинъ единственный классъ, открытый для послѣдовательнаго приращенія восходящихъ элементовъ, отставшихъ въ своемъ развитіи. Англійская аристократія, во время царствованія Тюдоровъ и до конца XVII вѣка, представляетъ собой отчасти то, что Руайе-Колларъ назвалъ позднѣе во Франціи среднимъ сословіемъ. Широко раздвигая свои границы и открывая свободный доступъ въ свою среду,—эта аристократія походитъ на демократію, основанную на невысокомъ цензѣ; она въ высшей степени далека отъ замкнутой олигархіи, къ которой она будетъ стремиться въ XVIII в.

Денежная привилегія selection par la richesse, (подборъ на основаніи зажиточности) замѣнившая отличія, основанныя на происхожденіи,—первая главная черта существовавшаго съ тѣхъ поръ различія, которое вплоть до нашихъ дней будетъ принимать только болѣе рѣзкій характеръ. Два другихъ фактора: государственное единство, сила законовъ, замѣнивъ анархическую автономію феодализма пополняютъ краткую формулу, вмѣщающую въ себя черты англійскаго общества послѣ тюдоровъ. Они обнаруживаются въ особенности въ положеніи юри-

дической и административной власти, перешедшей въ графствахъ къ цвѣту джентри.

Въ XIV вѣкѣ мѣстные суды, лишенные власти или униженные королевскими судьями, чахли. Въ 1360 году корона начинаетъ назначать между лордами, рыцарями, сквайрами, юрисконсультами лицъ, образующихъ коллегіи для всего графства, которымъ вмѣняются въ обязанность поддерживать тамъ порядокъ и даруется для этой цѣли судебная полицейская власть. Это—magistrates или justices of peace, (мировые судьи). Немного позднѣе этотъ выборъ, ограничивающійся, впродолженіи нѣкотораго времени, рыцарями, можетъ распространяться на всѣхъ землевладѣльцевъ, платящихъ извѣстную поземельную подать. Полномочія судей умножаются вмѣстѣ съ потребностями порядка и прогресса развивающагося общества. Уголовное слѣдствіе, сельская полиція, рабочая полиція, общественная благотворительность, гигіена, позднѣе, преслѣдованія католиковъ и диссидентовъ и т. д.,—все клонится къ усиленію ихъ компетенціи. *)

Важно здѣсь отмѣтить самую характерную черту этой юрисдикціи, именно то, что она не происходитъ, ни въ какой степени, отъ феодальной юрисдикціи: она — не измѣненная или искаженная ея форма,—скорѣе она — противоположное ей. Феодальная юрисдикція принадлежитъ въ каждомъ мѣстѣ одному лицу,— новая юрисдикція коллегіальна. Феодальная юрисдикція покоится на рѣшительной уступкѣ короны, она — настоящая часть верховной власти; новая юрисдикція покоится на полномочіи, отмѣнимомъ по существу: это просто вре-

*) Замѣтимъ, что они владѣютъ каждымъ изъ этихъ полномочій на основаніи точнаго и спеціальнаго закона; они не обладаютъ имъ произвольно, въ силу какого-то верховенства. Какъ-бы ни была велика ихъ власть, они управляютъ и судятъ только по буквѣ точныхъ и опредѣленныхъ указовъ, записанныхъ въ актахъ парламента.

менная чиновничья должность. Первая признаетъ юриста только какъ помощника, зависящаго отъ господина; вторая признаетъ его на равной ногѣ съ другими джентльменами; воздавая эту честь элементу правоспособности, она хотѣла, какъ будто, отмѣтить, что здѣсь дѣло идетъ объ общественной службѣ, которую необходимо хорошо исполнить. Феодальная юрисдикція обыкновенно связана съ высокимъ правомъ собственности на всей землѣ того района, гдѣ она дѣйствуетъ; новая юрисдикція можетъ быть дарована всѣмъ крупнымъ землевладѣльцамъ, дворянамъ или не дворянамъ графства, которые получаютъ извѣстный доходъ; и всѣ судьи компетентны для всего графства, а не только для того района, гдѣ они пользуются манoріальнымъ (вотчиннымъ) правомъ (droits manoriaux). Собственость не составляетъ здѣсь первоначальное основаніе и право и она никогда не обусловливала предѣловъ юрисдикціи, что представляетъ одну изъ существенныхъ чертъ феодализма; она является простымъ земельнымъ цензомъ, предназначеннымъ служить гарантіей интересовъ сосѣдей и достаточнымъ нравственнымъ авторитетомъ для личности правителя или судьи.

Видно еще разъ, на основаніи этого примѣра, что единство и сила государства проявились въ Англіи очень рано; что центральная власть лишила значенія феодализмъ, и что она сдѣлала своимъ орудіемъ высшій земельный классъ, который скоро смѣшиваетъ и уравниваетъ въ своихъ рядахъ все, что остается отъ старой іерархіи *).

*) Въ исполненіи своихъ громадныхъ полномочій, джентри встрѣчаетъ, кромѣ того, границу и подтвергается контролю. Предѣломъ служитъ приходская автономія, прочно организованная Елизаветой и поддерживаемая дѣятельностью гордаго класса, многочисленнаго и способнаго сопротивляться: іоменовъ. Контролемъ служитъ—контроль королевской власти, дѣйствующій посредствомъ своихъ различныхъ органовъ. Тюдоры, Стюарты держатъ совершенно въ рукахъ „magistrates“ графства; они говорятъ съ

Джентри, такимъ образомъ, уже въ началѣ XVII вѣка представляетъ собой голову и сердце англійскаго общественнаго организма. Всякое движеніе идетъ отъ него и все стремится къ нему. Все способствуетъ, нѣкоторымъ образомъ, его росту и клонится къ его возвышенію. Твердость его положенія, вѣрность и основательность его воздѣйствія на общественный духъ лучше всего выказались во время самаго смутнаго періода англійской исторіи (1640—1688). Менѣе чѣмъ въ полвѣка англійскій народъ переживаетъ большой парламентскій конфликтъ, восмилѣтнюю гражданскую войну, громадное религіозное движеніе, осужденіе и насильственную смерть короля, учрежденіе республики, пораженіе умѣренныхъ партій, водвореніе крайнихъ партій, военный деспотизмъ великаго человѣка, затѣмъ, онъ видитъ, что кругъ замыкается возвращеніемъ законныхъ принцевъ и размыкается въ послѣдній разъ для династической революціи. Между тѣмъ такія многочисленныя и великія событія оставятъ послѣ себя центръ политической тяжести, какъ и раньше, въ джентри. Бокль пытается доказать, что революція 1648 г. была направлена противъ дворянства, и что она есть дѣло низшихъ классовъ. Его аргументація не сильна. Онъ приводитъ имена нѣ-

---

ними свысока устами своихъ судей. Процедура переноса дѣла въ королевскій судъ, (certiorari) примѣняется ко всѣмъ ихъ дѣйствіямъ безъ исключеній; кромѣ того, уголовная секція звѣздной палаты тотчасъ же ихъ преслѣдуетъ въ случаѣ преступленій по должности, и сама корона смѣщаетъ ихъ, если они не служатъ ей съ вѣрностью. Такимъ образомъ, самоуправленіе еще живучее и уважаемое мелкими демократическими общинами, государственная власть еще неприкосновенная и подозрительная ограничиваютъ ихъ въ двухъ направленіяхъ и предупреждаютъ опасности слишкомъ широкой компетенціи и почти безграничныхъ полномочій. Мы увидимъ, что эти предѣлы будутъ падать или понижаться въ XVIII вѣкѣ. Предвзятое довѣріе, родъ божественнаго аристократическаго права, подчинятъ эти препятствія режиму произвольной власти, устранятъ эти гарантіи, сочтя ихъ излишними.

сколькихъ людей, которые тогда выдѣлились и играли роль. Каждой продолжительной революціи свойственно то, что люди, которымъ нечего терять, стараются вмѣшаться въ нее, успѣваютъ обратить на себя общее вниманіе и доводятъ ее до крайностей, откуда выходитъ реакція, которая ее заканчиваетъ. Эта плавающая пѣна не указываетъ ни на направленіе теченія, ни на свойство воды. Политическое движеніе 1640 г., которое въ своихъ различныхъ стадіяхъ и до 1660 года, считало среди своихъ вождей столь несомнѣнныхъ джентльменовъ какъ Пимъ, Гемпденъ, Кромвель*), Людловъ, Лентгаль, Гутчинсонъ, Вэнъ, конечно не имѣетъ совершенно характера борьбы классовъ. Достовѣрно, напротивъ, то, что высшій классъ раздѣлился на двѣ части и что вначалѣ одна изъ партій послѣдовала за королемъ, а другая за парламентомъ. Это доказываетъ, что распря была въ принципѣ всецѣло политическая и религіозная, и что ни дворянство, ни джентри не видѣли въ ней опасности для своихъ привилегій, ни нападенія на соціальную іерархію, установленную въ ихъ пользу. Мы имѣемъ списокъ ассоціацій, возникшихъ въ восточныхъ графствахъ во время гражданской войны. Всѣ имена, встрѣчающіяся тамъ, сопровождаются титуломъ эсквайра или джентльмена. Не то, чтобы тамъ не было самыхъ мелкихъ собственниковъ и фермеровъ; но они стушевывались передъ своими традиціонными начальниками, вступившими вмѣстѣ съ ними въ борьбу. Въ центрѣ палата лордовъ могла быть уничтожена; позднѣе мѣстное положеніе джентри

*) Этотъ авторъ старательно изыскиваетъ доказательства, что Кромвель былъ сынъ пивовара. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что отецъ Кромвеля варилъ и продавалъ пиво, это не важно. Неоспоримый и рѣшительный фактъ тотъ, что отецъ и сынъ были „Country gentlemen“ старинной вѣтви, родственники Тома са Кромвеля времени Генриха VIII-го, свойственники Гемпдена, Вэлей и нѣсколькихъ другихъ значительныхъ фамилій, См. Carlyle, Hyst. of Cromwell, I, 19 и слѣд.

могло быть поражено случайными мѣрами, ссылкой или конфискаціями. Эти насилія имѣли въ виду не классъ, а лицъ отличавшихся своими политическими и религіозными убѣжденіями. Въ цѣломъ классъ не переставалъ держаться своихъ позицій. Архивы Девонскаго графства сохранили намъ одинъ указъ лордовъ хранителей англійской свободы, которыми назначались мѣстные судьи (magistrates). Этихъ судей стоитъ переименовать. Это Ролли, Дэвисы, Юнги, Фортэски, Дрэки, указывающіе на принадлежность ихъ къ фамиліямъ, которыя стоятъ еще теперь во главѣ мѣстнаго дженгри. Во время господства республики все управленіе графства оставались въ ихъ рукахъ, они занимались имъ во время своихъ трехмѣсячныхъ сессій; они отправляли также правосудіе и, замѣтьте, что въ эту эпоху они могли даже присуждать къ смертной казни. Судебные списки показываютъ намъ, что они назначали суровыя наказанія охотящимся на чужихъ земляхъ (braconnier); наказывали денежной пеней тѣхъ, кто содержалъ охотничьихъ собакъ, не имѣя на то надлежащаго дозволенія; опредѣляли возмездіе и назначали въ случаѣ нужды maximum. Это дѣйствіе привилегированнаго класса, находящагося еще въ полной силѣ и спокойствіи. Пусть попробуютъ ихъ перенести на равныхъ условіяхъ въ одинъ, какой-нибудь, изъ французскихъ департаментовъ въ 1791 году. Этого будетъ достаточно, чтобы показать разницу въ характерѣ обѣихъ революцій. Благодаря этому простому взгляду, брошенному на состояніе мѣстной администраціи въ серединѣ XVII вѣка, мы видимъ, что тогда не было никакого возмущенія противъ установленнаго общественнаго порядка, никакой всеобщей потребности измѣнить распредѣленіе классовыхъ вліяній.

IV.

Юмены.

Во вторую половину XVII вѣка въ Англіи ниже класса джентльменовъ и близко отъ него появляется другой очень сильный и не менѣе оригинальный классъ. Это — юмены. Юмены образуютъ какъ-бы второй живучій и характеристическій элементъ этого земледѣльческаго общества, который даетъ тонъ всей націи. Въ эпоху, когда высшее джентри стремится поглотить остатки феодальнаго дворянства и рѣшительно дѣлается высшимъ классомъ, мелкіе собственники, наслѣдственные арендаторы, пожизненные арендаторы, фригольдеры freeholders, долгосрочные арендаторы, copyholders значительные копигольдеры *) возвышаются въ той же мѣрѣ, и юмены (таково общее названіе, обозначающее ихъ всѣхъ) стремятся занять въ свою очередь мѣсто и положеніе средняго земледѣльческаго класса. Царствованіе Генриха VI обозначило самый высшій пунктъ ихъ возвышенія; они достигаютъ тогда полнаго классоваго самосознанія. Ихъ низшая граница приблизительно можетъ быть опредѣлена избирательнымъ цензомъ въ размѣрѣ фригольда, дающаго 40 шил. ренты (актъ 1450 г.) или по цензу въ 4 фунта, требуемому отъ присяжныхъ судей. Ихъ высшая граница обозначена посредствомъ ценза *magystracy*. Но въ общественномъ смыслѣ, съ этой стороны, нѣтъ опредѣленной границы. Въ 1446 году сочли необходимымъ предписать избирателямъ графства не назначать „valetti“ т. е. юменовъ въ палату общинъ. Это служитъ дока-

*) Copyhold—аренда низшаго порядка, утвержденная и скрѣпленная своего рода давностью.

зательствомъ того, что обычай и мнѣнія, предоставленные сами себѣ, ничуть не считали высшій слой этого класса недостойнымъ парламентскихъ полномочій, доставашихся первоначально рыцарямъ. Фортескю свидѣтельствуетъ съ нѣкотораго рода основаніемъ, что ни въ одной европейской странѣ юмены такъ не многочисленны, какъ въ Англіи; онъ добавляетъ, что нѣтъ такого мѣстечка, гдѣ бы не нашлось рыцаря эсквайра или какого-нибудь богатаго обитателя изъ числа тѣхъ, которыхъ называютъ freeholders (свободные арендаторы) и много юменовъ, имѣющихъ право, благодаря своему земельному достоянію, засѣдать въ судѣ присяжныхъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ есть лица, могущія расходовать до 600 экю ежегодно. Предшествующая богатая номенклатура даетъ почувствовать, сколько было разновидностей и, въ нѣкоторомъ родѣ, ступенекъ, образующихъ едва замѣтную покатость между крупнымъ владѣтелемъ и самымъ скромнымъ арендаторомъ. Фортескю сравниваетъ съ этимъ порядкомъ вещей положеніе континентальныхъ странъ, гдѣ рѣдко можно видѣть другихъ лицъ кромѣ дворянъ, владѣющихъ землей. Гарриссонъ, въ своемъ „описаніи Англіи во время Елисаветы“ [1]) свидѣтельствуетъ о томъ же. Онъ разсказываетъ, что freeholders, получавшіе 40 шил. доходу, жили привольно, въ хорошихъ домахъ, что они содержали трудолюбивыхъ слугъ, отдавали своихъ сыновей въ университеты и въ „inns of court;“ что они, наконецъ, скупали земли обѣднѣвшихъ джентльменовъ и дѣлались сами джентльменами. Въ царствованіе Іакова I Финесъ Морисонъ указываетъ точно-также на людей малообразованныхъ, переселяющихся изъ городовъ и занимающихъ мѣста обремененныхъ долгами эсквайровъ. Въ XV и XVI вѣкѣ разореніе и разграбленіе феодальныхъ фамилій и монашескихъ орденовъ послужило имъ въ пользу, хотя

[1]) Harrison's description of England. Holinsched.

менѣе, чѣмъ джентри, но все-же въ довольно значительной степени. Фермеры въ особенности выиграли, какъ и джентльмены, при преобразованіи земельной культуры. Прекращеніе черезполосныхъ владѣній (in closures) сдѣлало возможной болѣе основательную и болѣе плодотворную эксплоатацію земли. Землевладѣльцы требовали болѣе возвышенной арендной платы, но фермеры не поколебались согласиться на нее и не затруднялись платить ее. Въ царствованіе Тюдоровъ сильная приходская организація беретъ верхъ надъ старой организаціей центурій и декурій. Она подчинена властямъ графства; но юмены находятъ, тѣмъ не менѣе, здѣсь возможность обнаружить независимую и полезную дѣятельность. Какъ на джентльменовъ въ графствѣ, такъ и на нихъ въ приходѣ законъ возлагаетъ почетную и даровую службу на общественныхъ должностяхъ, которыя дѣлаются все многочисленнѣе. Они служатъ странѣ въ качествѣ членовъ vestries, какъ церковные старосты, попечители бѣдныхъ, надзиратели дорогъ, полицейскіе комиссары; они входятъ въ составъ присяжныхъ судей. Въ своемъ званіи они играютъ полезную роль въ государствѣ.

Большое число и благосостояніе мелкихъ землевладѣльцевъ — одна изъ самыхъ замѣтныхъ чертъ физіономіи земледѣльческой Англіи во время царствованія Елисаветы. Во всякомъ случаѣ, лѣтописи и поэмы того времени указываютъ уже на начало аграрнаго соперничества между двумя классами, владѣющими землей. Сначала нападеніе исходитъ не отъ стараго джентри, но со стороны новыхъ собственниковъ, втершихся хитростью, жадныхъ, нагрянувшихъ изъ города въ деревню. Люди, „богатство которыхъ считается со вчерашняго дня“, покупатели монастырскихъ [1]) земель—вотъ люди, къ которымъ относятся упреки. Петиція 1514 года указывала

[1]) См. прошеніе „бѣдныхъ общинъ“ въ 1546 г.

среди нихъ купцовъ (adventurers)[1]), торговцевъ суконами, серебряными вещами, мясниковъ, кожевниковъ и другихъ мастеровыхъ. Эти пришельцы, жаждущіе большого обогащенія, начинаютъ замѣнять трехпольную систему хозяйства болѣе доходной эксплоатаціей земли; они огораживаютъ общія земли и соединяютъ нѣсколько маленькихъ фермъ въ одну, гдѣ они разводятъ множество барановъ. Всюду, гдѣ удается эта спекуляція, трава замѣщаетъ зерновые хлѣба, стада замѣщаютъ людей, мелкія земледѣльческія деревни пустѣютъ и на ихъ развалинахъ зеленые луга разстилаютъ свою зеленую пустыню. Языкъ современниковъ патетическій: „они равняютъ дома съ землею, пишетъ Томасъ Морусъ, вырываютъ, такъ сказать—деревни, какъ вырываютъ растенія, и оставляютъ отъ нихъ только церковь, обращенную въ овчарню“ [2]). Все законодательство Тюдоровъ сохраняетъ отпечатокъ этихъ покушеній; оно изобилуетъ мѣрами, предназначенными уничтожить или предупредить ихъ: запрещеніе сносить сельскохозяйственныя постройки; обязательство вновь строить тѣ, которыя были разрушены съ четвертаго года царствованія Генриха VIII; обязательство прирѣзывать къ этимъ постройкамъ пространство земли достаточное, чтобы обезпечить благосостояніе эксплуатирующаго; обязательство содержать соотвѣтствующее жилище на всякомъ кускѣ земли отъ 30 до 50 акровъ; подобное же обязательство для покупателей прежнихъ монастырскихъ владѣній, плюсъ обязательство культивировать пространство земли, подвергавшейся обработкѣ въ среднемъ 20 лѣтъ; запрещеніе одному лицу имѣть болѣе двухъ тысячъ барановъ. Одинъ

---

[1]) Купцы, называемые adventurers—тѣ, которые вели торговлю черезъ порты, не имѣвшіе права быть складочными мѣстами для товаровъ. (Stalpe).

[2]) Ваши овцы, прибавляетъ онъ, съѣдаютъ и поглощаютъ самихъ людей.

изъ этихъ законовъ былъ озаглавленъ такъ: —„для того, чтобы помѣшать разрушенію земледѣльческихъ селеній и фермъ“. Бэконъ съ авторитетомъ поясняетъ цѣль и значеніе этихъ запрещеній. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы воспрепятствовать уменьшенію населенности королевства, но сохранить большую часть земель въ рукахъ у юменовъ, „у людей, занимающихъ среднее положеніе между джентльменами и жителями коттэджей или крестьянъ“; другими словами, предохранить отъ разрушенія средній земледѣльческій классъ, котораго Бэконъ въ другомъ мѣстѣ выставляетъ, какъ силу арміи и обезпеченіе налога. (*)

Посягательства джентри на землю были съ очень давнихъ поръ. Нужно здѣсь замѣтить, что эти новые люди и часть джентри, которая имъ подражала, не добивались перемѣстить политическое равновѣсіе, устраняя юменовъ; они старались только увеличить доходъ со своихъ владѣній, выгадывая въ задѣльной платѣ, которая значительно вздорожала, и требуя отъ земли только тотъ родъ продуктовъ, который продавался по самой дорогой цѣнѣ. Это были свѣдующіе и алчные агрономы, они не были, какъ два вѣка спустя, честолюбивые искатели власти. Энергическое сопротивленіе законодателя, т. е. короны, поддерживаемой честью джентри, повидимому, было достаточно, чтобы ограничить кругъ ихъ посягательствъ. Достовѣрно то, что юмены составляли еще многочисленный живучій и благоденствующій классъ въ ту эпоху, когда вспыхнула гражданская война. Они, по мнѣнію Вителокка, „вооруженные внутри чистою совѣстью и снаружи желѣзными руками“, побѣдили роялистскую партію. Въ 1663 году, одинъ комментаторъ Фортескю, Ватергаусъ находитъ въ Англіи общество, соотвѣтствующее крупнымъ французскимъ владѣтелямъ, только вызывая отдаленное воспоминаніе о Богунахъ,

(*) Bacon. Hist. of Henry VII, passim.

Биготахъ, причемъ онъ описываетъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ, окруженныхъ трудолюбивыми слугами, которые обогащаются, возвышаются и иногда дѣлаются покупателями крупныхъ помѣстій. Въ концѣ XVII столѣтія двѣ статистики опредѣляютъ обоюдно число юменовъ: 160,000 и 180,000. Согласно съ первой, они пользуются доходомъ въ среднемъ отъ 60 до 70 фунтовъ и составляютъ со своими семьями седьмую часть населенія королевства. Мелкіе собственники были тогда даже болѣе многочисленными, чѣмъ фермеры. Чемберленъ въ своемъ „ State of Great Britain“, напечатанномъ въ то-же время, повторяетъ точь въ точь, что говорилъ Фертескю двумя вѣками ранѣе. „Юмены въ Англіи многочисленнѣе и богаче, чѣмъ въ какой либо странѣ Европы. При наступленіи вѣка революціи, которую я взялся разсказать, этому классу скорѣе угрожаютъ, чѣмъ затрогиваютъ его; онъ представляетъ еще въ націи элементъ экономическій, политическій, соціальный, элементъ, имѣющій большой вѣсъ“. (*)

V. Земледѣльческіе рабочіе.

Наблюдатель полюбопытствовавшій посмотрѣть ниже класса фермеровъ и мелкихъ землевладѣльцевъ былъ-бы прежде всего пораженъ чѣмъ-то въ родѣ законнаго закрѣпощенія, тяготѣвшаго надъ земледѣльческимъ рабочимъ, онъ бы подумалъ, что нашелъ личность, принесенную въ жертву этому блестящему обществу. Одна изъ чертъ феодальнаго міра та, что, внѣ городовъ, человѣкъ имѣетъ значеніе только при томъ условіи, если онъ владѣетъ землей, орудіемъ его силы, ручательствомъ

(*) См. Тауnѣее, это сочиненіе упоминалось выше.

за его дѣйствія. Люди. имѣющіе только свои руки и свое ремесло, считаются безправными; они подчинены произволу высшихъ классовъ; послѣдніе отвѣчаютъ за нихъ. какъ за общественное устройство. которому они, по общепринятому мнѣнію, угрожаютъ.

Въ XIV вѣкѣ, когда эти права опеки ослабѣваютъ, происходитъ большой безпорядокъ, большая смута въ личныхъ и экономическихъ отношеніяхъ; думаютъ, что возможно имъ противодѣйствовать только посредствомъ суровыхъ законовъ. состоящихъ или изъ мелочныхъ регламентацій. или же изъ общихъ и неопредѣленныхъ предписаній. Justices of peace (мирные судьи) назначаются исполнителями тѣхъ и другихъ. Во время Тюдоровъ экспропріируютъ монастыри; послѣдніе патріархально управляли своими землями; лишеніе владѣній. которое растетъ въ силу жадности новыхъ хозяевъ, разогнаніе бѣдняковъ. ютившихся недавно вокругъ монастырскихъ учрежденій. вновь перемѣщаютъ значительную часть низшаго класса и дѣлаютъ необходимымъ новое изданіе законовъ, пересмотрѣнное и дополненное Ричардомъ II. Въ это время мы находимъ, что justices of peace назначаютъ заработную плату. опредѣляютъ цѣну припасовъ. декретируютъ отдачу въ услуженіе и насильственное обученіе ремесламъ. дозволяютъ насильственный наборъ изъ бѣдныхъ классовъ для обработки земли или для жатвы. Число рабочихъ часовъ опредѣлено закономъ. Подать для бѣдныхъ есть дополненіе и представляетъ выкупъ изъ этой крѣпостной зависимости.

Въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ англійскій крестьянинъ. даже бѣднякъ. могъ быть съ тѣхъ поръ самымъ свободнымъ изъ европейцевъ. Въ отношеніи административномъ и полицейскомъ. какъ и въ экономическомъ, классъ, который не владѣлъ землей, былъ нѣкоторымъ образомъ, внѣ законнаго режима; достохвальная англійская свобода не снисходила до такой глубины. Одно изъ любопытныхъ явленій въ исторіи то,

что притѣснительные законы не всегда мѣшаютъ благоденствію класса, на который, повидимому, они давятъ всей своей тяжестью. Полтора вѣка передъ царствованіемъ Елизаветы, англійскій крестьянинъ жилъ въ чрезвычайномъ довольствѣ. Тотчасъ послѣ чумы заработная плата значительно повысилась. Суровые статуты того времени имѣли цѣлью прогрессирующій классъ, который былъ причиной безпорядковъ именно потому, что положеніе его измѣнилось. Законъ предложенія и спроса, который онъ попытался осуществить, долженъ былъ привести въ замѣшательство людей, привыкшихъ къ болѣе прочнымъ отношеніямъ. Бродяги, которыхъ законы того времени преслѣдуютъ и караютъ, очень часто только рабочіе въ поискахъ за болѣе высокимъ заработкомъ. Они получали этотъ заработокъ, общее обогащеніе раскрыло карманы землевладѣльцевъ и фермеровъ. Въ царствованіе Эдуарда IV англійскій крестьянинъ, котораго описываетъ Фортескю*), тепло одѣтъ въ шерстяную одежду; питается рыбой и мясомъ и сидитъ на хлѣбѣ и водѣ только во время эпитиміи. Хозяйственная утварь и орудія для обработки земли изобилуютъ въ его домѣ. Французскій крестьянинъ того-же времени, одѣтый въ холстъ, скудно питающійся ржанымъ хлѣбомъ, рѣдко угощается свинымъ саломъ или же внутренностями и головой животнаго, убитаго для дворянъ. Фортескю находитъ удовольствіе въ этомъ контрастѣ. Писатель — гордецъ, и книга его имѣетъ подозрительный тонъ панегирика. Хотя бы положили, что не всему тамъ можно повѣрить, но все-таки имъ достаточно доказано, чтобы поставить внѣ сомнѣнія завидное положеніе земледѣльческаго рабочаго въ Англіи въ концѣ XV вѣка. Вполнѣ возможно, что это положеніе немного пошатнулось въ XVI вѣкѣ. Несомнѣнно, что оно было выше, чѣмъ по-

*) Fortescue, который цитируется Тэномъ, 1, 117.

ложеніе того-же класса на континентѣ. Одинъ французъ свидѣтельствуетъ, что англійскіе ремесленники зарабатываютъ больше въ одну недѣлю, чѣмъ испанскіе или нѣмецкіе ремесленники въ одинъ мѣсяцъ; онъ удивляется, что плотники и поденщики имѣютъ досугъ и свободныя деньги и находитъ время для игры въ tennis (особая игра въ мячъ). По справедливости, обязательная подать для вспоможенія бѣднымъ доказываетъ, что бѣдняки были многочисленны. Замѣтимъ, однако, что poor law (законъ о бѣдныхъ) того времени не былъ ни признакомъ крайне бѣдственнаго положенія, которое можетъ встрѣтиться у народа, ставшаго жертвой крупной промышленности, ни агентомъ обѣднѣнія и деморализаціи, чѣмъ онъ сдѣлался позднѣе. Помощь была тогда распредѣляема только немощнымъ и неспособнымъ; бѣдные, но здоровые, не имѣютъ тамъ своей доли; ихъ силой обязываютъ работать. Кромѣ того, распредѣленіе дѣлается черезъ приходъ, т. е. черезъ агентство, носящее почти семейный характеръ. Налогъ на бѣдныхъ во время царствованія Елизаветы не имѣетъ ничего общаго съ мѣстнымъ аристократическимъ соціализмомъ, который былъ въ такой силѣ въ XVII вѣкѣ. Гражданское общество наслѣдовало традиціонныя обязанности Церкви относительно бѣдныхъ; каждая мелкая община исполняла ихъ, не производя шума и не дѣлая вопіющихъ злоупотребленій. На-ряду съ подобными себѣ, получавшими помощь, большинство крестьянъ благоденствовало. Въ XVII вѣкѣ, будучи подчинены этой же самой произвольной опекѣ, они живутъ въ коттэджахъ, построенныхъ на общественной землѣ; часто они освобождаются отъ всякой платы за наемъ. Каждый коттэджъ имѣетъ свое небольшое огороженное мѣсто, которое можетъ сдѣлаться садомъ или огородомъ. За ограничивающимъ его заборомъ начинается общественная земля; можно пустить туда пастись корову, свинью, нѣсколько цыплятъ. Часто также рабочій живетъ на фермѣ; мелкіе фермеры много-

численны, рабочій ѣстъ за ихъ столомъ и болѣе или менѣе принимаетъ участіе въ ихъ семейной жизни. Въ началѣ XVII вѣка заработная плата земледѣльцевъ абсолютно и относительно гораздо выше, чѣмъ было раньше. Употребленіе пшеничнаго хлѣба — всеобщее. Сельскій рабочій питается сыромъ и даже говядиной. Это его золотой вѣкъ. Можно будетъ видѣть, что при наступленіи 1800 года и въ слѣдующіе 40 лѣтъ его положеніе чувствительно пошатнется. Не ошибемся въ этомъ. Страшная нищета, на которую указываютъ изслѣдованія того времени, вовсе не остатокъ стараго притѣснительнаго порядка, — это недавнее слѣдствіе аграрной революціи, происшедшей въ XVII вѣкѣ.

Я резюмирую все предшествующее. Въ 1700 году земледѣльческая Англія составляетъ еще всю Англію; она беретъ перевѣсъ надъ промышленнымъ и коммерческимъ міромъ числомъ, богатствомъ, оказанными услугами; она превосходитъ его въ отношеніи нравственнаго авторитета и въ навыкѣ распоряжаться, присущемъ ея правительствующему классу. Этотъ классъ, джентри, не представляетъ ни въ какой степени феодальнаго характера; представляетъ даже противуположныя черты; онъ уже по существу новѣйшій. Главная черта англійскаго народа этого времени та, что разстоянія между слоями соціальной іерархіи коротки: классы идутъ, такъ близко находясь другъ отъ друга, что, кажется, иногда они сливаются. Въ XV вѣкѣ джентри соединилось съ перствомъ и поглотило его; оно увеличилось со стороны разбогатѣвшими купцами, высшими городскими должностными лицами, самыми значительными юристами; такимъ образомъ оно увлекаетъ съ собой высшихъ представителей города, коммерческихъ и промышленныхъ дѣятелей. Ниже, процессія продолжается безъ перерыва черезъ юменовъ. Значительный скачекъ только въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются за послѣдними юменами низшіе, такъ сказать, неорганическіе слои общества, но и тамъ дѣленіе было

гораздо менѣе рѣзкое, чѣмъ въ настоящее время. Если самые значительные изъ мелкихъ freeholders прилегаютъ къ джентри, самые скромные почти касаются и сливаются, въ нѣкоторомъ родѣ, съ рабочимъ, состоящимъ на жалованьѣ. Они обыкновенно дѣлаютъ его участникомъ своей семейной жизни. Пастухъ, землепашецъ живутъ на фермѣ; промышленные рабочіе живутъ вблизи отъ своихъ хозяевъ въ маленькихъ каттэджахъ, построенныхъ на общественной землѣ. Въ обществѣ прогрессирующемъ сила и вліяніе высшихъ классовъ, ихъ сопротивленіе разрушительнымъ началамъ тѣмъ болѣе обезпечены, чѣмъ менѣе глубоко отдѣленъ каждый изъ нихъ отъ слѣдующаго за нимъ класса и чѣмъ скопляются на неопредѣленной границѣ элементы, готовые черезъ нее перешагнуть. Это ненадежное межеваніе приводитъ въ безпорядокъ классовые интересы; они не достигаютъ полнаго взаимнаго пониманія; они не стремятся уединиться, замкнуться и окопаться; они не глядятъ другъ на друга издали какъ на враговъ. Однородность и связь, безпрерывность и постепенность — вотъ ясно обозначенныя черты тогдашняго англійскаго общества. Нѣтъ болѣе вѣрныхъ гарантій соціальной гармоніи, и я показалъ, что на самомъ дѣлѣ эта гармонія не была ни разу глубоко нарушена самыми сильными политическими и религіозными волненіями.

Вотъ, что уничтожилъ XVIII вѣкъ; въ концѣ столѣтія все измѣнилось. Повсюду глубокія дѣленія на классы, пламенныя противорѣчія интересовъ обнаруживаются, какъ трещины на землѣ, глухо подрываютъ соціальный міръ и приготовляютъ день, когда предстанетъ въ грозномъ обликѣ задача громадной перестройки. Попробуемъ разобраться въ причинахъ и указать на стадіи этого разложенія и разрушенія.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Промышленная и земельная революція и олигархическое правленіе въ XVIII вѣкѣ.

I.

Латифундіи. Исчезновеніе юменовъ.

Превращеніе открытой для всѣхъ и либеральной аристократій въ тираническую олигархію, вотъ первый фактъ, который нужно отмѣтить. Въ 1660 году, послѣ возвращенія Карла II, положеніе джентри было возстановлено и укрѣплено законами и мѣропріятіями, возвращавшими имъ потерянное—это само собой разумѣлось. Событія 1688 года не противодѣйствовали этому результату реставраціи абсолютизма. Революція, которая возвела на тронъ Вильгельма III, не имѣетъ признаковъ сколько-нибудь значительнаго, соціональнаго и народнаго движенія, ни даже широкаго національнаго движенія. Это—дѣло даже не сельской аристократіи, дѣйствующей цѣлымъ обществомъ, но коалиціи крупныхъ властителей, опасающихся за свою жизнь и играющихъ въ руку своимъ интересамъ. Эта олигархія конспираторовъ, благодаря счастливой случайности, нашла въ законномъ государѣ особенное искусство измѣнять самому себѣ,—въ своемъ первомъ импровизированномъ королѣ высшія дарованія,—въ націи разочарованный индифферентизмъ и бездѣйствіе, которые слѣдуютъ за сильными волненіями. Средніе и низшіе

классы ничего не ждали для самихъ себя отъ этой перемѣны, явившейся какъ бы неожиданно, имъ нечего было отъ нея получить. Въ соціальномъ, политическомъ, административномъ отношеніяхъ перевѣсъ, бывшій на сторонѣ сельскаго джентри до 1640 года, остается неприкосновеннымъ тотчасъ послѣ 1688 года. Въ это время, напротивъ, начинаетъ ускоряться превращеніе въ аристократическомъ духѣ, бывшее съ давнихъ поръ въ зародышѣ у джентльменовъ.

Джентри поглотило двумя вѣками ранѣе остатки старинаго дворянства и образовало одинъ высшій, незамкнутый классъ, поддерживаемый и безпрестанно пополняемый многочисленнымъ и восходящимъ среднимъ классомъ свободныхъ мелкихъ собственниковъ. Мало-по-малу, онъ собирается съ силами и уходитъ въ самого себя, отбрасываетъ самые слабые свои элементы и элементы, принадлежащіе соціальнымъ слоямъ, непосредственно низшимъ, уравниваетъ и очищаетъ, такъ сказать, свои окрестности и замыкается, наконецъ, въ ту надменную аристократію, на которую наткнулась французская революція. Аграрный переворотъ—орудіе этой соціальной и политической перемѣны. Два факта ее резюмируютъ: средній земледѣльческій классъ исчезаетъ, монополія земли концентрируется и увеличивается. Это противно тому соціальному режиму, который создалъ превосходство Англіи въ среднихъ вѣкахъ. Здѣсь также встрѣчается родъ историческаго парадокса. Мы привыкли смотрѣть, какъ на законъ исторіи, что всякая аристократія, которая начала терять свою форму и свое первоначальное состояніе, не останавливается въ этой эволюціи и стремится безостановочно раствориться въ демократіи. Англія, вопреки обыкновенному опыту, представляетъ тотъ рѣдкій случай, когда народъ, относительно придерживающійся демократическихъ началъ, на извѣстное время возрождаетъ или даетъ возродиться олигархіи.

Два обстоятельства способствовали ускоренію этого

переворота: перевѣсъ палаты общинъ, который устанавливается съ 1700 по 1750 годъ, и великія механическія изобрѣтенія въ концѣ XVIII столѣтія. Оба увеличили силу нападеній, направленныхъ противъ средняго земледѣльческаго класса, вторая уменьшила энергію и упорство сопротивленія. Во время Вальполя парламентъ рѣшительно считается дѣйствительнымъ мѣстопребываніемъ власти; палата общинъ, если не созидаетъ и не упраздняетъ министерствъ, то, по меньшей мѣрѣ, оказываетъ сильное воздѣйствіе на министровъ и караетъ ихъ, она распоряжается косвеннымъ образомъ мѣстами и почестями. Семилѣтній срокъ, котораго палата добилась въ 1716 году, дѣлаетъ ее менѣе зависимою отъ общественнаго мнѣнія и способною къ болѣе твердой и сильной политикѣ, къ шагамъ болѣе послѣдовательнымъ и къ болѣе продолжительной дѣятельности въ одномъ и томъ же направленіи. Палата стремится сдѣлаться основаніемъ управленія. Естественно честолюбіе—сдѣлаться ея главою. Средство къ тому — завладѣть избирательными коллегіями, устранить оттуда, насколько возможно, независимыхъ избирателей, допускать туда тѣхъ, кого можно легко устрашить или подкупить. Крупные владѣтели виги и тори, эсквайры легитимисты, колоніальные богачи, временщики торговли и нарождающейся промышленности, одинъ передъ другимъ, принимаются за работу и ускоряютъ съ усердіемъ работу экспропріаціи земли *). Они прилагаютъ свои усилія, чтобы отнять землю у мелкихъ свободныхъ арендаторовъ, принудить ихъ эмигрировать въ города или колоніи. Въ 1727 году Лоренцъ рекомендовалъ управляющимъ зорко слѣдить за землями, находящимися рядомъ съ землями ихъ хозяевъ и пользоваться всѣми средствами, чтобы побу-

*) Законъ 1711 года, который дѣлаетъ возвышенный земельный цензъ условіемъ избираемости въ палату общинъ, характеризуетъ направленіе и способствуетъ его укрѣпленію. См. далѣе.

дить мелкихъ собственниковъ къ продажѣ. Вотъ примѣръ обдуманнаго твердаго намѣренія экспропріировать, вотъ также доказательство того, что ликвидація незначительныхъ владѣній не была еще очень развита. Въ послѣднюю четверть XVIII вѣка предпріятіе, которое велось до тѣхъ поръ нѣсколько вяло, дѣлается болѣе привлекательнымъ, соблазнъ—болѣе сильнымъ, усилія и успѣхи—болѣе послѣдовательными. Въ періодъ отъ 1750 до 1780 создалась крупная промышленность. Нужно прокормить въ городахъ громадное скопленіе народа, которое порождается ею. Это дѣло обѣщаетъ значительные доходы производителямъ хлѣба и мяса. Сельское дженгри предчувствуетъ или предвидитъ высшую продуктивность искусственнной эксплоатаціи, приложенной къ громаднымъ пространствамъ земли и оплодотворенной широкимъ наплывомъ капиталовъ. Оно бросается съ удвоеннымъ увлеченіемъ занимать и завоевывать земли. Таже промышленная революція тревожитъ и разсѣиваетъ передъ нимъ его противниковъ. Приблизительно до 1760 года юменъ находилъ болѣе или менѣе въ своемъ собственномъ инстинктѣ самохраненія силу разрушать ковы и противиться нападеніямъ. Уступивъ свое маленькое хозяйство, онъ слишкомъ рисковалъ лишиться необходимаго. Никакого другого, сколько нибудь широкаго пути, не открывалось передъ нимъ. Колонизація, торговля, промышленность не были еще достаточно развиты, доступъ къ нимъ не былъ еще достаточно легкимъ, чтобы онъ могъ видѣть въ этомъ исходъ и вознагражденіе за перемѣну состоянія. Въ царствованіе Карла II Англія связываетъ свои американскія владѣнія путемъ безпрерывнаго захвата берега. Съ 1740 до 1763 года она присоединяетъ къ своей колоніальной имперіи самыя лучшія части колоніальной Франціи. Огромное поприще открывается для эмиграціи. Эмигранты—болѣе не авантюристы, какъ въ предшествовавшемъ вѣкѣ, въ поискахъ за золотомъ и за пряностями; это земледѣльцы, которые

ищутъ удобныхъ земель, чтобы привести ихъ въ цвѣтущее состояніе. Мелкій собственникъ, вознагражденный за потерю земли, увѣренъ найти на этихъ отдаленныхъ берегахъ свободную жизнь, плодотворное приложеніе своей дѣятельности и своихъ капиталовъ. Немного позднѣе крупная городская мануфактура приманиваетъ его своими богатыми барышами; она косвеннымъ образомъ ослабляетъ его сопротивленіе экспропріаціи; онъ теперь внимательно прислушивается къ предложеніямъ, поддается убѣжденіямъ, подписываетъ, наконецъ, контрактъ о продажѣ.

Этотъ родъ второго похода джентри за завоеваніемъ земли послѣ 1760 года даетъ себя чувствовать въ тысячѣ случаевъ.

Прежде всего, присвоенія общественныхъ земель или земель подъ паромъ умножаются, акты о вводѣ во владѣніе относились, круглымъ числомъ, къ 335000 акрамъ отъ 1710 до 1760 года. Между 1760 и 1843, въ двойной періодъ, они относятся къ пространству, увеличенному болѣе, чѣмъ въ 20 разъ, приблизительно къ 7 милліонамъ акровъ, почти къ одной трети обработываемой поверхности *). Затѣмъ, преимущественно крупный эсквайръ получаетъ выгоду отъ этого пріобрѣтенія частной собственности, онъ часто единственный и всегда богатый покупатель. Его адвокатъ пишетъ билль о вводѣ во владѣніе, его перы вотируютъ этотъ билль въ парламентѣ, его управляющій приводитъ послѣдній въ исполненіе, онъ покупаетъ, въ случаѣ надобности, нѣсколькими скудными подачками голоса жителей, имѣющихъ только свои дома. Мелкіе freeholders, будучи обижены,— беззащитны, чтобы возбудить противъ него процессъ, который бы ихъ разорилъ; они подчиняются. Самые скромные увеличивали прибыль отъ обработки земли доходомъ отъ небольшого семейнаго промысла. Этотъ источ-

*) Shaw Lefevre, Essays on land question, стр. 199.

никъ былъ у нихъ отнятъ конкурренціей городской промышленности. Ткацкое ремесло пріостанавливается, окошко, пробитое въ лучшіе дни въ стѣнѣ коттэджа, чтобы освѣщать работу ткача, показываетъ этотъ неподвижный остовъ. Успѣхи агрономіи и преобразованіе культуры земли—не менѣе гибельны для юменовъ. Очень обыкновенное слѣдствіе—исчезновеніе мелкихъ фермъ; ихъ соединяютъ для крупныхъ эксплоатацій. Въ 1795 году Эденъ *) находитъ двѣ фермы тамъ, гдѣ прежде ихъ было тридцать, Коббетъ въ 1826 году **) находитъ одну тамъ, гдѣ ихъ было 14. Многіе мелкіе арендаторы, дружески жившіе со своими рабочими попадаютъ въ разрядъ рабочихъ на жалованьи, тогда какъ крупный фермеръ, вступившій въ рангъ капиталистовъ, эксплоатируетъ землю и людей, сообразно съ пріемами промышленнаго міра, и играетъ болѣе значительную роль, чѣмъ скромные свободные землевладѣльцы, которые удержались возлѣ него. Въ XV вѣкѣ слово юменъ означало этихъ собственниковъ и значительныхъ фермеровъ всѣхъ вмѣстѣ. Въ XVIII вѣкѣ, напротивъ, слово farmers обозначаетъ тѣхъ и другихъ, перевѣшивающая часть класса даетъ свое названіе цѣлому классу и клеймитъ его, такъ сказать, тѣмъ же знакомъ подчиненности и зависимости по отношенію къ джентри.

На этой территоріи большихъ фермъ тщательно уничтожаютъ старыя сельскохозяйственныя постройки, сдѣлавшіяся безполезными; разрушаютъ коттеджи, пристанище кочующихъ рабочихъ, которыхъ могла постигнуть нищета и сдѣлать обузой для прихода. Стихи Гольшмидта описываютъ въ хватающихъ за душу выраженіяхъ эту трагическую развязку одного поколѣнія людей и разрушеніе ихъ очаговъ. ***) Вмѣсто прежнихъ населен-

*) Eden, state of the poor, II, 147.
**) Cobbett, Rural rides, стр. 579.
***) Goldschmidt, Le village abandonné.

ныхъ и оживленныхъ деревень, гдѣ онъ находилъ сбытъ для своихъ продуктовъ, жители бѣжали въ города; паденіе домашняго промысла принудило ихъ искать пропитанія въ другомъ мѣстѣ. Его нравственное и соціальное одиночество не менѣе тягостно. Мы увидимъ далѣе, какъ его поле повседневной дѣятельности закрылось, благодаря паденію общиннаго самоуправленія. Богатые фермеры, его сосѣди,—агрономы и спекуляторы, ведущіе при помощи денегъ интенсивное хозяйство; они не говорятъ болѣе тѣмъ же языкомъ, какимъ говоритъ онъ; онъ не находитъ у нихъ своихъ привычекъ, своихъ наслѣдственныхъ предразсудковъ. Лорды и крупные эсквайры еще болѣе чужды ему. Политическая привилегія сузилась и не принимаетъ на общественныя должности эту высшую часть класса мелкихъ собственниковъ, которые привыкли имѣть на нихъ притязанія. Конецъ XVII вѣка и начало XVIII ознаменованы законами, повышающими земельный цензъ, и распространяющими его на должности, которыя были раньше доступны для всѣхъ. Избираемость въ палату общинъ, напримѣръ, была ограничена только вполнѣ вѣжливымъ увѣщаніемъ назначать людей «de substance», съ положеніемъ. Статутъ королевы Анны 1711 года требуетъ поземельнаго дохода 600 фунтовъ для представителей графствъ и 300 фунтовъ поземельнаго дохода для представителей мѣстечекъ. Хотѣли, въ особенности, устранить купцовъ и промышленниковъ; ихъ движимое богатство, какъ-бы ни было значительно, не давало имъ правъ. Но исключеніе поражало не менѣе рѣшительно лучшіе элементы юменовъ. Поземельный доходъ, требовавшійся отъ justices of peace, равнялся 40 фунтамъ; онъ былъ доведенъ до 100 фунтовъ (5 и 18, Георгъ III). Лорды, сыновья или наслѣдники лордовъ, старшіе сыновья или наслѣдники землевладѣльцевъ, получающихъ 600 фунтовъ ренты, назначаются безъ всякаго личнаго ценза. По актамъ Георга III комиссары милиціи (deputy lieutenants) назна-

чаются лордомъ-намѣстникомъ графства изъ лицъ, имѣющихъ по крайней мѣрѣ 200 фунтовъ поземельной ренты. Высшіе офицеры этой милиціи могутъ быть выбираемы только изъ высшаго джентри; цензъ для полковника, напримѣръ, 1000 фунтовъ поземельной ренты, для подполковниковъ 600 фунтовъ. (*) Также право ружейной охоты, которое было даровано землевладѣльцамъ, получающимъ отъ 10 до 30 фунтовъ ренты (законъ Іакова I), теперь предоставлено собственникамъ, имѣющимъ отъ 100 до 150 фунтовъ поземельной ренты (законъ Карла II). Всѣ эти законы суть также мѣры, лишающія правъ; они клонятся къ уничтоженію и уменьшенію выгодъ и удовольствій, связанныхъ съ обладаніемъ скромнымъ деревенскимъ помѣстьемъ. Право охоты есть одно изъ тѣхъ правъ, которыя наиболѣе способствовали тому, чтобы сдѣлать чувствительнымъ и оскорбительнымъ раздѣленіе двухъ классовъ, несноснымъ и ненадежнымъ положеніе мелкихъ собственниковъ. Повышенный цензъ, опредѣленный законодателемъ XVIII вѣка, создаетъ изъ него исключительную привилегію лорда и эсквайра. Юменъ съ прискорбіемъ видитъ, что самая большая привлекательность его деревенской жизни изъята изъ его существованія и такъ уже безцвѣтнаго; видъ всѣхъ этихъ джентльменовъ коротко сближающихся на однѣхъ и тѣхъ же сельскихъ забавахъ, даетъ ему болѣе жестоко почувствовать свое одиночество и подчиненность своего положенія; это выключенный изъ класса. Обѣднѣвши, кромѣ того, черезъ конкурренцію съ крупнымъ хозяйствомъ, пожираемый дичью, за которою онъ не имѣетъ право охотиться, поддразниваемый, притѣсняемый, преслѣдуемый угрозами управляющаго эсквайра, начать тяжбу, прельщенный высокими цѣнами, которыя ему пред-

*) Преобразованіе милиціи на этомъ аристократическомъ основаніи считается съ первыхъ годовъ царствованія Карла II (13 ст. 6—13 и 14 ст. 3—15 ст. 4). Это основаніе было сужено еще болѣе въ XV вѣкѣ.

лагаютъ за его землю, или-же, притягиваемый къ городу примѣрами быстраго обогащенія, которые все умножаются: онъ уступаетъ столькимъ силамъ, которыя толкаютъ его по одному и тому же направленію, онъ сбываетъ съ рукъ свое имѣніе. Изгородь падаетъ и огромные выгоны простираютъ свое угрюмое однообразіе на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ его домъ. (*)

Въ продолженіе всего конца XVIII столѣтія уменьшался такимъ образомъ средній земледѣльческій классъ. Послѣдній ударъ былъ нанесенъ ему Ватерлоо. Война съ французской революціей и Наполеономъ поддержала на нѣкоторое время юмена: это было время очень возвышенныхъ цѣнъ на земельные продукты; но это самое вздорожаніе побуждало всѣхъ деревенскихъ собственниковъ къ издержкамъ, къ жизни на болѣе широкую ногу, къ займамъ, чтобы поднять доходность земли. Паденіе цѣнъ, которое слѣдуетъ за миромъ, и которое усиливается вслѣдствіе уничтоженія принудительнаго курса, застаетъ врасплохъ большую часть юменовъ; они обременены долгами и продаютъ, чтобы разсчитаться съ ними. Послѣдніе года Георга III могутъ быть разсматриваемы, какъ крайній пунктъ ихъ униженія. То, что составляло силу и опору государства въ средніе вѣка,— средній земледѣльческій классъ,—погибло.

Достаточно трехъ цифръ, чтобы объяснить и резюмировать эту аграрную революцію. Еще теперь $^2/_3$ Англіи и Валлиса принадлежатъ 10,204 лицамъ, $^2/_3$ Шотландіи 330 лицамъ, $^2/_3$ Ирландіи 1942 лицамъ. (См. Brodrick, English land und landlords, 2-я часть, гл. III.) „Нѣтъ возможности слѣдовать, шагъ за шагомъ, за ходомъ этой аграрной революціи, но немаловажно точно обозначить ея конечное слѣдствіе, которое, въ свою очередь, сдѣ-

(1) Югъ Англіи погруженъ въ такое безмолвіе, какого нельзя найти ни въ какой мѣстности Европы со столь же плодородными землями. Въ этой прелестной странѣ я часто проѣзжалъ цѣлыя мили, не встрѣчая человѣческой фигуры. (A. Arnoed, рѣчь о „landreform“. 7 авг. 1885 г.)

лалось причиной. Въ концѣ послѣдняго вѣка ходячая и общепринятая цифра земельныхъ собственниковъ въ Англіи и Валлисѣ равнялась 200000; въ 1861 году статистика, которая велась легкомысленно и была смѣло истолкована, внушила довѣріе къ показанію что число землевладѣльцевъ упало съ 200,000 почти до 30,000. Это послѣднее вычисленіе было оспариваемо и, такъ какъ для рѣшенія недоставало положительныхъ данныхъ, то согласились просить правительство о назначеніи общей народной переписи. Результаты этого вычисленія были предоставлены обществу въ 1875 году. Если принять во вниманіе только валовыя цифры, то выходитъ, что территорія Англіи и Валлиса, кромѣ столицы, была раздѣлена между 975,836 собственниками. Итогъ, почти около милліона, былъ значительный и позволялъ думать, что земельная собственность, далеко не концентрируясь съ начала столѣтія, чрезвычайно раздѣлилась и раздробилась. Болѣе внимательное изслѣдованіе показало, что это заключеніе не оправдывалось.

Прежде всего, догадались, что изъ перечисленныхъ лицъ, только 270000 (круглая цифра) владѣли болѣе, чѣмъ однимъ акромъ, и что изъ 33,013,514 акровъ, внесенныхъ въ перепись, почти все, 32,862,343 акра, распредѣлялось между ними. Оставалось на 700,000 другихъ лицъ, внесенныхъ въ списки, только 151,000 акровъ, или приблизительно по 0,2 акра на душу. Было очевидно, что на столь мелкихъ участкахъ не могло держаться сельское хозяйство. Не было мѣста сомнѣнію, когда разсчетъ показалъ, что каждый акръ этой категоріи приносилъ, въ среднемъ, 200 фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ, въ общемъ, средній доходъ съ акра равнялся 2 фунтамъ. Очевидно, рѣчь шла не о сельскихъ собственникахъ, но о владѣльцахъ городскихъ или пригородныхъ участковъ, отдаваемыхъ въ наймы за дорогую плату. Всѣ города, исключая Лондона, вошли въ перепись. Нѣсколько вычисленій показали, что подобна-

го рода разсчетъ долженъ быть приложенъ къ 122,000 собственниковъ, владѣющихъ отъ 1 до 10 акровъ; имъ принадлежало только 478,679 акровъ, менѣе, чѣмъ по четыре акра, на человѣка. Очевидно, среди этихъ участковъ отъ $^1/_2$ до 4 гектаровъ было много земли, примѣненной къ нуждамъ промышленности: для складовъ товаровъ, для садовъ, plasureg rounds и т. д. Нельзя было ихъ, ни подъ какимъ видомъ, отнести въ счетъ сельскохозяйственныхъ земель. Процентъ доходности обнаруживалъ, кромѣ того, полугородской характеръ этихъ владѣній. Вся рента съ нихъ, менѣе чемъ 500,000 акровъ, была выше, чѣмъ съ 3,317,000 акровъ; эти послѣдніе, безспорно, относились къ сельскохозяйственнымъ землямъ, они образовали имѣнія отъ 500 до 1000 акровъ. Если принять во вниманіе, что цехи и ихъ владѣнія должно также взять отдѣльно; если прибавить къ этому исключенію то, что многія цифры повторялись по два раза, и что смѣшивали фермеровъ на долгосрочной арендѣ съ землевладѣльцами:—то вновь можно придти къ цифрѣ, которая не превосходитъ 150000 собственниковъ для поверхности земли, равной немногимъ менѣе $^1/_3$ Франціи (150000 кв. километровъ на 528000 к. к.) и для народонаселенія равнаго 70% населенія Франціи (26 милл. на 37,5 милл.) Одинъ сельскій собственникъ приходится на 1 кв. километръ и на 112 жителей. Трудно разсудить, понижалось ли съ 1830 года отношеніе числа сельскихъ собственниковъ ко всему количеству населенія или повышалось. Но разница этого отношенія сравнительно съ настоящимъ не можетъ быть очень значительной, и можно, во всякомъ случаѣ, считать доказаннымъ, что отношенія между концомъ XVI вѣка и первой третью XIX, упало съ 6 на 1.

II.

Гражданскія, государственныя, экономическія привилегіи.

Теперь можно предвидѣть эту олигархію собственниковъ, которые дѣлятъ между собой территорію. Можно замѣтить этотъ длинный рядъ латифундій, не прерываемый никакимъ мелкимъ владѣніемъ, и на этой безконечной поверхности затерянные, какъ острова въ морѣ, города, сосредоточивающіе въ себѣ все болѣе и болѣе остальное населеніе и богатство. Джентри, очень естественно, было озабочено упрочить за одной и той же фамиліей безсрочное обладаніе латифундіями, источникомъ его богатства и основой его власти, путемъ всецѣлой передачи собственности одному лицу изъ рода въ родъ. Право старшинства есть обычай common law для земельной собственности въ случаѣ наслѣдованій безъ завѣщанія ab intestato. Но свобода отчуждать признана за владѣльцемъ, и свобода завѣщать существуетъ подъ однимъ частнымъ ограниченіемъ, которое не замедлитъ исчезнуть. Въ началѣ XVII в. законъ оставляетъ родовое имѣніе безъ защиты отъ всевозможныхъ разрушительныхъ вліяній. Фамильныя распоряженія, извѣстныя подъ названіемъ „settlements“, замѣняютъ пробѣлъ въ законѣ. Во время гражданской войны изобрѣтательность одного легиста, Орландо Бриджмана, сразу доводитъ этотъ пріемъ до совершенства, и все высшее джентри принимаетъ его въ интересахъ класса. Съ тѣхъ поръ этотъ обычай держался съ замѣчательнымъ упорствомъ. По смыслу этихъ „settlements“, наслѣдникъ земли отказывается впередъ отъ полноты права собственности, которое онъ долженъ получить. Онъ принимаетъ положеніе душеприказчика, по отношенію къ своему старшему

сыну, напримѣръ, который еще не родился. Слѣдовательно, онъ не можетъ ни завѣщать, ни отчуждать, ни закладывать, ни даже отдавать внаймы на срокъ, большій его собственной жизни, землю, которую онъ обязанъ передать нетронутой и свободной наслѣднику. Такимъ образомъ благодаря этому раздѣленію правъ собственности, latifundium становится нѣкоторымъ образомъ непередаваемымъ и неприкосновеннымъ. Правда, наслѣдникъ, когда земля перейдетъ къ нему, получитъ снова полное право собственности и можетъ законнымъ образомъ отчуждать. Но и противъ этого принимаютъ предупредительныя мѣры. Въ данный моментъ онъ не имѣетъ права ни на какую часть дохода. Когда онъ достигаетъ возраста въ которомъ надо быть обезпеченнымъ, именно во время своей женитьбы, его подвергаютъ сильному искушенію. Отъ него легко добиться въ этихъ обстоятельствахъ чтобы онъ отказался отъ отдаленныхъ выгодъ взамѣнъ настоящихъ напр., пенсіи или приданаго, и чтобы онъ въ свою очередь взялъ на себя роль душеприкащика по отношенію къ своему сыну, родившемуся или неродившемуся. Такимъ образомъ право располагать родовымъ помѣстьемъ постоянно передается слѣдующему поколѣнію, и это помѣстье остается почти неотъемлемымъ въ рукахъ послѣдовательныхъ пожизненныхъ владѣльцевъ. По даннымъ, собраннымъ въ одномъ парламентскомъ изслѣдованіи, владѣнія, подчиненныя режиму наслѣдованія и фактически неотчуждаемыя, занимаютъ теперь еще болѣе двухъ третей земли въ Англіи и Шотландіи *). Это положеніе вещей, надо замѣтить, не есть слѣдствіе закона. Парламентъ и въ особенности суды относились враждебно къ безпрерывнымъ субституціямъ. Послѣдніе энергически поддерживали принципъ, что воля завѣщателя дѣйствительна только въ томъ случаѣ, если она простирается не далѣе жизни одного или нѣсколь-

*) Brodrick, стр. 100.

кихъ живущихъ лицъ, а также, если оно имѣетъ въ виду жизнь лица неродившагося до достиженія имъ двадцати одного года. Съ помощью этой ограниченной закономъ субституціи, которая обнимаетъ maximum около 80 лѣтъ, глубокій замыселъ, созданный въ концѣ XVIII в. сословнымъ духомъ и, поддерживаемый постояннымъ согласіемъ послѣдовательныхъ поколѣній, привилъ принципъ безпрерывнаго условнаго наслѣдованія, и въ новѣйшее время практически возродилось то феодальное „de donis conditionalibus“, которое средніе вѣка обходили такъ искусно, и которое рѣшительно пало вслѣдствіе законовъ Тюдоровъ.

Нѣкоторые высшіе сановники могутъ пренебрегать гражданскими и фискальными привилегіями, льготами экономическаго свойства. Пользованіе политической властью и ея преимущества дѣлаютъ ихъ равнодушными къ этимъ выгодамъ низшаго свойства. Многочисленный классъ, главари котораго участвуютъ въ управленіи, рѣдко отказывается отъ этого облегченія обязанностей, этихъ средствъ къ обогащенію. Джентри не избѣжало этой слабости. Во Франціи общее мнѣніе съ 1789 г., что Англія всегда была страной привилегій. Если посмотрѣть только на перство и сравнить его съ другимъ дворянствомъ, то увѣреніе неосновательно; оно оправдывается въ широкой степени, если обратиться къ цѣлому классу земельныхъ собственниковъ, особенно въ концѣ XVIII в. Замѣчательный признакъ, что нигдѣ режимъ земельной собственности и режимъ движимой собственности не сохранились болѣе различными, болѣе противоположными другъ другу, даже послѣ того, какъ второго рода богатство безмѣрно увеличилось и стало представлять не только добавокъ или излишекъ, которымъ можно распоряжаться, но составную, постоянную часть всѣхъ родовыхъ имѣній. Интересъ классовъ взялъ верхъ надъ силой вещей, помѣшалъ сближенію двухъ законныхъ ре-

жимовъ, и земельная собственность сохранила все покровительство закона.

Пристрастіе законодателя даже увеличилось въ XVIII в., что можно было ожидать. До 1832 г. онъ не перестаетъ защищать противъ нападеній, укрѣплять, увеличивать гражданскія, фискальныя, экономическія привилегіи земли. Гражданскія привилегіи: уже видѣли, что право первородства было ab intestat правиломъ для земельныхъ имуществъ, между тѣмъ какъ дѣленіе на равныя части было правиломъ для движимыхъ имуществъ. Точныя субституціи XVIII в. могутъ прилагаться къ владѣніямъ обоего рода; онѣ стремятся въ особенности гарантировать противъ капризнаго или расточительнаго собственника неприкосновенность земельныхъ владѣній. На помѣстья, подчиненныя субституціей, кредиторъ не имѣетъ никакого права. Не болѣе права имѣетъ онъ и на помѣстья, оставшіяся свободными; ни въ какомъ случаѣ онъ не можетъ продать ихъ; онъ можетъ только пользоваться частью доходовъ до погашенія долга. Привилегіи фискальныя не менѣе значительны. Одно изъ недовольствъ современной радикальной партіи состоитъ въ томъ, что въ эпоху уничтоженія повинностей, лежавшихъ на рыцарскихъ ленахъ, другими словами, на извѣстной категоріи земельныхъ владѣній, прибѣгли, чтобы покрыть убытокъ королевской казны, къ акцизному налогу, который оплачивается всѣмъ народомъ. Обвиненіе плохо обосновано только съ одной стороны. Снисхожденіе, оказываемое землѣ, было также очевидно при утвержденіи land taxs въ 1692 г. Этотъ налогъ, взимавшійся сначала по различнымъ оцѣнкамъ, получилъ наконецъ въ 1798 г. опредѣленные, повидимому значительные, размѣры, въ 4 шиллинга съ фунта; но съ самаго начала на него не переставали смотрѣть, какъ на шуточное основаніе оцѣнки въ царствованіе Эдуарда I. Движимыя наслѣдственныя имущества подвержены такъ называемому налогу de probate или административному

праву (провѣркѣ и засвидѣтельствованію завѣщанія въ судѣ или назначенію судебныхъ душеприкащиковъ). Земля уволена отъ него. Въ 1780 г. Питтъ установилъ, кромѣ налога de probate, налоги на наслѣдство. Въ этомъ случаѣ также земельныя владѣнія остаются въ сторонѣ; законъ забываетъ ихъ. Даже въ 1853 г., когда падетъ это изъятіе, налогъ на земельныя владѣнія будетъ считаться какъ бы пожизненной обязанностью, смотря по возрасту наслѣдника, и можетъ быть выплаченъ въ 8 пріемовъ, черезъ каждые 6 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ налогъ на движимыя имущества опредѣляется соотвѣтственно ихъ денежной стоимости и платится весь заразъ. Этотъ режимъ существуетъ еще въ настоящее время *). Въ 1880 г. Гладстонъ полагалъ, что фермеръ и купецъ должны платить втрое болѣе высокій налогъ на наслѣдство, чѣмъ земельный собственникъ.

Экономическія привилегіи были не менѣе важны. Земельные собственники постоянно озабочены тѣмъ, чтобы доставить широкій сбытъ продуктамъ своихъ помѣстій, и особенно, чтобы сохранить для нихъ національный рынокъ съ помощью покровительственной пошлины. Лѣса въ ихъ рукахъ. Въ 1750 г. они соединяются съ ножевниками и запрещаютъ ввозъ желѣза въ слиткахъ, привозимаго изъ колоній, изъ боязни, чтобы въ Англіи не стали плавить меньшее количество желѣза, вслѣдствіе чего потребовалось бы и меньше дровъ. Они производители шерсти; они входятъ въ соглашеніе съ фабрикантами суконъ, налагаютъ акцизный налогъ на тисненный коленкоръ и запрещаютъ послѣдній безусловно отъ 1721 г. до 1774 г. Акцизный налогъ возобновляется въ 1774 г. и падаетъ только въ 1831 г. Они производители скота, масла и сыра. Тотчасъ послѣ Реставраціи, отъ 1660 до 1685 г., законъ запрещаетъ привозъ изъ Ир-

*) Brodrick, цитир. трудъ, стр. 251. Послѣдній бюджетъ г. Шильдерса передъ паденіемъ министерства содержалъ именно измѣненіе этого режима.

ландіи убойнаго скота, свѣжаго мяса и молочныхъ продуктовъ; немного позднѣе (1699) другой законъ рѣшаетъ, что только шерсть изъ Ирландіи можетъ привозиться въ Англію, и налагаетъ запретительную пошлину на ирландскія сукна. Они производители зерновыхъ хлѣбовъ; въ 1682 г. появляется первый налогъ на ввозъ, въ 1690 г. первая премія на вывозъ. Это покровительство пріостанавливается на время отъ 30 до 35 лѣтъ въ концѣ слѣдующаго столѣтія. Оно возникаетъ снова въ 1804 г., усиливается въ 1815 г., ослабѣваетъ въ 1822 году и окончательно исчезаетъ только въ 1846 г.

Французское дворянство въ стремленіяхъ къ пенсіямъ и привилегіямъ не было такъ настойчиво, какъ англійское джентри въ поискахъ за исключительными законами, за тѣмъ, что они сами называли классовымъ законодательствомъ. Но здѣсь существуетъ противное явленіе. Тѣ же самые люди, которые стараются избѣжать соціальныхъ повинностей, принимаютъ на себя охотно мѣстныя повинности: вспомоществованіе бѣднымъ, завѣдываніе полиціей, содержаніе дорогъ и мостовъ и т. д. Это безкорыстіе превознесли. Но если посмотрѣть на вещи ближе, фактъ перестаетъ быть поражающимъ, не переставая быть похвальнымъ. Повинности, которыя принимали на себя собственники, служили прежде всего выкупомъ и извиненіемъ за руммъ латифундій, который изъялъ землю изъ обращенія и мѣшалъ бѣдному имѣть собственный очагъ; онѣ были въ особенности той цѣной, которую платило джентри за возможность быть единственнымъ господиномъ въ мѣстечкахъ. Благодаря систематическому обезземеленію, джентри осталось единственнымъ состоятельнымъ классомъ въ деревнѣ. Только государство могло бы облегчить тяжесть, но это значило дать ему право на вмѣшательство. Невозможно было бы отказать правительству въ правѣ слѣдить за общественными суммами, провѣрять ихъ употребленіе, и мѣстныя должности подпали бы мало-по-малу подъ его контроль.

Это именно то, что обѣщаетъ произойти въ наши дни. Джентри предупредило пока опасность, принявъ на свой счетъ всѣ повинности. Кромѣ того надо замѣтить, что, если землевладѣльцы производили расходы на мѣстныя повинности, то они сами назначали и собирали и сумму ихъ; они самостоятельно распредѣляли ихъ употребленіе, не отдавая въ этомъ никому отчета. Легко распоряжаться великодушно своими деньгами, когда знаешь, что не теряешь ихъ, что онѣ останутся при насъ, не перейдутъ въ другія руки для вознагражденія отдаленной и неизвѣстной службы. Крупные землевладѣльцы находили въ этихъ пожертвованіяхъ новый источникъ престижа, орудіе господства, гарантію противъ вмѣшательства государства.

III.

Политическія и соціальныя привилегіи. Олигархическое правленіе.

Мы видѣли этихъ полтораста тысячъ джентльменовъ, разселившихся въ своихъ недѣлимыхъ латифундіяхъ и господствующихъ надъ всей деревенской территоріей. Гражданское право утвердило ихъ въ этомъ положеніи, государственная казна щадитъ ихъ; таможенные и акцизные статуты защищаютъ ихъ продукты отъ конкурренціи. Кажется, самое слово „land“ имѣетъ въ себѣ что-то священное и привилегіи вытекаютъ изъ него сами собой. Въ другихъ государствахъ происхожденіе даруетъ эти привилегіи, здѣсь земля ихъ притягиваетъ къ себѣ, какъ бы вырываетъ ихъ изъ рукъ законодателя. Чтобы измѣрить всю ихъ обширность, надо представить себѣ крупнаго англійскаго землевладѣльца не только въ

его отношеніяхъ къ вещамъ, но и въ его отношеніяхъ къ людямъ.

Кого можно видѣть около него? Земледѣльцевъ? почти всѣ они его фермеры: мы видѣли, что мелкій земледѣлецъ, собственникъ своего помѣстья, былъ вытѣсненъ. Что касается фермеровъ, то законодательство Тюдоровъ, относившееся всегда отечески къ юменамъ, покровительствовало имъ противъ злоупотребленія привилегіи, которую общее право признавало за землевладѣльцемъ на ихъ движимое имущество и на ихъ скотъ, отданный на прокормъ *). Въ XVIII в. усиливается противъ нихъ суровый законъ о правѣ конфискаціи. Около 1700 г. пожизненные и долгосрочные договоры были въ большомъ употребленіи въ Англіи. Въ продолженіе и въ концѣ слѣдующаго вѣка устанавливается обычай помѣщать въ контрактахъ оговорку, которая дозволяетъ отказывать фермерамъ изъ году въ годъ. Вмѣсто арендаторовъ, которымъ десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ обезпеченнаго владѣнія давали почти чувство независимости собственниковъ, можно видѣть только арендаторовъ, подчиненныхъ произволу, усиленное пользованіе которыхъ можетъ быть прервано предостереженіемъ, объявленнымъ за 6 мѣсяц. впередъ. Прекрасные общественные и частные нравы смягчаютъ это порабощеніе со стороны господина; привычка преобразуетъ послѣднее въ сознаніи служителя, въ долгъ совѣсти, который связываетъ ихъ по образцу феодальнаго подданства. Подъ этой приличной внѣшностью, тѣмъ не менѣе, это есть порабощеніе.

Ниже фермера мы различаемъ земледѣльческихъ рабочихъ. Образованіе крупныхъ фермъ и распространеніе пастбищъ уменьшаютъ изъ года въ годъ спросъ на рабочія руки въ деревняхъ. Деревенскій работникъ, привлекаемый болѣе высокимъ заработкомъ, переселяется въ

*) V. Pollock. The lands laws.

города. Замѣтьте, что люди, которыхъ постигаетъ этотъ конецъ, самые сильные, самые здоровые, самые предпріимчивые; для сельской жизни остаются только лѣнивые, неспособные, убогіе. Этотъ подборъ въ худшую сторону происходитъ на-ряду съ уменьшеніемъ земледѣльцевъ*). Трудныя условія существованія заставляютъ падать еще ниже этихъ приниженныхъ представителей человѣческаго рода. Богатые землевладѣльцы, крупные скупщики помѣстій сдѣлались господами всей земли въ приходѣ; актъ d'inclosure предоставилъ имъ даже общинную землю. Работникъ не можетъ болѣе пользоваться коттэджемъ и пастбищемъ, которые онъ на ней занималъ, не уплачивая за нихъ, точно такъ же какъ и за корову, которую пасли тамъ его дѣти. Онъ наемщикъ господина, почти всюду наемщикъ по недѣлямъ. По истеченіи каждой недѣли онъ можетъ очутиться безъ заработка и безъ пріюта. Чаще всего даже имъ отказано въ этомъ пріютѣ. Со времени Карла II мѣстныя власти имѣютъ право на изгнаніе безъ разсужденія всякаго приходящаго за поисками работы, считая его способнымъ стать въ тягость приходу. Но землевладѣлецъ хочетъ болѣе вѣрной гарантіи. Господинъ надъ всей приходской землей, онъ приказываетъ снести всѣ хижины и не дозволяетъ никакой новой постройки. Приходъ запертъ; очистка и какъ бы выметеніе людского сора совершено. Деревня принимаетъ видъ парка, покрытаго деревьями и зеленью, безъ фабрикъ на горизонтѣ, между тѣмъ какъ изгнанные рабочіе ищутъ убѣжища въ ближайшемъ приходѣ. Они скучиваются тамъ въ домахъ нездоровыхъ, слишкомъ маленькихъ для ихъ количества. Slums (трущобы) встрѣчаются не только въ

*) Въ изслѣдованіи, представленномъ комиссіи 1879 г. объ упадкѣ земледѣлія, фермеры жалуются, что молодые люди уходятъ въ городъ и что имъ остаются только старики.

большихъ городахъ, они составляютъ позоръ не одного деревенскаго населенія *).

Мы разсматривали до сихъ поръ джентльмена только въ предѣлахъ его помѣстья; онъ выказалъ себя тамъ неограниченнымъ властителемъ людей и вещей. Его господство не менѣе прочно въ его округѣ; верховная власть его и ему подобныхъ не менѣе обезпечена въ графствѣ; наконецъ преобладаніе цѣлаго класса не менѣе значительно въ парламентѣ и въ государствѣ. Около его резиденціи есть деревушки, небольшія заселенныя мѣстечки. Часто земля и дома принадлежатъ ему. Онъ воленъ отдавать внаймы только тѣмъ людямъ, какимъ онъ хочетъ, запрещать новыя постройки, запрещать фактически продажу крѣпкихъ напитковъ, создавать отдѣльный экономическій режимъ для этой части территоріи, предписывать тамъ, подъ угрозой лишенія владѣнія, добродѣтели по своему выбору, въ особенности трезвость. Онъ властенъ посягать даже на свободу культа, запрещая, какъ въ Валлисѣ, уступать кусокъ земли, находящійся въ распоряженіи жителей, для постройки часовни. **) Рѣже самое мѣсто на которомъ построенъ большой городъ, составляетъ его собственность по частному праву; ***) часть мѣстной полиціи попадаетъ неизбѣжно въ его распоряженіе. Въ приходахъ, сосѣднихъ съ его владѣніемъ, иногда даже въ отдаленныхъ приходахъ есть

*) При Георгѣ III въ 1775 г. отмѣняется законъ Елизаветы, запрещавшій основывать коттэджъ безъ прибавленія къ нему 4 акровъ земли и заселять его болѣе, чѣмъ однимъ семействомъ. Это запрещеніе мѣшало устраиваться неимущимъ. The poor law. —W. Fowle, стр. 10.

**) См. проэктъ закона „Worshif sites bill“, представленный г-мъ Бродхуретъ (22 мая 1885) и не принятый послѣ короткихъ преній. Билль имѣлъ цѣлью сдѣлать обязательной эту уступку.

***) Напр. въ Тинемутѣ и въ Эстборнѣ, городахъ, построенныхъ на земляхъ, принадлежащихъ герцогу Портумберландскому и герцогу Девонширскому. Escott trad. стр. 51.

пасторы, викаріи, или заступающіе должность пастора. Въ среднемъ, половина на половину ихъ назначаются крупнымъ землевладѣльцемъ. Это право перешло ему по наслѣдству отъ перваго строителя церкви, если оно не было куплено за дорогую цѣну у сосѣда или у лорда великаго канцлера. Въ настоящее время изъ 13 305 духовныхъ бенефицій, насчитываемыхъ въ Англіи, 8151 принадлежатъ свѣтскимъ патронамъ. Эти мѣста на столько желательны, что джентри раздаетъ ихъ своимъ младшимъ братьямъ, своимъ любимцамъ. Вліяніе на религію и на пасторское званіе прибавляется такимъ образомъ къ свѣтскимъ пріемамъ его дѣятельности. Графство имѣетъ милицію; видѣли уже, что значительный земельный цензъ сохраняетъ ея высшіе чины для джентри. На упражненія и смотры оно приводитъ своихъ скромныхъ сосѣдей, мелкихъ собственниковъ, если такіе еще существуютъ, coryholders, фермеровъ, и ихъ уваженіе къ джентри утверждается привычками военнаго послушанія.

Оно располагаетъ наконецъ еще однимъ орудіемъ господства, самымъ дѣйствительнымъ и самымъ вѣрнымъ, это административная, судебная и полицейская власти, перешедшія къ magistrates графствъ. Магистратскій цензъ больше чѣмъ удвоился при королевѣ Аннѣ, и право предсѣдательства лорда намѣстника (почти всегда крупнаго владѣтеля) обезпечиваетъ во всѣхъ случаяхъ преимущество за богатыми эсквайрами. Я показалъ, что полномочія этихъ добровольныхъ чиновниковъ были безчисленны еще въ предшествующемъ вѣкѣ. Потребности прогрессирующаго общества становятся все болѣе и болѣе настоятельными и разнообразными; онѣ требуютъ законныхъ предписаній, для которыхъ нужны охранители, и вызываютъ санкціи, для которыхъ нужны исполнители. Justices of peace уже исполняютъ эту двойную роль; каждая новая служба сама собой присоединяется въ ихъ рукахъ къ старымъ службамъ того же рода. Я

не буду ни обозрѣвать весь кругъ этой компетенціи, ни представлять ея подробности; она обнимаетъ и соединяетъ въ рукахъ тѣхъ же дѣятелей частицы всѣхъ властей, которыя франц. законъ старается раздѣлить. Не только администраторъ и судья сливаются въ англійскомъ magistrate, но всѣ франц. мѣстные чиновники и вѣдомства: префектъ, супрефектъ, совѣтъ префектуры, общій совѣтъ, окружный совѣтъ, мировой судья, судебный слѣдователь, полицейскій приставъ, мэръ — совмѣщаются въ немъ болѣе или менѣе тѣми или другими сторонами своихъ полномочій. *) Здѣсь интересно отмѣтить, какіе предметы дѣятельности и средства для вліянія могъ доставить ему XVIII в., и на сколько пріобрѣлъ онъ независимости и силы въ исполненіи своего полномочія.

Сразу замѣтно, что эта дѣятельность, которую мы только-что видѣли неполной и отрывочной выигравъ въ широтѣ примѣненій была организована въ систему и получила іерархическое устройство. Прежде былъ на лицо магистратъ, который судилъ одинъ, существовали маленькія уѣздныя сессіи и трехмѣсячныя сессіи графства. Теперь появились сверхъ того спеціальныя сессіи, которыя бываютъ періодически для извѣстнаго рода административныхъ дѣлъ: для назначенія приходскихъ чиновниковъ, для разрѣшенія питейныхъ домовъ, для спорныхъ дѣлъ дорожнаго вѣдомства и т. д. Прежде аппеляціи направлялись въ королевскіе суды. Теперь трехмѣсячныя сессіи дѣлаются обычной юрисдикціей второго разряда и почти всегда окончательной инстанціей для дѣлъ, требующихъ аппеляціи и рѣшенныхъ въ болѣе узкихъ мѣстныхъ сессіяхъ. Аппелируютъ на магистраты и са-

*) Въ другомъ произведеніи я старался показать magistrates въ многочисленной дѣятельности ихъ мѣстной роли. Здѣсь я только напоминаю исключительныя условія произвола и безнаказанности, при которыхъ они исполняютъ свои должности.—Annales de l'Ecole des sciences politiques t. I, p. 179.

мимъ же магистратамъ. Судопроизводство этихъ трибуналовъ и ихъ составъ не менѣе достойны вниманія. Въ XVIII в. суммарный судъ, *безъ содѣйствія присяжныхъ* получаетъ значительное распространеніе. Это обычное судопроизводство въ тѣхъ случаяхъ, когда магистратъ судитъ одинъ и въ маленькихъ сессіяхъ. Такимъ образомъ для возрастающаго количества мелкихъ преступленій и небольшихъ дѣлъ традиціонная гарантія правосудія устранена. Можно держать съ гораздо большей увѣренностью населеніе округа въ своихъ рукахъ съ помощью этого ежедневнаго сложнаго судопроизводства, чѣмъ съ помощью высшаго уголовнаго судопроизводства. Джентри отправляетъ первое со всѣмъ патріархальнымъ произволомъ. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что другая очень дѣйствительная гарантія практически исчезла въ сессіяхъ, на которыхъ засѣдаютъ вмѣстѣ нѣсколько магистратовъ. До XVIII в. нѣсколько юрисконсультовъ состоятъ всегда номинально въ комиссіи магистратовъ графства и назначались туда въ отдѣльности; во всякомъ дѣлѣ одинъ изъ нихъ долженъ былъ присутствовать рядомъ съ своими коллегами, имѣющими право на судопроизводство, единственно благодаря своему земельному богатству. Въ XVIII в. это правило болѣе не соблюдаются. Элементъ правоспособный и профессіональный устраненъ; онъ уноситъ съ собой послѣднее слабое противодѣйствіе, которое могли еще встрѣтить духъ и интересы класса.

И такъ, въ безчисленныхъ дѣлахъ не присутствуютъ болѣе присяжные засѣдатели для обезпеченія безпристрастной оцѣнки факта; не присутствуетъ болѣе и профессіональный юрисъ-консультъ для обезпеченія просвѣщеннаго приложенія закона. Кажется, что, взамѣнъ этого права аппеляціи и передачи дѣла высшей юрисдикціи должны были бы развиться съ ревностнымъ стараніемъ. Совершенно обратное происходитъ въ XVIII в. До Карла II судопроизводство certiorari, которое въ ре-

зультатѣ отнимало власть у трибуналовъ justices of peace и переносило дѣло въ королевскіе суды, прилагалось во всѣхъ случаяхъ. Въ 1672 г. эта гарантія уничтожена для нѣкоторыхъ дѣлъ о налогахъ; позднѣе ее отмѣняютъ почти для всѣхъ вопросовъ дорожнаго вѣдомства. Въ ту же эпоху передача дѣлъ становится много труднѣе, формальности увеличиваются (5 Geo II, гл. XIX). Въ большинствѣ позднѣйшихъ законовъ статья, отмѣняющая certiorari, дѣлается, такъ сказать, обычной. Является правило, что рѣшеніе трехмѣсячныхъ сессій должно быть окончательнымъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ не причастны къ дѣлу земельныя права или общественный порядокъ. Практически, это—произвольная власть, примѣняемая въ тѣхъ случаяхъ, когда судьѣ, въ своихъ ли интересахъ или въ интересахъ класса, случается быть предубѣжденнымъ и пристрастнымъ.

Замѣтьте, наконецъ, что магистраты въ исполненіи своихъ обязанностей пользуются покровительствомъ цѣлой серіи законовъ, если не сходныхъ по сущности, то равносильныхъ по результату съ 75-ой статей французской конституціи VIII года. Въ отличіе отъ франц. чиновниковъ, они могутъ свободно преслѣдовать за небрежность или за грубую ошибку,—таковъ англійскій принципъ,—но проступокъ погашается шестимѣсячнымъ срокомъ, достаточно имъ сослаться на добросовѣстность чтобы быть уволенными отъ жалобныхъ исковъ, и эта самая добросовѣстность освобождаетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности за неправильности судопроизводства.

Въ гражданскомъ и уголовномъ отношеніи, если сравнивать высшія судебныя вѣдомства, Англія давно опередила всѣ другіе народы въ Европѣ; древнія гарантіи собственности и свободы (habeas corpus, судъ присяжныхъ, открытое слѣдствіе) существуютъ. Духъ общества ихъ поддерживаетъ энергично. Въ административномъ и полицейскомъ отношеніи, другими словами, въ дѣлахъ, меньшій интересъ которыхъ не вызываетъ постоянной

бдительности общественнаго мнѣнія, одна фраза выражаетъ точно положеніе судовъ of peace въ графствахъ: *произволъ, покрываемый безнаказанностью.*

Поразительно, что этотъ режимъ былъ такъ долго терпимъ; еще поразительнѣе то, что всѣ классы единодушно были довольны имъ. По правдѣ, не всѣ голоса запечатлѣваются въ исторіи; побѣдители и сильные охотно бываютъ сообщительными, вслѣдствіе осторожности или унынія угнетенные часто дѣлаются молчаливыми. Надо было бы разбудить души многихъ усопшихъ бѣдняковъ, покоющихся на сельскихъ кладбищахъ, чтобы высказаться на основаніи окончательныхъ свидѣтельствъ и съ полной увѣренностью. Эта оговорка ослабляетъ, но не уничтожаетъ сильнаго предубѣжденія, созданнаго столькими согласными одобреніями въ пользу правленія джентри. Единодушіе тѣхъ, сужденіе которыхъ дошло до насъ, дѣлаетъ большую честь характеру высшаго класса въ Англіи. Во всякомъ случаѣ, говоря безпристрастно, произволъ остается произволомъ. „Мой отецъ говоритъ г. Мильбанъ въ одномъ романѣ Дизраели, мнѣ часто разсказывалъ, что въ его время смерть человѣка была огорченіемъ для лорда". Лордъ, можетъ быть, не злоупотреблялъ этой чрезмѣрной властью; но, если онъ ею и не пользовался, и власть даже оставалась въ бездѣйствіи, она должна была чувствоваться и тягостно ложиться на людей.

И такъ, магистраты графствъ не имѣютъ надъ собой контроля свыше. Законодатель имѣетъ предвзятое довѣріе въ ихъ правдивости, и государство обезоружило само себя. Они не встрѣчаютъ предѣловъ своей власти и ниже себя. Общественная автономія была уничтожена; приходъ узко подчиненъ ихъ опекѣ. Въ этомъ, можетъ быть, заключается самый важный фактъ олигархической революціи, совершившейся въ XVIII в.

Упадокъ приходскаго самоуправленія можно прослѣдить изъ года въ годъ. Съ давнихъ поръ каждая мѣстность

сама выбирала своего полицейскаго комиссара, своихъ инспекторовъ дорожнаго вѣдомства. Смотрители бѣдныхъ назначались магистратами, но только изъ списка лицъ, составленнаго приходомъ. Эти смотрители подавали помощь неимущимъ; они распредѣляли налогъ для бѣдныхъ между платящими подать. Суды of peace могли уничтожить только незаконное распредѣленіе податей. Такимъ образомъ каждый приходъ имѣлъ право опредѣлять свои повинности и собирать доходы посредствомъ своихъ собственныхъ чиновниковъ. Въ концѣ XVIII в. большая часть этихъ прерогативъ и этихъ льготъ погибла. Полицейскихъ комиссаровъ назначаютъ магистраты. Начиная съ 1691 г. ни одно вспомоществованіе не можетъ быть оказано бѣднымъ, не вошедшимъ въ годовой приходскій списокъ, если нѣтъ на то соизволенія магистрата или приказа трехмѣсячныхъ сессій; смотритель бѣдныхъ не воленъ болѣе ни въ чемъ самъ по себѣ. Въ продолженіе всего XVIII в. магистраты злоупотребляютъ этимъ закономъ и расточаютъ пособія всякому, кто представится и проситъ ихъ. Съ 1801 г. они могутъ не только уничтожать неправильное распредѣленіе податей, но исправлять его и сами измѣнять имена лицъ, обложенныхъ податью, и итогъ суммы для уплаты. Съ этой эпохи налогъ на бѣдныхъ постепенно становится типомъ и общимъ основаніемъ для всѣхъ прямыхъ налоговъ. Право измѣнять его имѣетъ такимъ образомъ огромное значеніе. Странное противорѣчіе принципамъ, лучше всего установленнымъ обычаемъ и ревнивѣе всего оберегаемымъ общественнымъ духомъ! Отъ этихъ неизбранныхъ лицъ, которыя не должны отдавать отчетъ никакому заинтересованному лицу, зависитъ увеличить до неопредѣленныхъ размѣровъ расходы, ложащіеся на приходъ, и назначать каждому, занимающему домъ, свою долю бремени, которую ихъ необдуманное милосердіе могло свободно сдѣлать тяжелой.

Несмотря на такое сокращеніе его вѣдомства, приходъ

существовалъ; оставалось устранить его не прибѣгая къ формальному уничтоженію, ослабить въ немъ принципъ отдѣльной мѣстной жизни. Въ 1782 г. justices of peace получили право соединить нѣсколько приходовъ и собирать съ нихъ общую подать для содержанія бѣдныхъ. Эти союзы охватываютъ скоро значительную часть королевства. Каждое управляется комитетомъ guardians (попечителей), и за каждымъ комитетомъ надзираютъ visitors (инспектора), и тѣ и другіе назначаются justices of peace, послѣдніе выбираются вообще изъ класса, изъ котораго выбираются сами justices. Съ конца прошлаго вѣка попечительство о бѣдныхъ, которое служило причиной и двигателемъ всякой приходской организаціи, распространяется постепенно на болѣе обширную область. Позднѣе, когда потребуется организовать другія вѣдомства, именно санитарное, точно также обратятся къ болѣе широкимъ округамъ, чѣмъ приходы. Эти округи представляютъ теперь рамку всякой административной жизни*), готовое мѣсто для всякой новой общественной дѣятельности.

Для прихода все болѣе и болѣе ускользаетъ всякая коллективная цѣль, всякая возможность послѣдовательнаго и обдуманнаго дѣйствія. Можетъ быть, въ этихъ маленькихъ общинахъ, лишившихся юменовъ, вслѣдствіе режима латифундій, недоставало лицъ, способныхъ правильно исполнять мѣстныя должности. Это могло служить причиной и оправданіемъ передачи отправленій въ болѣе обширные округи, гдѣ требуемыхъ способныхъ людей найдется въ большемъ количествѣ. Но, съ другой стороны, это перемѣщеніе должно было закончить паденіе мѣстной автономіи и тѣмъ болѣе ускорить удаленіе лучшихъ представителей низшаго юмена, лишен-

*) Исключеніе существуетъ только для начальнаго образованія и для дорожнаго вѣдомства, которыя остаются въ большинствѣ въ вѣдѣніи приходовъ.

ныхъ интереса, связаннаго съ свободной дѣятельностью и съ отвѣтственностью. Такимъ образомъ были уничтожены послѣдніе остатки этихъ небольшихъ и сильныхъ демократій, организованныхъ Тюдорами. XVIII в. затушилъ и закрылъ эти безчисленные очаги гражданскаго духа, гдѣ сохранялся классъ людей, долгое время доставлявшій одинъ изъ самыхъ жизненныхъ элементовъ англійскаго общества. Когда начинается XIX в., не народное самоуправленіе приходовъ, но аристократическое самоуправленіе графствъ увѣковѣчиваетъ имя и традицію мѣстной свободы. Общественныя вольности перешли въ классовыя привилегіи; олигархія подчинила себѣ всѣхъ и управляетъ деспотически всей сельской Англіей.

Верховная привилегія установила и охраняетъ всѣ эти второстепенныя привилегіи. Высшій сельскій классъ единственно, или почти единственно, имѣетъ своихъ представителей въ парламентѣ; онъ распоряжается тамъ закономъ. Другіе классы получаютъ тамъ свои выгоды, только благодаря его снисходительности. Палата лордовъ состоитъ почти исключительно изъ земельныхъ собственниковъ. Широкій поземельный доходъ—первое условіе, требуемое отъ будущихъ собственниковъ, ихъ патентъ получается только этой цѣной. Нижняя палата почти всецѣло избирается изъ джентри; по причинѣ земельныхъ цензовъ члены этого класса одни имѣютъ право на избраніе. Большое число небольшихъ избирательныхъ мѣстечекъ, которыхъ называютъ bourgs de poche, принадлежатъ джентри; оно владѣетъ въ нихъ землей и домами. Жители, которыхъ оно тамъ терпитъ, вотируютъ согласно съ его волей, по указанію его управителей. Оно передаетъ, продаетъ, вымѣниваетъ съ подобными себѣ эти доли участія въ управленіи. Оно въ состояніи купить продажные цехи старыхъ городовъ. Большіе центры, полные жизни и гордости, которыхъ только что создала мануфактурная промышленность, могли бы по-

пытаться избирать своихъ людей, новыхъ людей; но они не имѣютъ собственнаго представительства въ парламентѣ. Они поглощены сельскимъ графствомъ. И такъ, земельная аристократія остается безъ оппозиціи въ обѣихъ палатахъ и въ правительствѣ. Политическія партіи образуются посредствомъ внутренняго дѣленія этого всемогущаго класса. Въ началѣ XIX в. 487 членовъ изъ 658 назначены виртуально лордами и богатыми эсквайрами. Послѣ 1832 г. и до 1867 г. Сапфордъ считаетъ 110 членовъ палаты общинъ, принадлежащихъ къ 31 крупной фамиліи, которыхъ онъ записываетъ въ своей золотой книгѣ. Эти 31 фамилія имѣли такой же политическій вѣсъ, какъ и Лондонъ съ слѣдующими за нимъ 40 городами, какъ и Ирландія, вдвое болѣе, чѣмъ Шотландія. Этотъ самый классъ, естественно, образуетъ правительство, которое зависитъ отъ палатъ; онъ занимаетъ общественныя должности, зависящія отъ правительства. Во время министерства Питта, въ 1783 г., всѣ коллеги перваго министра были пэры, и самъ онъ сынъ пера. Посольства, высшіе чины въ арміи, управленіе колоніями, высшія духовныя должности и богатыя бенефиціи, всѣ преимущества, которыми располагаетъ власть, распредѣляются между членами сельской аристократіи и становятся въ ихъ рукахъ новыми средствами для воздѣйствія. Чередующіяся партіи власти, джентльменты, виги или тори, одинаково кончаютъ тѣмъ, что получаютъ свою долю дохода. Другіе классы напрасно ждутъ своей очереди; ни время, ни судьба не говорятъ за нихъ. Если когда нибудь былъ привилегированный классъ, такъ это именно высшее англійское джентри XVIII в. Онъ одинъ составляетъ populus Anglicus, естественно предназначенный въ общественной дѣятельности и къ почестямъ, въ противоположность остальнымъ, plebs'у, которые допускаются къ нимъ только въ исключительныхъ случаяхъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ самыхъ кадрахъ джентри.

IV.

Олигархія и парламентскій режимъ.

Я показалъ, что положительный прогрессъ британской конституціи почти всецѣло закончился въ XVIII в. Фактъ, на который еще не достаточно обращено вниманія, тотъ, что, еслибы управляющій классъ въ Англіи не преобразовался въ узкую олигархію, съ которой я только что познакомилъ, типъ парламентскаго правленія, извѣстный намъ, не могъ бы, вѣроятно, сформироваться и упрочиться; а такъ какъ всѣ цивилизованныя государства заимствовали отъ него рано или поздно главныя черты своей конституціи, то политическія судьбы міра могли бы быть другими. Демократія могла усвоить парламентскій режимъ и съ усиліемъ подражать ему, послѣ того, какъ другія руки обработали и установили его совершенные образцы. Единственно аристократія могла создать его, образовать его нравы, начать его традиціи.

Въ XVIII в. выдѣляется мало по малу первая пружина, которая сдѣлается двигателемъ всѣхъ остальныхъ, центромъ сочлененія всей машины: это связная и совокупная система двухъ большихъ партій, объединенныхъ, дисциплинированныхъ, которыя, смотря по тому — поддерживаетъ ихъ большинство или оставляетъ ихъ, чередуются во власти передъ королемъ, низведеннымъ до роли зрителя. Эти двѣ партіи принимаютъ сначала форму двухъ противныхъ коалицій могущественныхъ фамилій, которыя располагаютъ нѣсколькими сотнями парламентскихъ мѣстъ съ помощью „bourgs de poche“ и гнилыхъ мѣстечекъ. Они вводятъ этимъ путемъ въ палату общинъ множество своихъ креатуръ. Выборные отъ

народной массы составляютъ ничтожное меньшинство. Англійское правительство походило тогда на финансовую компанію, гдѣ нѣсколько крупныхъ капиталистовъ скупили почти всѣ акціи и образовали два противныхъ синдиката, которые имѣютъ своихъ представителей въ общемъ собраніи—въ данномъ случаѣ въ палатѣ общинъ —въ лицѣ своихъ членовъ или лицъ подставныхъ господствуютъ надъ немногими акціонерами, оставшимися независимыми, или въ крайнемъ случаѣ, подкупаютъ ихъ и оспариваютъ выборъ управителей, —т. е. министровъ. Тотъ изъ двухъ синдикатовъ, который преобладаетъ числомъ въ собраніи, можетъ, если онъ остается объединеннымъ, сдѣлать положеніе министровъ невыносимымъ, и онъ не замедлитъ сдѣлать это, если только послѣдніе не будутъ дѣйствовать согласно съ его волей, —что будетъ только въ томъ случаѣ, если они сольются въ одно съ самыми главарями синдиката, которымъ онъ подчиняется. И такъ, министерства формируются ежеминутно изъ главныхъ дѣятелей той партіи, которая находится въ большинствѣ въ палатѣ общинъ. Милость короля не въ силахъ поддержать тамъ другихъ. Естественно, что группа, которая получаетъ власть, не имѣетъ никакой причины дѣлиться съ своими противниками; у нея не хватаетъ мѣстъ для своихъ членовъ и для своихъ друзей. Кабинеты такимъ образомъ бываютъ всецѣло одной окраски. Сверхъ того присутствіе и постоянное опасеніе врага, который не задумался бы сдѣлать нападеніе, еслибы подозрѣвалъ несогласія и распаденія въ мѣстномъ гарнизонѣ, способствуютъ поддержкѣ среди самой партіи точнаго послушанія солдатъ офицерамъ и офицеровъ своимъ начальникамъ. Въ результатѣ—двѣ противоположныя большія партіи; та и другая очень однородны и дисциплинированы; каждая по очереди управляетъ дѣлами въ лицѣ своихъ leaders; король, безсильный рядомъ съ ними, но продолжающій быть видимымъ и уважаемымъ хранителемъ власти: —вотъ я

думаю, въ главныхъ чертахъ и проявленіяхъ механизмъ парламентскаго управленія, таковъ, какъ онъ дѣйствуетъ предъ нашими глазами.

Можно видѣть безъ труда, что есть въ такой комбинаціи насильственнаго, исключительнаго, искусственнаго, въ нѣкоторомъ родѣ противуестественнаго; можно взвѣсить, какой разсчетъ и self-control она предполагаетъ въ политическихъ дѣятеляхъ; можно предчувствовать, чѣмъ оно можетъ сдѣлаться при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ. Олигархическое правленіе было необходимо, чтобы оно имѣла сначала успѣхъ. Демократія потерпѣла бы здѣсь неудачу. Можно сомнѣваться, напримѣръ, въ томъ, чтобы при режимѣ, болѣе близкомъ къ народному, партіи съ самаго начала могли составиться съ достаточнымъ авторитетомъ и силой, послѣдовательностью и устойчивостью, гордостью и умѣренностью, чтобы нанести ударъ трону, еще окруженному престижемъ, не разрушивъ его. Это могла сдѣлать только гордая аристократія, полная сознанія своей близости и однородности съ королемъ.—Возможно думать, что при народномъ режимѣ разнообразіе мнѣній, различіе интересовъ, взрывы страстей въ массахъ породили-бы въ палатѣ общинъ неорганизованное и нестройное положеніе, родъ двигающагося хаоса, изъ котораго возникали бы на мгновеніе множество мелкихъ группъ, чтобы затѣмъ разсѣяться, и который не могъ бы послужить основаніемъ никакому простому дѣленію, никакой продолжительной классификаціи партій. Наоборотъ, наслѣдственныя родственныя связи обѣихъ ограниченныхъ группъ, происходящихъ изъ крупныхъ фамилій, взаимно соединенныхъ для завоеванія власти и доходныхъ мѣстъ, дѣлали почти достовѣрнымъ то, что не будетъ болѣе двухъ большихъ партій, имѣющихъ значеніе, и что сочетаніе этихъ партій, виговъ или тори, должно быть замѣчательно устойчивымъ.—Выборные владѣльческихъ мѣстечекъ должны были сообразоваться только со своимъ парламентскимъ

главой, который былъ указанъ имъ ихъ благородными патронами, послушаніе имъ было легко, оно было для нихъ фамильнымъ долгомъ или долгомъ кліентовъ; теоретическія мнѣнія рѣдко колебали этотъ почтенный предразсудокъ; вмѣсто того, чтобы создать имъ имя, они только уронили бы ихъ въ глазахъ ихъ повелителей. *) Они могли безъ труда основать традицію дисциплины. Выбранные народными коллегіями, принужденные всегда имѣть въ виду своихъ довѣрителей, озабоченные столько же тѣмъ чтобы удовлетворить ихъ, какъ и тѣмъ, чтобы сообразоваться съ волей ихъ leader'а въ палатѣ, терзаемые часто личными догматическими убѣжденіями, или подчиненные мнѣніямъ своей мѣстной или спеціальной среды, не могли бы, по всей вѣроятности, съ успѣхомъ соблюдать постоянно правило послушанія, обратить его путемъ долгой практики въ привычку, создать изъ него принципъ парламентской благопристойности и чести.— Наконецъ, не болѣе могъ укрѣпиться и внушить довѣріе обычай, по которому распадается кабинетъ, если его поддерживаетъ меньшинство.—Если сдѣлалось возможнымъ, примѣнимымъ и безопаснымъ то, что голосованіе палаты общинъ можетъ рушить министерство, то это только потому, что противная партія всегда имѣла наготовѣ другое министерство, составленное впередъ и способное принять должность на слѣдующій же день, вслѣдствіе чего нельзя было опасаться никакого междуцарствія. Позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы въ палатѣ, широко представляющей все мѣняющееся разнообразіе мнѣній и интересовъ, такое сложное учрежденіе, какъ кабинетъ, могло быть терпимо долгое время

*) „Что тутъ говорить"? говоритъ въ одномъ романѣ Дизраели герцогъ Монмутъ своему внуку Конингсби, который объявляетъ намѣреніе подавать голосъ въ парламентѣ по совѣсти. „Вы вотируете съ Вашей фамиліей, мил. государь, какъ джентльменъ. Вамъ не слѣдуетъ соображаться съ Вашими мнѣніями подобно философу или авантюристу". Дизраели. Conings by.

и быть постоянно на лицо. Каждый разъ бразды правленія падали бы на землю, и страна должна была бы обходиться нѣкоторое время безъ управленія, пока новая группа, составленная наспѣхъ и случайно, въ моментъ утомленія послѣ борьбы, не вступила бы въ должность и не старалась бы съ усиліемъ принять образъ и положеніе истиннаго правительства. И такъ, одно изъ основныхъ положеній управленія, именно то, что всякое министерство, оставшись при меньшинствѣ, удаляется, могло бы породить только безпорядокъ и анархію; парламентъ не встрѣтилъ бы ни оправданія, ни поддержки, чтобы установить такой режимъ; онъ сталъ бы искать, безъ сомнѣнія, какого нибудь другого исхода.

Въ короткихъ словахъ, лишить корону власти, оставивъ ей престижъ трона, свести практически всѣ существующія партіи въ очень многочисленной палатѣ къ двумъ партіямъ, сдѣлать ихъ способными служить основой правленія, упрочивъ ихъ однородность, ихъ устойчивость, ихъ внутреннюю дисциплину, сдѣлать такъ, чтобы послѣ внезапной отставки министровъ, вслѣдствіе вотума недовѣрія, гармонія возстановлялась бы тотчасъ же, послѣ ея нарушенія, между большинствомъ палаты общинъ и правительствомъ,—столько щекотливыхъ условій и въ извѣстныхъ случаяхъ противорѣчивыхъ, невозможныхъ для выполненія съ перваго раза парламентомъ, который былъ бы истинно національнымъ собраніемъ и служилъ бы вѣрнымъ представителемъ несвязной и подвижной народной массы. Но парламентъ былъ тогда только мѣстомъ встрѣчи делегацій изъ двухъ тѣсныхъ группъ крупныхъ фамилій; благодаря такому характеру власти онъ могъ вести успѣшно это дѣло терпѣнія и постоянства, осторожности и умѣренности: созданіе новѣйшихъ парламентскихъ учрежденій.

Послѣ 1832 г. Англія могла, постепенно приближаясь къ народному управленію, сохранить введенные обычаи, привычки, пріобрѣтенныя подъ покровомъ другого ре-

жима. Оно продолжило, совершенно естественно, дѣйствія, освященныя счастливыми результатами, которые дѣлали ихъ предметомъ національной гордости. Другія страны, еще болѣе демократическія, могли присвоить принципы и примѣнить правила этой первой объявившейся формы свободнаго правленія. Они извлекли изъ него плоды справедливости, незнакомые въ аристократическихъ обществахъ. Ни эти страны, ни Англія послѣ 1832 г. не были бы способны выдумать первыми эти принципы и эти правила, успѣшно примѣнить ихъ безъ наставниковъ и уроковъ, безъ примѣровъ и прецендентовъ, примирить ихъ терпѣливо съ общественнымъ мнѣніемъ и нравами. Демократія переняла, присвоила, заставила жить, какъ ни на есть, парламентскій режимъ. Она не обладала требуемыми качествами, чтобы открыть и основать его. Безъ англійской олигархіи XVIII в., въ тѣни которой онъ могъ вырости и окрѣпнуть, этотъ высшій типъ свободнаго правленія не появился бы на свѣтъ и остался бы незнакомымъ міру.

V.

Крупная промышленность. Двѣ націи.

Между тѣмъ какъ сельское джентри закладываетъ, какъ бы на вѣчныя времена, свое господство надъ людьми и вещами, рядомъ съ нимъ совершается событіе, которое вначалѣ служитъ его намѣреніямъ, способствуетъ успѣху его предпріятій, но которое вскорѣ затѣмъ противодѣйствуетъ имъ и заканчиваетъ разрушеніемъ его дѣла, въ тотъ самый моментъ, когда это дѣло кажется законченнымъ и неразрушимымъ. Это—возник-

новеніе и развитіе крупной машинной промышленности.

Я старался показать, что Англія вступила позднѣе, чѣмъ думаютъ, и не безъ колебаній, на тотъ экономическій путь, по которому она идетъ теперь первая. Начиная съ конца XVII в. появляются нѣсколько совокупныхъ условій правильнаго промышленнаго прогресса. Въ 1700 году мы видимъ Англію, владѣющею могущественнымъ торговымъ флотомъ, созданнымъ актомъ мореплаванія. Они располагаютъ широкимъ колоніальнымъ рынкомъ, гдѣ они могутъ широко почерпать сырые матеріалы; имъ принадлежитъ привилегія сбывать тамъ мануфактурные товары метрополіи. Такимъ образомъ промышленность имѣетъ съ этой эпохи обширные рынки; ее приглашаютъ и какъ бы возбуждаютъ къ развитію. Нѣсколько учрежденій, необходимыя орудія и вѣрные признаки дѣятельной производительности, уже появились. Легкая почта дѣйствуетъ; англійскій банкъ былъ основанъ въ 1649 г. Начиная съ того же года сдѣлалось возможнымъ, съ помощью безпрерывнаго долга, предпринимать плодотворныя и важныя общественныя дѣла, не отягощая настоящаго; новыя попеченія и упованія предстали передъ государствомъ и частными лицами. Переливка монетъ производится на основаніи истинныхъ экономическихъ принциповъ. Образовываются ассоціаціи капиталовъ. Коммерческія компаніи размножаются и направляютъ свои корабли во всѣ моря. Страна уже почувствовала лихорадку большихъ спекуляцій, поддалась увлекательности крупныхъ предпріятій. Но все-таки эти благопріятныя обстоятельства и эти возбуждающія средства способствуютъ только оживленію промышленной дѣятельности, не воспламеняя ея, и ихъ дѣйствія не вызываютъ чувствительной перемѣны въ равновѣсіи различныхъ экономическихъ силъ. Я привелъ уже нѣсколько доказательствъ этого; вотъ еще одно, которое ихъ резюмируетъ. Быстрое развитіе промышленнаго богатства имѣетъ вообще слѣдствіемъ подъемъ духа

и самонадѣянность, которые выражаются въ приростѣ населенія. А населеніе Англіи и Валлиса, по самому благопріятному вычисленію, поднялась только съ 5.134.516 до 6.039.684 между 1700 и 1750 г., т. е. оно увеличилось менѣе чѣмъ на милліонъ душъ въ 50 лѣтъ, на 17, 18% первоначальнаго числа. Таковъ именно жалкій процентъ прироста населенія въ современной Франціи (1831—1881) *).

Незнаніе вѣрныхъ экономическихъ принциповъ, лѣнивая безпечность, поддерживаемая протекціонизмомъ, малое развитіе науки и примовъ, которые оно сообщаетъ промышленности, вотъ сколько было препятствій прогрессу. Послѣ 1750 г. одно за другимъ совершаются шесть великихъ открытій, которымъ предназначено преобразовать условія труда. Въ 1769 году Аркрайтъ изобрѣтаетъ свой „water frame“; въ 1770 г. Гергревсъ — свою „spinning jenny“; въ 1776 г. Кромптонъ — свою „mule“; въ 1792 году Келли — свою „self-acting-mule“. Важность этихъ изобрѣтеній усиливается, благодаря паровой машинѣ, которая, будучи привилегіей Уатта въ 1769 г., прилагается въ 1705 г. къ обработкѣ хлопка, въ тотъ самый годъ, когда Картрейтъ строитъ свои „power loom“. Эти усовершенствованія дадутъ свои полные результаты только въ нашемъ столѣтіи. Привилегія Аркрейта переходитъ въ общественное пользованіе около 1790 г. Power-loom Картрейта примѣняется въ широкомъ размѣрѣ только въ 1815 г., а self-acting-mule только въ 1825 г., послѣ усовершенствованія Робертса.

Съ другой стороны, плавка съ каменнымъ углемъ была изобрѣтена между 1740 и 1750 г., раздувательные мѣха, приводимые въ движеніе паромъ, въ 1788 г. Обработка желѣза и добываніе руды быстро распространяются. Создаются новые пути сообщенія для сбыта этихъ това-

*) Tayuбee, по Finlaison. The industr. rewol. стр. 33.

ровъ. Въ 1777 г. законченъ Grand Trunk canal между Трентомъ и Мерсей; Релль и Ливерпуль соединены между собой и съ Бристолемъ другимъ каналомъ. Въ 1792 г. проводится новый водный путь въ 90 миль длиной между Лондономъ и центральными городами, черезъ Оксфордъ. Въ 1810 г. канализація почти вполнѣ закончена. Сухопутныя дороги увеличиваются въ еще большей прогрессіи и заботливо поддерживаются. Желѣзныя дороги появляются позднѣе, и ихъ вліяніе почувствуется только послѣ первой трети нашего вѣка. Словомъ, съ 1780 г. промышленная революція дѣйствуетъ. Результаты не заставляютъ себя ждать. Все, даже продовольствіе и трудъ человѣка, превращается въ производство теплоты и можетъ быть вычислено въ килограммометрахъ. Сосчитали, что годовой продуктъ съ однихъ каменноугольныхъ копей, превращенный въ работу, выражается той же цыфрой, какъ и продуктъ съ 10 милліоновъ гектаровъ, употребленныхъ на прокормъ лошадей, или съ 126 милліоновъ гектаровъ, употребленныхъ на продовольствіе работниковъ*). Стало быть, это какъ бы новая территорія, обширная и чрезвычайно плодородная, которая открывается рядомъ со старой. Эта перспектива возбуждаетъ и вызываетъ приростъ населенія. Мы видѣли, что населеніе увеличилось только приблизительно на $^1/_6$ въ первое пятидесятилѣтіе XVIII в.; оно увеличивается болѣе чѣмъ на половину отъ 1750—1800 г., приблизительно на 90% отъ 1800 до 1850 г. и болѣе чѣмъ на 50% въ слѣдующія 30 лѣтъ. Съ начала столѣтія земледѣльческое населеніе остается неподвижнымъ или убываетъ. Всѣ эти чрезмѣрные излишки, на которые указываютъ десятилѣтнія переписи, относятся такимъ образомъ къ промышленному и торговому населенію. Немного позднѣе 1860 г. обѣ массы будутъ относиться между собой, какъ 1 къ 2,675, а цѣнности, добываемыя ими,

*) Leplay, Constitution de l'Angleterre, l. I, ch. VI.

взаимно выразятся въ цифрахъ 3500 и 5800 милліоновъ франковъ. Равновѣсіе было нарушено много раньше, вѣроятно, съ самаго начала столѣтія. Эта многочисленность человѣческихъ существъ представляется съ самаго начала какъ бы второй націей, быстро и искусственно вылупившейся изъ яйца подъ вліяніемъ теплоты всюду зажженныхъ горнилъ. Она не смѣшивается интимно съ другой и не равномѣрно распредѣляется по территоріи. Она селится въ особенности въ пустыхъ пространствахъ, вокругъ новыхъ рудокопныхъ центровъ, или въ маленькихъ мѣстечкахъ, которыя не занесены въ древнія лѣтописи муниципальной жизни и которыя еще не числятся въ отчетахъ объ экономическомъ положеніи страны.

Главнымъ образомъ на сѣверъ, до тѣхъ поръ едва населенный, приходится почти вся прибыль отъ этого увеличенія. Въ 1700 г. десять графствъ, занимавшихъ первое мѣсто по плотности ихъ населенія, не считая архіепископствъ, лежали всѣ къ югу отъ широты Бирмингама. Въ 1750 г., кромѣ 10, появляются еще 4 къ сѣверу отъ этой широты; теперь ихъ не менѣе шести.

Въ особенности падаетъ это скопленіе народа на города. Лондонъ былъ въ 1680 г. единственнымъ мѣстомъ крупнаго скопленія народа въ королевствѣ. Теперь возвышаются другіе города, которые „растутъ, какъ пламя, и не перестаютъ стремиться къ безднѣ величія“. Это не старые, историческіе города, какъ Бристоль, Норвичъ, Іоркъ, Эксетеръ; эти расширяются, но медленно. Это Ливерпуль, который съ 4000 жит. въ 1685 г. поднимается до 40000 въ 1760 г., до 552508 въ 1881 г.; Манчестеръ имѣетъ 6000 жит. въ 1685 г., отъ 40 до 45,000 въ 1760 г., 95000 въ 1801 г., 517649 въ 1881 г.; Бирмингамъ и Шеффильдъ, которые, менѣе населенные, чѣмъ Манчестеръ, въ 1685 г., приближаются къ цифрѣ 30000 жит. въ 1760 г., достигаютъ обоюдно 74000 и 46000 въ 1881 г. и имѣютъ теперь 400000 и 285000. Названіе этихъ городовъ были мало извѣстны или не

распространены въ XVI в. Такимъ образомъ, какъ бы новая Англія присоединяется къ старой, я охотно сказалъ бы, приподнявшаяся страна, которая выходитъ и примыкаетъ берегами къ старому материку. Скороспѣлыя поколѣнія, которымъ не хватаетъ мѣста, бросаются на нее, какъ на дѣвственную почву, и создаютъ изъ ничего, такъ сказать, свою собственную среду, чуждую традиціямъ и идеямъ, царствующимъ въ деревнихъ и въ болѣе древнихъ центрахъ. Самыя условія труда усиливаютъ эту разницу. Я указалъ, что промышленность, въ своемъ первичномъ развитіи новѣйшаго времени, вышла изъ цеховыхъ городовъ, расположилась въ селахъ и деревняхъ, что она тамъ пріобщилась къ обработкѣ земли, къ семейной жизни и усвоила не одну патріархальную привычку. Ткачъ былъ тогда собственникомъ своего ремесла. Когда произошло усовершенствованіе механическихъ силъ, необходимость группировать рабочихъ по сосѣдству отъ двигателя кладетъ конецъ этому переходному состоянію, этимъ смѣшаннымъ формамъ дѣятельности. Деревни лишаются всякаго несельскаго элемента. Режимъ крупной городской промышленности появляется со всѣми своими характерными свойствами: концентраціей капиталовъ, раздѣленіемъ труда, скопленіемъ и смѣшеніемъ людей, которые приближаютъ тѣла, не объединяя душъ; рѣзкимъ различіемъ между хозяевами и рабочими и, взамѣнъ того, слитіемъ въ одно существо человѣка и орудія, такъ что работникъ дѣлается не господиномъ ремесла, которымъ онъ занимается, а служителемъ, съ разсчитанными жестами, съ безпокойнымъ или тупымъ взглядомъ, машины, которой паръ сообщаетъ свой грубый режимъ. Самый бѣглый взглядъ предупреждаетъ, что здѣсь вступаешь въ новый міръ. Серъ Робертъ Пиль говорилъ въ 1806 г., что прогрессъ механики создалъ добавочную расу людей. Дѣйствительно, какъ бы новая раса вступаетъ на сцену съ свойственными ей инстинктами, страстями, страданіями,

недовольствіями, идеями, привычками, законами. Съ этихъ поръ есть два различныхъ народа въ Англіи, тѣ два народа, которыхъ Дизраели и М-ссъ Гаскель изобразили въ Sybil и въ Nord et Sud, и пришедшій позднѣе такъ быстро растетъ, что, исходя, такъ сказать, изъ ничего, онъ составляетъ въ 1871 г. болѣе $^4/_5$ трудящагося населенія *).

Въ этомъ удвоенномъ мірѣ, имѣющемъ отнынѣ два полюса, соціальная и политическая система, созданная джентри, становится, такъ сказать, неподходящей. Разумъ не допускаетъ, сила вещей не терпитъ, чтобы цѣлая часть общества, самая молодая, самая горячая и вскорѣ самая многочисленная, та, которая имѣетъ всего болѣе причинъ пользоваться закономъ и правительствомъ, вслѣдствіе новыхъ интересовъ и непредвидѣнныхъ нуждъ, создаваемыхъ прогрессомъ, была лишена всякаго контроля надъ управленіемъ и надъ закономъ. Болѣе справедливое распредѣленіе вліянія должно было взять верхъ въ концѣ концовъ. И этотъ конецъ былъ тѣмъ болѣе неизбѣженъ, что, сосредоточивъ всѣ земли въ своихъ рукахъ, чтобы расширить основаніе своей власти въ аграрномъ отношеніи, джентри сократило этимъ соціальную основу и ослабило право числа черезъ уменьшеніе сельскаго населенія. Каждая перепись, изъ которой вытекало относительное уменьшеніе деревенской массы въ одно время съ замѣтнымъ увеличеніемъ промышленной массы, дѣлала затруднительнѣе аналогію и существованіе исключительной привилегіи въ пользу того изъ двухъ населеній, которые все и болѣе шло на ущербъ.

Причина, еще болѣе глубокая, отдѣляетъ въ концѣ XVIII в. земледѣльческую Англію: это совершенно особенная политическая экономія, которой она придержи-

*) По словамъ Артура Арнольде, земледѣльческое населеніе составляетъ въ общемъ только 5 на 100. (Рѣчь 7 авг. 1885).

вается. Въ эту эпоху во всемъ промышленномъ мірѣ увлеченіе прогрессомъ стремится придать maximum'у производства значеніе своего рода высшаго блага. Maximum производства встрѣчается только тамъ, гдѣ никакое препятствіе, воздвигнутое законами и обычаями, не мѣшаетъ ни вещамъ переходить въ руки, всего болѣе способныя примѣнять ихъ къ дѣлу, ни этимъ рукамъ завладѣвать ими и извлекать изъ нихъ выгоду. Свободное обращеніе капиталовъ, свободное перемѣщеніе силъ, таково двойное правило, возникающее въ новомъ мірѣ въ все болѣе и болѣе неограниченной формѣ. Третій принципъ тотъ, что человѣкъ и капиталъ, для болѣе успѣшнаго производства, должны быть обезпечены въ полученіи всего плода ихъ дѣятельности; изъ этого вытекаетъ, что лѣнивые и слабые должны быть предоставлены послѣдствіямъ своей лѣни и слабости и не должны быть въ тягость трудящимся и сильнымъ. Другими словами: доля каждаго должна измѣряться цѣной затраченнаго имъ труда, а не размѣрами его потребностей.

Доктрины, господствующія въ сельскомъ джентри, и его дѣйствія составляютъ точную противоположность этимъ положеніямъ. Мы видѣли, что крупные собственники съ помощью settlements вновь создали въ свою пользу родъ крѣпостного состоянія, земля изъята изъ обращенія и дѣлается предметомъ болѣе или менѣе насильственной монополіи въ рукахъ класса, рѣдѣющаго изо дня въ день. Землевладѣлецъ, не соотвѣтствующій своей задачѣ, не можетъ продавать; цѣлая категорія усердныхъ наемщиковъ, мелкій крестьянинъ, вѣрный слуга земли, не могутъ покупать. Съ другой стороны, право землевладѣнія раздробляется; существуетъ только одинъ неполный типъ его dominium, право пользованія съ обязательствомъ возвратить, что, взятое само по себѣ, трудно совмѣстимо съ потребностями хорошаго управленія. Странное зрѣлище! Мы прослѣдили за крупнымъ

собственникомъ въ исполненіи имъ его безчисленныхъ общественныхъ функцій, мы взвѣсили его силу, сдѣлали широкій обзоръ его власти. Если мы войдемъ вмѣстѣ съ нимъ въ его положеніе, тогда какъ умъ нашъ поглощенъ и какъ бы подавленъ изображеніемъ этого всемогущества, то это важное лицо, этотъ „король“ является въ нашихъ глазахъ самымъ безпомощнымъ изъ людей. Робкій временный владѣтель, онъ не можетъ ни продать маленькую часть, ни согласиться на закладъ, чтобы покрыть авансы, требуемые землей. Онъ не можетъ срубить дерево, онъ не имѣетъ права согласиться на долгосрочный наемъ. Юристъ сопровождаетъ его во всѣхъ его предпріятіяхъ, разрушаетъ юридическими возраженіями его самые разумные, самые полезные проэкты, или ловко помогаетъ ему въ самыхъ простыхъ дѣйствіяхъ владѣльца, сдѣлавшихся предметомъ важной отвѣтственности. Его единственное средство — просить въ рѣдкихъ возможныхъ случаяхъ дозволенія у cour de chancellerie. Контрастъ поразителенъ!

Положеніе фермера не менѣе антиэкономично, чѣмъ положеніе крупнаго землевладѣльца. Право конфискаціи, такое, какъ оно было организовано въ XVIII в., приноситъ въ жертву кредитора, грозитъ мелкому наемщику; въ результатѣ фермеръ можетъ только съ большимъ трудомъ или найти необходимую для него сумму, или облегчить себя, отказавшись отъ части эксплоатируемаго участка. Наемъ, который можетъ быть изъ года въ годъ уничтоженъ, имѣетъ еще болѣе гибельныя слѣдствія. Genant at mill не обезпеченъ въ томъ, что получитъ плоды своего труда, ни въ томъ, что воспользуется продуктомъ своихъ улучшеній; у него пропадетъ охота предаваться интенсивной культурѣ или прилагать усовершенствованную агрономію. Сантиментальная политика можетъ полагать, что онъ достаточно гарантированъ привычками умѣренности и постоянства владѣтелей, вѣрностью, достойной уваженія, которая соединяетъ лица и

фамилій двухъ классовъ черезъ ряды поколѣній Политическая экономія не полагается такъ сильно на человѣческія добродѣтели. Что фермеръ благосклоннаго хозяина испытываетъ чувство полной безопасности и не боится затрачивать впередъ деньги на землю, это возможно; но какимъ образомъ этотъ фермеръ возьмется сообщить то же довѣріе банкиру, кредитъ котораго ему необходимъ? Въ этомъ случаѣ также земледѣльческая Англія, принужденная разрѣшить трудную задачу отношеній между собственникомъ земли и ея эксплоататорамъ, высказалась за рѣшеніе, прямо противоположное ученіямъ Смита или Юнга. Положеніе, которое она занимаетъ въ началѣ этого вѣка, дѣлается все болѣе и болѣе непрочнымъ и угрожаемымъ среди народа, всѣ силы котораго стремятся къ другому равновѣсію.

Всякое чрезмѣрное неравенство между сильными и слабыми вызываетъ вмѣшательство государства, хранителя воздаятельнаго правосудія, и рекомендуетъ соціалистическія средства. Сельское джентри предчувствовало это; оно предупредило. Нѣтъ исторіи любопытнѣе той, которая указываетъ намъ на особенныя варьяціи соціализма, названныя соціализмомъ tory, развившагося въ концѣ XVIII в. изъ одного и того же движенія, какъ и режимъ латифундій. Это какъ бы добровольное вознагражденіе рядомъ съ злоупотребленіемъ, которое хотятъ увѣковѣчить,—смягчающее средство, приложимое къ возмутительному злу, которое боятся затронуть въ самомъ принципѣ. Налогъ на бѣдныхъ, въ царствованіе Елизаветы, не былъ, строго говоря, соціалистической мѣрой; онъ отдѣляетъ стариковъ и убогихъ отъ здоровыхъ; послѣдніе не получаютъ собственно помощи, имъ достаютъ или навязываютъ работу. Другимъ распредѣляетъ самъ приходъ, т. е. своего рода семья въ большихъ размѣрахъ, подъ контролемъ и въ духѣ благотворительности Церкви. Послѣ 1782 г. учрежденіе пред-

ставляетъ совсѣмъ новый характеръ. Расширеніе латифундій искоренило, сбило и скучило въ извѣстныхъ мѣстностяхъ массу людей, обреченную на нищету и на вырожденіе. Необходимо было дѣйствовать самому джентри, чтобы не допустить вмѣшательство государства. На всей территоріи приказы мирныхъ судей начинаютъ объединять приходы для вспомоществованія бѣднымъ. Они создаютъ настоящіе гражданскіе округи. Бюрократія, отстоящая гораздо дальше отъ получающихъ помощь, находящаяся въ непосредственной зависимости отъ магистратовъ, оказываетъ помощь въ интересахъ чисто свѣтскаго характера общественной тишины, спокойствія и благопристойности, которыя джентри хочетъ поддержать вокругъ себя. Въ продолженіе болѣе пятидесяти лѣтъ воля закона и обычай гласили, что бѣдный не долженъ получать никакой помощи, если онъ не согласится помѣститься, другими словами, быть запертымъ въ рабочемъ домѣ. Помощь бѣднымъ на дому—out door relief—не была дозволена. Out door relief есть явное поощреніе лѣни и безпечности. Актъ 1782 г. снова узаконяетъ этотъ отвратительный обычай. Предполагаютъ, безъ сомнѣнія, что достаточно скудной порціи, чтобы закрыть эти стонущіе рты. Помощь на дому быстро принимаетъ характеръ добавки къ недостаточному заработку, за тѣмъ дополненія, которое служитъ для возстановленія заработной платы, считающейся нормальной. Наконецъ размѣры ея слѣпо опредѣляются числомъ лицъ, нуждающихся въ помощи. 6-го мая 1795 г.—достопамятный годъ—въ speenhamland'ѣ магистраты Беркшира принимаютъ рѣшеніе по которому они объявляютъ, что въ будущемъ будутъ производиться поборы для вспоможенія бѣднымъ рабочимъ и ихъ семьямъ на основаніи разсчета; вслѣдствіе этого они устанавливаютъ масштабъ вспомоществованія пропорціонально цѣнѣ на хлѣбъ и количеству дѣтей. Какъ только постановленіе этого сдѣлалось извѣстнымъ, оно надѣлало шума во всей Англіи.

Эти странныя предписанія списываются, переиздаются магистратами многихъ графствъ и встрѣчаютъ такое торопливое послушаніе въ сельскомъ джентри, что общество дало имъ названіе „акта парламента въ speenhamland'ѣ“, выразивъ тѣмъ, что они обладаютъ всѣмъ авторитетомъ и достоинствомъ общаго закона. Результаты были таковы, какихъ можно было ожидать: деморализація, размноженіе незаконныхъ связей, громадное увеличеніе налога для бѣдныхъ *). Вотъ, какъ мнѣ кажется, соціализмъ, и въ немъ легко можно различить особенную черту. Рамкой для него служитъ не все государство, но широкій округъ, гдѣ дѣло рискуетъ сдѣлаться безличнымъ и краткимъ, какъ дѣло государства. Вспомоществованіе соразмѣряютъ съ нуждами, а не съ заслугами, и приходятъ къ опредѣленію minimum'а заработной платы, гдѣ плата за трудъ и офиціальная милостыня соединяются, какъ двѣ дополнительныя величины, чтобы составить неизмѣнно ту же сумму. Той же тенденціей проникнутъ законъ 1819 г., дарующій каждому приходу право пріобрѣтать землю въ предѣлахъ 20 акровъ, расширенныхъ позднѣе до 50 (1 и 2 Will. IV). и доставлять на ней, за подходящую плату, работу бѣднымъ, способнымъ къ труду. Это настоящія національныя земледѣльческія мастерскія. Очевидно, джентри дѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, чтобы помочь нищетѣ и исправить несправедливости, порожденныя системой, на которой оно основываетъ свое всемогущество. Оно расточаетъ пожертвованія, чтобы сдѣлать ее болѣе терпимой; оно старается умиротворить обездоленныхъ, зависящихъ отъ него, снимая съ нихъ заботу о насущномъ хлѣбѣ. Оно не видитъ, оно не хочетъ видѣть,

*) Согласно съ отчетомъ отъ 25-го марта 1832 г. изъ 7 милліоновъ стерлинговъ, шедшихъ на вспомоществованіе бѣдныхъ, только 5 представляли собой заработную плату. Все остальное служило для уплаты празднымъ.

что дѣло это напрасное и, такъ сказать, противоестественное, и что весь этотъ бальзамъ расширяетъ рану, хотя и смягчаетъ ее. Въ особенности оно не видитъ, что оно становится въ жгучую оппозицію съ главными принципами молодой націи, и что организація, во главѣ которой оно стоитъ, тѣмъ скорѣе сдѣлается какъ бы чуждой и отжившей. Оно не избѣжитъ кромѣ того вмѣшательства государства. Если концентрація собственности и власти въ небольшомъ числѣ рукъ была доведена до этой крайности, то дѣлается неизбѣжнымъ наступленіе того дня, когда законодатель будетъ призванъ помочь обездоленнымъ и обуздать злоупотребленія силы, издавъ правила, надзоръ за исполненіемъ которыхъ будетъ возложенъ на бюрократію. Соціализмъ tory могъ служить только временнымъ разрѣшеніемъ, низшей и скоро одряхлѣвшей формой „государственнаго соціализма“, сдѣлавшагося необходимымъ, вслѣдствіе тягостнаго усиленія монополіи.

VI.

Мануфактура и помѣстье.

Между тѣмъ какъ сельскій міръ порождаетъ олигархію, которую я описалъ, не менѣе характерная эволюція происходитъ въ промышленномъ мірѣ; точкой отправленія для нея служитъ мирный благовидный союзъ между мануфактуристами и джентри; она заканчивается полнымъ рѣзкимъ распаденіемъ. Прежде даже, чѣмъ промышленность сдѣлала значительный прогрессъ, мануфактуристы пользуются, повидимому, большимъ вліяніемъ, Адамъ Смитъ описываетъ ихъ страшными для правительства и достаточно владѣющими общественнымъ мнѣніемъ,

чтобы считаться очень популярными въ народѣ. Парламентъ принимаетъ во вниманіе ихъ требованія; они получаютъ нѣкоторые законы вполнѣ выгодные для нихъ и часто очень стѣснительные для поземельныхъ собственниковъ. Задаются вопросомъ, какимъ образомъ джентри могло принять и вотировать тѣ законы, которые подвергали стрижку овецъ и перевозку шерсти мѣропріятіямъ, повидимому, нестерпимымъ. *) Вѣроятно, вначалѣ эти мѣропріятія были не столько уступками интересамъ могущественнаго класса, сколько результатомъ ошибки, свойственной всѣмъ классамъ;—ошибки, позволяющей видѣть высшее благо государства въ привлеченіи и удержаніи возможно большаго количества иностранныхъ денегъ. Джентри разсчитываетъ, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ этими выскочками; но оно легко справляется съ ними путемъ мирныхъ индивидуальныхъ сдѣлокъ. По мѣрѣ того какъ они возвышаются, ихъ обходятъ. Это богатая и легкая добыча. Бракъ приводитъ къ соглашенію однихъ; другіе пріобрѣтаютъ помѣстье, находятъ пріемъ у эсквайровъ, входятъ въ кадры поземельныхъ собственниковъ и готовятся сдѣлаться родоначальниками джентри. Въ продолженіе всего этого перваго періода мануфактуристы заботятся о своихъ интересахъ; но они не считаютъ эти интересы противуположными интересамъ крупной собственности. Тотъ же духъ монополіи проникаетъ оба класса; они помогаютъ другъ-другу, обмѣниваются взаимными услугами и чередуютъ законы благопріятствующіе тому и другому. Привилегіи сельскаго джентри не раздражаютъ новыхъ людей, которыхъ промышленность сдѣлала выше подобныхъ себѣ. Они еще не чувствуютъ всей своей силы; кромѣ того, ихъ число не велико, ихъ возвышеніе идетъ постепенно. Какъ только они прикасаются къ поверхности, они притягиваются одинъ къ другому и

*) Adam Smith кн. IV гл. VIII.

поглощаются господствующимъ классомъ; они становятся удовлетворенными (satisfaits) и ихъ примѣръ поддерживаетъ среди тѣхъ, которые за ними слѣдуютъ, уваженіе къ соціальной организаціи, готовящей такой вѣнецъ для ихъ трудовой жизни.

Интересы, которые только нащупываютъ свою абстрактную формулу, могутъ сближать людей; они ихъ не соединяютъ, не сливаютъ ихъ въ одну единую массу для дѣйствія. Это все равно, что армія безъ мундира и безъ знамени; она выноситъ оборонительное положеніе; но она не имѣетъ порыва и увлеченія, которые нужны при штурмѣ. Одни общіе принципы могутъ дать необходимую степень напряженія, чтобы привести въ движеніе и поддержать до конца рѣшительный напоръ. Эти принципы были готовы въ промышленномъ мірѣ. Можетъ быть, читатели не совсѣмъ примѣтили тѣсныя соотношенія между теоріей свободнаго обмѣна и конкуренціи и культомъ природы, религіей XVIII вѣка. (*) Ученіе того времени приписываетъ природѣ человѣка надежный инстинктъ, который успѣшно замѣняетъ разсчитанныя усилія законодателя,— силу развитія, развитія ихъ разрушающаго,—глухо бродило въ умахъ и старалось все привести къ себѣ. „Laissez faire, laissez passer“—только переложеніе этого двойного принципа экономическаго порядка и формы. Первое выраженіе его находятъ въ оптимизмѣ Адама Смита, второе—въ фатомумѣ Мальтуса и Рикардо. Долго это были только теоріи философовъ и публицистовъ; но онѣ не могли не войти въ силу и не распространиться. Когда Рикардо былъ выбранъ членомъ парламента, онѣ вошли туда вмѣстѣ съ нимъ (1819). Очевидно, что консервативный гуманитарный соціализмъ.— который, какъ я указалъ, внушаетъ пріемъ out door relief, диктуетъ законъ о приходскихъ фермахъ; изобрѣтаетъ нормальную заработную плату, добавочныя деньги

*) См. Типѣее стр. 20.

для которой должны быть доставлены общественною благотворительностью,—былъ противенъ положенію о свободной конкуренціи. Въ этомъ сказалось глубокое разногласіе въ принципахъ и начало разрыва между двумя Англіями, земледѣльческой и промышленной. Противорѣчіе вначалѣ не было очень—чувствительнымъ. Мануфактуристы отвыкали медленно отъ идей о монополіи. Договоръ 1786 г. съ Франціей былъ простымъ смягченіемъ запретительнаго режима; онъ не обозначалъ серьезнаго обращенія заинтересованныхъ лицъ къ противуположному режиму.

Только около 1820 года доктрина объ экономической свободѣ рѣшительно завладѣваетъ умами, снимаетъ маску съ ходячихъ предразсудковъ, даетъ знать о себѣ, какъ о практической истинѣ, обращается съ довѣріемъ къ общественному мнѣнію и рѣшается проникнуть въ законодательство. Къ этому году относится петиція, представленная парламенту лондонскими купцами. Въ ней доказывалось гибельное дѣйствіе запретительныхъ и покровительственныхъ пошлинъ и законовъ, претендовавшихъ регламентировать торговлю. Съ тѣхъ поръ толчекъ данъ. Торговая палата въ Эдинбургѣ составляетъ петицію въ томъ же направленіи. Комитетъ палаты общинъ представляетъ докладъ, настоящій манифестъ о свободномъ обмѣнѣ. Въ 1823 году лондонскіе купцы съ еще большею энергіей требуютъ отмѣны ограничительной системы, „даже если (выраженіе петиціи) другія націи замедлятъ принять соотвѣтствующія мѣры“. Законодатель уступаетъ наконецъ давленію, которое сдѣлалось неодолимымъ. Въ 1822—23 году исключительная привилегія, установленная законами о мореплаваніи въ пользу англійской торговли, уменьшена. Она упразднится окончательно въ 1849 году. Въ 1825 году въ одно и то же время падаетъ легальное запрещеніе вывова шерсти и смягчается легальное запрещеніе вывоза машинъ (это послѣднее исчезаетъ вполнѣ только въ

1843 году. Въ томъ же году карательныя мѣры противъ лицъ, сманивающихъ рабочихъ за границу, и противъ самихъ-же рабочихъ отмѣняются. Внутри даруютъ работящему классу свободу объединяться въ союзы и дѣлать стачки, чтобы добиваться возвышенія заработной платы. Невозможно просматривать законодательные подлинники періода, продолжающагося отъ 1820 до 1830 года, не почувствовавъ новаго, смѣлаго, либеральнаго и прогрессивнаго общества, находящагося въ абсолютномъ контрастѣ съ инертной и ограниченной партіей этихъ первыхъ котонлордовъ, какъ ихъ называли, столь быстро поглощенныхъ и ассимилированныхъ поземельнымъ дворянствомъ. Очевидно, что свѣтъ коснулся глазъ этихъ новыхъ пришельцевъ; они знаютъ, видятъ и вѣруютъ, духъ конкурренціи и свободы, оптимизмъ, который не боится борьбы за существованіе, а стремится къ ней, наклонность къ широкому движенію.— двигатели, неизвѣстные предыдущему поколѣнію, проникаютъ ихъ, удаляютъ ихъ отъ земледѣльческой аристократіи, противополагаютъ ихъ ей. Съ тѣхъ поръ открывается борьба между старой и новой Англіей, между мануфактурой и замкомъ. Классъ крупныхъ промышленниковъ не только сознаетъ свою силу и свое значеніе въ государствѣ: онъ имѣетъ общую вѣру, готовые принципы, рядъ хорошо связанныхъ идей, чтобы одержать верхъ. Двѣ группы интересовъ формируютъ классы для сраженія: два экономическихъ понятія служатъ имъ знаменами. Исключенный до тѣхъ поръ изъ политическаго міра, новый классъ вновь требуетъ себѣ мѣста, оспариваетъ его при помощи общественнаго мнѣнія, получаетъ, наконецъ, его отъ своихъ растерявшихся противниковъ. Реформа 1832 года освящаетъ въ его пользу раздѣленіе власти. Но не будемъ думать, что эта крупная мѣра отдала справедливость обиженной части народа. Это болѣе, чѣмъ шагъ къ равенству, залогъ данный демократіи. Новая политика, созданная долгимъ подготовленіемъ,

вступаетъ вмѣстѣ съ этими новыми людьми въ парламентъ, проникаетъ въ законы, вкрадывается въ нравы и старается привести къ своей нормѣ старую удивленную Англію.

VII.

Реформа 1832 года. — Заключеніе.

Въ 1832 году произошла схватка и первое столкновеніе между двумя Англіями. Въ планъ этого труда не входитъ припоминать послѣдовательный рядъ схватокъ и нападеній, оспариваемыя побѣды, постепенное отступленіе земледѣльческаго джентри, и вести до настоящаго момента повѣствованіе о борьбѣ, которая еще не закончена. Одна за другой падаютъ привилегіи высшаго класса. Во-первыхъ, привилегіи политическія. Реформа 1832 года призываетъ крупные мануфактурные города выбирать представителей и передаетъ имъ парламентскія мѣста, отнятыя у „bourgs de pocheˮ земледѣльческой аристократіи. Законъ 1835 года уничтожаетъ въ старыхъ городахъ мелкіе замкнутые и продажные цехи, которые продавали свои голоса крупнымъ владѣтелямъ. Въ 1838 году ослабляется исключительный характеръ избирательнаго ценза, до тѣхъ поръ основаннаго на поземельной собственности. Въ 1858 году этотъ цензъ исчезаетъ совершенно.

Экономическія привилегіи уничтожены однимъ ударомъ въ 1846 году. „Хлѣбные законыˮ отмѣняются и внутренній рынокъ дѣлается открытымъ для иностранныхъ хлѣбовъ. Фискальныя льготы поколеблены, именно въ 1853 году, и въ 1885 году; проектъ, исходящій отъ правительства, чуть было не уничтожилъ того, что отъ

нихъ оставалось. Но съ большимъ жаромъ завязалась борьба за гражданскія привилегіи и за административную власть, и побѣда будетъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Джентри старалось впродолженіи всего XVII вѣка сдѣлать изъ обладанія землей—монополію,—концентрируя владѣнія въ рукахъ небольшого числа людей,—заповѣдное владѣніе, переводя ее въ родовое неприкосновенное наслѣдіе однѣхъ и тѣхъ-же фамилій. Оно поставило себя въ положеніе экономическаго противорѣчія, создавъ для земледѣльца условія наиболѣе зависящія отъ случая, и наиболѣе ненадежныя въ дѣлѣ, которое требуетъ манипуляціи и разсчетовъ на отдаленные сроки. Монополія, заповѣдное владѣніе, экономическое противорѣчіе призываютъ и равнымъ образомъ оправдываютъ вмѣшательство законодателя, хранителя общественныхъ интересовъ, находящихся въ опасности. Наполеонъ говорилъ, при обсужденіи закона 1810 года о рудникахъ, что онъ не дозволитъ частному лицу обезплодить въ хлѣбородномъ департаментѣ 20 миль земли для устройства на этой землѣ парка*). Право располагать своимъ имуществомъ не простирается до того, чтобы лишить народъ его пропитанія. И опасность здѣсь тѣмъ болѣе серьезна, что, согласно съ наиболѣе вліятельными юрисконсультами, римское и французское понятія о правѣ собственности, понимаемой, какъ право пользованія и злоупотребленія, чуждо англійскому общему праву. Это право признаетъ въ принципѣ только владѣніе т. е. условное земельное пользованіе. Эта собственность, носящая совершенно относительный характеръ, безконечно менѣе устроена въ самой себѣ и въ своей законности; она защищается слабѣе и не такъ свысока противъ доводовъ государства. Послѣдніе законы, которые опредѣлили отношенія землевладѣльцевъ и фермеровъ въ Ирландіи, не натолкнулись ни на какія

*) См. Menant.—Annales de l'école de sciences politiques, n° 2.

юридическія затрудненія, когда они устранили принципъ свободы соглашеній, замѣнили борьбу спроса и предложенія оффиціальнымъ третейскимъ судомъ и фактически сдѣлали фермера совладѣльцемъ земельнаго участка. Они имѣли предъ собой только экономическіе интересы и соображенія, имъ нужно было побѣдить только случайные доводы.

Въ Шотландіи недавній законъ о крофтерахъ показываетъ намъ, что законодатель можетъ наносить и болѣе тяжелые удары праву собственности; замѣтьте, что въ этомъ спорѣ обѣ стороны обвиняли только обстоятельства, ссылались только на expediency. Даже въ Англіи землевладѣльцы выказали не больше подготовки къ принципіальному сопротивленію, когда дѣло шло о защитѣ земледѣльца противъ убытковъ причиняемыхъ дичью, ни когда былъ поднятъ вопросъ объ обезпеченіи его вознагражденіемъ за продолжительныя улучшенія, на которыя онъ затратилъ деньги. Въ этомъ случаѣ также явный ударъ былъ нанесенъ свободѣ договоровъ. Теперь есть права, отъ которыхъ фермеръ не можетъ отказаться по контракту; есть улучшенія, которыя онъ можетъ дѣлать противъ желанія землевладѣльца, не теряя своего права на вознагражденіе, назначаемое третейскими судьями. Еще надо добавить, что, если выслушать жалобы класса, который получилъ выгоды отъ закона, и прочесть предложенія публицистовъ, то законъ о землевладѣльческихъ арендахъ является только робкимъ введеніемъ къ мѣропріятіямъ болѣе радикальнымъ. Намѣреніе привести собственника къ положенію простого владѣльца оброчныхъ статей болѣе не скрывается, и недалекъ тотъ день, когда на глазахъ у этого безсильнаго зрителя арендаторы будутъ обрабатывать его землю по своему способу и будутъ ее передавать изъ рукъ въ руки. Это, впрочемъ, не единственная угроза, тяготѣющая надъ поземельною собственностью. Вліятельные люди собрали и включили въ свою программу, какъ пред-

меты, достойные полнаго вниманія, проекты, которые по меньшей мѣрѣ хотятъ даровать муниципальнымъ властямъ право экспропріаціи по такимъ же цѣнамъ, какъ и при полюбовной сдѣлкѣ, volentis volenti,—городскихъ и пригородныхъ земель*); они не видятъ ничего чрезмѣрнаго въ требованіи возвратить клочки земли, которые они выдаютъ захваченными противузаконно, и въ расширеніи предѣловъ прескрипціи, чтобы вѣрнѣе поразить хищниковъ. Прибавимъ, наконецъ, агитацію поддерживаемую такими обществами, какъ Land Reform Union, Scothland restauration league, какой шумъ произвели книги и рѣчи Генри Джоржа, памфлетъ Уоллеса, какое эхо они пробудили въ соціальныхъ слояхъ, считающихся консервативными, въ особенности среди „clergymen“ клерикаловъ. Къ тому же съ давнихъ поръ, почва, на которую падаютъ сѣмена новѣйшаго соціализма, была разрыхлена извѣстными теоретиками. Джонъ Стюартъ Милль, напр., требовалъ возвратить государству эту часть разницы между повысившейся стоимостью земли и ея первоначальной стоимостью, которая не зависитъ отъ искусства землевладѣльца и представляетъ слѣдствіе общаго прогресса. Британскій режимъ латифундій открылъ доступъ и приготовилъ путь для цѣлой серіи аграрныхъ законовъ**).

---

*) Проектъ г. Уессе Коллингсъ, критикуемый по существу лордомъ Рандольфомъ Черчиллемъ (преніа 2 октября 1886 года).

**) Вотъ перечисленіе реформъ, требуемыхъ въ настоящее время передовой партіей: free land league, которая ее представляетъ, вотировала эту программу въ 1885 году (Daily News: 19 августа 1885 года):

1) Отмѣна права первородства.

2) Отмѣна аренды-copyhold и манорiальныхъ правъ.

3) Запрещеніе дѣлать субституціи въ пользу лицъ не родившихся и создавать права пожизненной собственности на землю.

4) Регистрація правъ собственности, какъ способъ доказательства ихъ передачи, занесеніемъ въ роспись.

Административная власть испытала не меньшія нападенія и находится не въ меньшей опасности. Должности вмѣстѣ съ потребностями увеличиваются безпрестанно въ прогрессирующемъ обществѣ. Въ концѣ концовъ удовлетвореніе этой все болѣе нарождающейся задачѣ превысило силу и компетенціи старинныхъ властей графства. Необходимо было организовать спеціальныя учрежденія, соотвѣтствующія промежуточнымъ округамъ между графствомъ и приходомъ. Магистраты—еще члены суда, но они болѣе фактически не присутствуютъ на засѣданіяхъ. Напротивъ, государство вмѣшивается въ эти новыя управленія активнѣе, чѣмъ въ старыя. Оно вмѣшивается, во первыхъ, путемъ детальной регламентаціи, во вторыхъ, при посредствѣ чиновника, полномочія котораго изо-дня въ день расширяются: это инспекторъ. Инспекторъ имѣетъ доступъ во всѣ комиссіи, можетъ требовать отчеты, имѣетъ сношеніе съ секретаремъ помимо мѣстной власти и имѣетъ право требовать отставку ея служащихъ. Джентри и у себя чувствуется свободно только во время трехмѣсячныхъ сессій графства, гдѣ оно не встрѣчается съ выборными членами и гдѣ государство воздерживается мѣшать ему. Но эти сессіи много потеряли въ своемъ значеніи. Фактъ, что налогъ графства представляетъ только минимальную часть всѣхъ

---

5) Принятіе предварительныхъ мѣръ при продажѣ ипотечныхъ имѣній, назначенныхъ въ наслѣдство.

6) Сохраненіе общественныхъ земель и правъ пользованія жителей землею и водой; возстановленіе тѣхъ изъ правъ, которые были захвачены противузаконно.

7) Возстановленіе гражданскихъ правъ держателей долгосрочныхъ арендъ.

8) Усовершенствованіе закона объ отношеніяхъ между землевладѣльцами и арендаторами, съ цѣлью поощренія улучшеній въ хозяйствѣ.

9) Мѣры, для того чтобы облегчить народу посредствомъ закона и посредствомъ содѣйствія мѣстныхъ учрежденій покупку земли съ цѣлью строиться на ней или же обработывать ее.

мѣстныхъ налоговъ, едва 5%, указываетъ на размѣръ этого быстраго упадка. Странный контрастъ! Въ XVIII вѣкѣ джентри исключало профессіональныхъ членовъ, юрисконсультовъ изъ судебныхъ комиссій, теперь оно вытѣсняется и изгоняется, въ свою очередь, инженеромъ, врачомъ, гигіенистомъ, цѣлой бюракратіей ученыхъ спеціалистовъ. Предлагали уже нѣсколько разъ отнять у него остатокъ его административной и финансовой власти и передать ее общимъ совѣтамъ, въ большинствѣ выборнымъ, гдѣ магистраты не будутъ фактически засѣдать, даже если бы они продолжали считаться въ немъ членами суда. Поговариваютъ объ уничтоженіи множественнаго вотума, который даетъ имъ замѣтное преимущество, объ установленіи секретной баллотировки и т. д. Хотятъ по этому же самому случаю освободить приходъ, возродить въ немъ self government (самоуправленіе), которое было задушено въ XVIII-мъ вѣкѣ. Получая угрозы, съ одной стороны, отъ государства и бюрикратіи, съ другой, отъ поборниковъ избирательнаго принципа, аристократическое учрежденіе не такъ много сохранило своего стариннаго престижа, чтобы замедлить неизбѣжный успѣхъ этой совокупной атакѣ.

Джентри руководило въ продолженіи вѣковъ судьбами Англіи. Законодательство, управленіе, мѣстная администрація, внѣшняя политика, всѣ отрасли общественной жизни глубоко несутъ его отпечатокъ. Орудіе королевской власти во время царствованія Тюдоровъ, полезное для своего класса и воистину патріотическое оно, пустилось послѣ окончательнаго паденія Стюартовъ на опасную дорогу абсолютной власти. Уже оно подчинило себѣ и ограбило церковь, лишило власти династію, унизило корону. Оно старалось, наконецъ, подчинить весь народъ своей власти; оно завладѣло землею въ королевствѣ, оно уничтожило приходское самоуправленіе, пріобрѣло право инвеституры на всѣ мѣстныя должности, расширило почти безгранично свою собственную юрисдикцію въ

графствахъ, ослабило высшій контроль государства, поработило избирательное сословіе, заняло обѣ палаты парламента, заградило всѣ дороги къ общественной власти другимъ классамъ. И въ тотъ моментъ, когда оно пыталось заключить англійскій народъ въ тюрьму, на старой Англіи какъ бы наросла новая страна, открытая кнаружи, засѣянная новыми идеями. Предпріятіе не удалось. Новый народъ отринулъ своихъ владыкъ, преслѣдовалъ ихъ на ихъ собственной землѣ. Послѣ 1832 года движеніе не остановилось. Другіе классы проникли черезъ брешь вслѣдъ за крупными мануфактуристами. Въ 1867 году городскіе рабочіе взломали дверь въ законную страну. Въ 1872 году фермеры, признанные избирателями съ 1832 года, пріобрѣли путемъ секретной баллотировки независимость ихъ вотума; въ 1884 году земледѣльческіе рабочіе были введены въ свою очередь въ число избирателей и Англія только недавно сдѣлала первый опытъ quasi - всеобщей подачи голосовъ. Особенное слѣдствіе аристократической революціи въ XVIII вѣкѣ состоитъ не столько въ томъ, что она сняла оковы съ демократіи, сколько въ томъ, что она глубоко расшатала понятіе о собственности и пробудила сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ химеру аграрнаго радикализма. Это опасное добавленіе къ соціальнымъ и политическимъ требованіямъ нашего времени есть отвѣтъ, отвѣтъ вызванный, несоразмѣрнымъ претензіямъ земельной олигархіи послѣдняго вѣка. Какъ бы тамъ ни было, въ грядущій день, когда другая организація мѣстной администраціи, другое распредѣленіе земельной собственности возьмутъ верхъ и перемѣстятъ основанія политической власти, старая Англія перемѣнитъ, такъ сказать, душу: прежняя душа исчезнетъ съ уничтоженіемъ джентри, которое было для нея здоровымъ и бодрымъ тѣломъ. Новая жизнь одушевитъ заново изготовленную *плоть земную* англійской демократіи.

КОНЕЦЪ.

Изданія книгопродавца М. В. Клюкина.

Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

а) ДОБРЫЯ ДУШИ.

Чтеніе для дѣтей и для народа.

№ 1 **Засодимскій, П. В.** „Изъ сказокъ жизни". Разсказы для дѣтей. Съ 2 рис. Ц. 5 к.

№ 2 **Баранцевичъ, К. С.** „Христосъ воскресъ!". Разс. Съ рис. Ц. 5 к.

№ 3 **Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А** I. „Савельичъ". II. „Настя". Разсказы изъ жизни простыхъ людей. Съ 2 рис. Ц. 5 к.

№ 4 **Засодимскій, П. В.** „Аля". Изъ біографіи одной маленькой дѣвочки. Съ 2 рис. Ц. 5 к.

№ 5 **Кругловъ, А. В.** „Зеленый домикъ". Правдивая исторія. Съ 2 рис. Ц. 5 к.

№ 6 **Огарковъ, В. В.** „Жемчужина Востока". Христіанская легенда. Съ 2 рис. Ц. 5 к.

№ 7 **Михаловскій, Д. Л.** „Доброе слово пастыря". Эпизодъ изъ временъ Отечественной войны. Съ 1 рис. Изд. 3-е. Ц. 3 к. (Одобрено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для начал. уч).

№ 8 **Разина, Е. А.** „Лукерьюшка". Разск. Съ 3 рис. Ц. 5 к.

№ 9 **Добротворскій, Н. И.** I. „Бабушка Олена". II. „Смерть дѣда". Два разсказа. Съ 3 рис. Ц. 4 к.

№ 10 **Васильевъ М.** „Простой человѣкъ". Раз. Съ 3 рис. Ц. 5 к.

№ 11 **Златовратскій, Н. Н.** „Аннушка". Разск. Съ 2 рис. Ц. 5 к.

№ 12 **Филипповъ, Н. Н.** „Св. Стефанъ, епископъ Пермскій". Истор. разск. Съ 2 рис. Изд. 3-е. Ц. 3 к. (Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для биб. народ. уч.).

№ 13 **Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** „Постойко". Разсказъ. Ц. 3 к.

№ 14 **Ладыженскій, В. Н.** „На пашнѣ". Раз. и сказ. Съ 3 рис. Ц. 7 к.

№ 15 **Филипповъ, Н. Н.** „Защитники и молитвенники земли русской". Истор. разск. Ц. 5 к.

№ 16 **Покровскій, И.** Послѣ раздѣла. Разск. Съ 2 рисун. Изд. 2-е. Ц. 5 к. (Одоб. Учен. Ком. Мин. Народ. Просв. и Училищ. Сов. при Св. Синодѣ).

№ 17 **Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.** Душевный человѣкъ. Р. Ц. 3 к.

№ 18 **Кругловъ, А. В.** Елка въ царствѣ звѣрей. Разс. съ 4 рис. Изд. 2-е. Ц. 5 к. (Одоб. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр).

№ 19 его-же. Божій человѣкъ. Разсказъ. (Одоб. Уч. Ком. М. . Пр.) Ц. 10 к.

№ **Соловьевъ-Несмѣловъ.** Простые люди. Разсказъ съ рисун. Ц. 20 к.

№ 12 **Кругловъ, А. В.** Въ гостяхъ, очеркъ Ц. 20 к.

Фонъ-Хейденфельдтъ. Изъ женской жизни. По поводу Крейцеровой сонаты. Ц. 40 к.

Альбовъ, М. День да ночь. Эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы. Ц. 1 р. 50 к..

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Среди людей. Раз. и пов. Ц. 1р.

его-же. Будьте счастливы! (Мысли о счастьи). Ц. 20 к.

Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Съ рисунк. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія для дѣтей.

Бѣлоусовъ. И. А. „Малыши". Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Съ 35 рис. Изд. 2-е. Ц. 30 коп., въ папкѣ 45 к.

Васильевъ. М. „Въ лѣсу и въ полѣ". Разсказы для дѣтей. Съ 28 рис. въ текстѣ. Цѣна 30 к., въ папкѣ 45 коп.

Его-же. „Ребятки". Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. Съ 30 рис. въ тек. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ. Н. А. „Маленькія дѣти". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ 40 рис. въ текстѣ. Ц. 35 коп., въ папкѣ 50 коп.

Баранцевичъ. К. С. „На волю". Разсказы для дѣтей. Съ 10 рис. Изд. 2-е. Цѣна 30 к., въ папкѣ 45 коп.

Борисовъ. Н. А. „Калевала". Финскія народныя былины для юношества. Съ рис. Цѣна 50 к., въ папкѣ 60 к. (Одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. и Уч. Ком. по учрежд. Императрицы Маріи).

Васильевъ. М. „Гурьбой". Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. Съ 25 рис. Цѣна 35 к., въ папкѣ 50 к.

Фарраръ. „Тьма и разсвѣтъ". Историч. романъ изъ временъ Нерона (для юношества). Ц. 1 р. въ пер. 1 р. 75 к.

Дж. Леббокъ. „Красоты природы и ея чудеса". Ц. 65 к.

Засодимскій. П. В. „Изъ дѣтскихъ лѣтъ". Воспоминанія и разсказы. Цѣна 60 к., въ папкѣ 75 к.

Кругловъ. А. В. „Превращенія Зины". Съ рис. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.

Поливанова, Е. „Находка". Разсказъ для дѣтей. Съ рис. М. 93 г. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к. (Допущено Учен. Ком. М. Нар. Просв. для библ. нач. учил.).

Д. Маминъ-Сибирякъ. „На вольномъ воздухѣ". Разск. Съ рисунк. Ц. 30 коп., въ папкѣ 45 коп.

Лѣсничій, Ан. Приключенія Ивасека мален. хохла. Поэма въ стих. Съ рис. Изд. 2-е. М. 96 г. Ц. 30 коп., въ папкѣ 45 коп. (1-е изд. допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для библ. начал. учил.).

Кругловъ, А. „Котофей Котофеевичъ". Повѣсть для дѣтей. Съ рисун. Изд. 2-е. Цѣна въ папкѣ 1 р. 25 коп.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. „Дѣтскій мірокъ". Разсказы изъ жизни дѣтей и окружающей ихъ природы. Чтеніе для дѣтей отъ 6 до 12 лѣт. возр. Съ рис. Ц. 75 к.

Догановичъ, А. „Въ кругу дѣтей". Разсказы для дѣтей. Съ рисун. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Кругловъ, А. „Все пріятели". Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Съ рисун. 30 к., въ папкѣ 45 коп.

Коринфскій, А. „На ранней зорькѣ". Стихотворенія для дѣтей. Съ рис. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к.

М. Васильевъ. Изъ дѣтства, разск. и сказски. Съ рисунками. Ц. 40 к.

Ил. Смирновъ. Родное, разсказы для дѣтей. Съ рисун. Ц. 75 к., въ коленк. переп. 1 руб.

его-же. „Подпасокъ". Разсказъ для дѣтей. Съ рис. Ц. 40 к. (Одобрено Фребелевскимъ Общест. для дѣтей младшаго возраста).

его-же. „Послѣ экзаменовъ". Разсказъ для дѣтей. Съ 6-ю рис. Ц. 20 к, въ папкѣ 35 к.

А. Кругловъ. Первое говѣнье. Съ рисунк. Ц. 40 коп.

его-же. „Изъ золотого дѣтства. Повѣсть для дѣтей. Съ 62-мя рис. въ текстѣ. Ц. въ папкѣ 1 р. (Одобрена Учен. Ком. М. Н. Пр.).

Цѣна 60 коп.